



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1

Выпуск (858)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ



Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930



MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

1

Issue (858)



The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

1930



ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1(858)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

В. К. Белозёров

доктор политических наук, профессор

Ответственный редактор

М. В. Пупышева

кандидат политических наук

Ответственный секретарь

А. А. Азаренкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Новикова И. Н.	доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Передня Д. Г.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, профессор (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)



VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1(858)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
V. K. Belozyorov

Editor-in-charge
M. V. Pupysheva

Responsible Secretary
A. A. Azarenkova

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

PhD (Political Science)

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Novikova Irina	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Saint Petersburg State University)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Perednya Dmitry	Doctor of Sociology (Dr. Habil), Associate Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Saint Petersburg State University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Национализм и евроатлантизм во внешней политике Румынии АЗАРЕНКОВА А. А.	9
К вопросу о политической системе Андорры БАРТОЛОМЕ АРЕНИ П.	17
Деятельность турецкого просветительского Фонда Маариф (на примере стран Центральной Азии) ВЕЛИЕВА Л. Э.	27
Проблематика глобального управления в научном и официальном дискурсе современного Китая КОЖУХОВА К. Е.	33
Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений ХОЛОВ С. Х.	41
Тюркская кооперация как новый фактор интеграции в Центральной Азии ШАМИШЕВ Е. Д.	53

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

«Великая стройка коммунизма» в Крыму: строительство Северо-Крымского канала и задачи его освоения ГОРЛОВ В. Н.	62
Из опыта применения внутренних войск МГБ СССР по борьбе с украинскими националистами на Западной Украине в 1949 году ЗАБРОДЧЕНКО Г. Е., КЛИМОВ А. А.	69
Организация воздушной обороны Царицына (1918–1919) ЛАШКОВ А. Ю.	77
Война как способ разрешения противоречий между системами государств: ретроспектива и перспективы ЛОБАНОВ К. Н., ВУКЧЕВИЧ Н.	85
Особенности формирования американо-мексиканской границы ТОЛОЧЕНКО С. В.	92

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Проявление национальных особенностей украинцев в условиях моно- и полиэтничности: социологический анализ ПЕРЕДНЯ Д. Г.	98
Качество результатов социологического исследования в системе основных научных понятий и категорий ПРИМАКОВ В. Л.	106
Отношение подростков к проявлениям преждевременной социализации САЛИСТАЯ Г. С.	114
Эволюция подходов к анализу пространственной дифференциации смертности ХАЗИПОВА С. Р.	122

POLITICAL SCIENCES

Nationalism and Euro-Atlanticism in Romania's Foreign Policy AZARENKOVA A. A.	9
The Andorran Political System Revisited BARTOLOMÉ ARENY P.	17
The Activities of the Turkish Educational Foundation Maarif (on the example of Central Asian Countries) VELIEVA L. E.	27
Global Governance in the Foreign Policy of the People's Republic of China KOZHUKHOVA K. E.	33
Conceptual Approaches to the Analysis of Terrorism as a Destabilizing Factor in Modern International Relations KHOLOV S. KH.	41
Turkic Cooperation as a New Factor of Integration in Central Eurasia SHAMISHEV E. D.	53

HISTORICAL SCIENCES

The "Great Construction of Communism" in Crimea; the Construction of the North Crimean Canal and the Tasks of Its Development GORLOV V. N.	62
From the Experience of the Use of the Internal Troops of the MGB of the USSR in the Fight Against Ukrainian Nationalists in Western Ukraine in 1949 ZABRODCHENKO G. E., KLIMOV A. A.	69
Organization of Air Defense of Tsaritsyn (1918–1919) LASHKOV A. YU.	77
War as a Way to Resolve Contradictions between State Systems: a Retrospective and Prospects LOBANOV K. N., VUKČEVIĆ N.	85
The Peculiarities of the Formation of the U.S.-Mexican Border TOLOCHENKO S. V.	92

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Manifestation of National Characteristics of Ukrainians in the Conditions of Mono- and Multi-Ethnicity: Sociological Analysis
PEREDNYA D. G..... 98

Quality of Sociological Research Results in the System of Basic Scientific Concepts and Categories
PRIMAKOV V. L. 106

The Attitude of Adolescents to the Manifestations of Premature Socialization
SALISTAYA G. S. 114

The Evolution of Approaches to the Analysis of Spatial Differentiation of Mortality
KHAZIPOVA S. R. 122



Национализм и евроатлантизм во внешней политике Румынии

А. А. Азаренкова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
azarenkova_alina99@mail.ru*

Аннотация. Синтез национализма, европеизма и атлантизма становится отличительной чертой современных восточноевропейских государств. Особое место в этом контексте занимает Румыния. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей внешнеполитического курса Румынии с учетом его исторических особенностей и современного позиционирования. Изучение концептуальных и идеологических основ позволяет определить, как государство выстраивает внешнюю политику, а также предугадать некоторые шаги по реализации своих целей и интересов. Анализируется национальная составляющая, геополитические амбиции, а также европейское и атлантическое направления в современной перспективе. Особое внимание уделяется влиянию националистических и евроатлантических идей на формирование внешнеполитического курса страны, а также их роли в определении стратегических приоритетов и целей Румынии на международной арене. Среди использованных методов исследования особо значимы исторический и ретроспективный. Они служат для понимания генезиса основных внешнеполитических направлений. Востребован также контент-анализ документов, связанных в том числе и с политикой безопасности. Был также проведен обзор трудов, посвященных румынской внешнеполитической и геополитической мысли. Автор приходит к выводу, что на современное внешнеполитическое позиционирование государства оказал влияние исторический аспект, связанный с обретением независимости, сохранением государства и нации, а также необходимостью обеспечения безопасности и балансированием между великими державами. В качестве ресурсов для достижения национальных целей были выбраны такие организации, как Европейский союз и НАТО. Статья представляет интерес для исследователей, занимающихся вопросами внешней политики Румынии, национализма и евроатлантической интеграции.

Ключевые слова: Румыния, внешняя политика, национализм, европеизм, атлантизм, внешнеполитическая идентичность, национальная безопасность

Для цитирования: Азаренкова А. А. Национализм и евроатлантизм во внешней политике Румынии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 9–16.

Original article

Nationalism and Euro-Atlanticism in Romania's Foreign Policy

Alina A. Azarenkova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
azarenkova_alina99@mail.ru*

Abstract. The synthesis of nationalism, europeanism and atlanticism is becoming a distinctive feature of modern Eastern European states. Romania takes a special place in this context. The purpose of this article is to examine the peculiarities of Romania's foreign policy thinking, considering historical features and modern positioning. Studying the conceptual and ideological foundations makes it possible to determine how the state builds its foreign policy, as well as to predict some steps towards realizing its goals and interests. The article analyzes the national component, geopolitical

ambitions, as well as European and Atlantic trends in the modern perspective. Special attention is paid to the influence of nationalist and Euro-Atlantic ideas on shaping the country's foreign policy, as well as their role in determining Romania's strategic priorities and goals in the international arena. Among the research methods used are historical and retrospective, to understand the genesis of the main foreign policy directions, as well as content analysis of documents related, among other things, to security policy. A literary review of works devoted to Romanian foreign policy and geopolitical thought was also conducted. The author comes to the conclusion that the modern foreign policy positioning of the state was influenced by the historical aspect associated with gaining independence, preserving the state and the nation, as well as the need to ensure security and balancing between great powers. Organizations such as the European Union and NATO have been selected as resources to achieve national goals. The article is of interest to researchers dealing with Romania's foreign policy, nationalism, and Euro-Atlantic integration.

Keywords: Romania, foreign policy, nationalism, Europeanism, Atlanticism, foreign policy identity, national security

For citation: Azarenkova, A. A. (2025). Nationalism and Euro-Atlanticism of Romania's foreign policy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В основе внешней политики государства, как правило, лежат какие-либо идеи, концепции, в соответствии с которыми и / или во имя которых она формируется и реализуется. Такие идеи и концепции присутствуют во внешней политике современной Румынии, что дает основание говорить о ее концептуализации. Последняя представляет собой процесс формирования концепций. В данной статье речь пойдет о внешнеполитических концепциях Румынии в их связи с национальной идентичностью.

В процессе формирования концептуальной основы внешней политики Румынии можно условно выделить несколько этапов, тесно связанных с историческим развитием и формированием национальной, в том числе и внешнеполитической идентичности.

ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В РУМЫНИИ

Внешняя политика Румынии изначально отличалась геостратегической направленностью, поскольку она всегда ориентировалась на такие регионы, как Черное море и Балканы (как потенциально конфликтные зоны), Молдова и Дунай. С осмыслением роли этих регионов и связано формирование румынской геополитической мысли. Одним из основателей румынской геополитики можно считать выдающегося историка Николае Йоргу (1871–1940), идеи которого основывались на противостоянии немецкой школе геополитики. В основе его подхода лежит теория жизненных сил народов, в которой подчеркивается роль культуры и религии как факторов противостояния

вооруженной агрессии. Йорга рассуждал и о «культурных границах» и «завоевании без господства» [Săgeată, 2015, с. 6]. Вообще, народы воспринимают свое пространство и границы специфически, что связано не только с их генезисом, но и национальной идентичностью, сложившейся картиной мира и национальной стратегической культурой [Белозёров, 2021].

Среди тех, кто обосновывал особую роль Румынии, можно отметить историка Дана Замфиреску. В своей работе «Против разрушения Румынии» он утверждал, что не Румыния должна стремиться к Европе, а Европа к Румынии, принимая ее ценности и менталитет [Zamfirescu, 2017]. Рассуждая об идее «Третьей Европы» как духе европейской цивилизации, он отводит особую роль Румынии и ее православию, а также значению ее участия в различных союзах, таких как Малая Антанта (рум. *Mică Înțelegere*).

Большое значение для теоретического обоснования основ румынской внешней политики имела деятельность выдающегося дипломата Николае Титулеску, министра иностранных дел Румынии в 1927–1928 и 1934–1936 годах. Будучи убежденным пацифистом, Н. Титулеску выдвинул концепцию «одухотворенности границ». Он считал, что двигателем взаимопонимания является культура и необходимо в первую очередь поддерживать хорошие отношения с соседями.

Одним из базовых принципов внешней политики румынского государства он считал образование Малой Антанты в виде союза Румынии, Чехословакии и Югославии против Венгрии. Позже союз был преобразован в Балканскую Антанту (рум. *Înțelegerea Balcanică*), военно-политический союз Румынии, Греции, Турции и Югославии. Принято считать, что создание Малой Антанты отражало

обеспокоенность и ответственность Румынии за Балканы.

Согласно такой позиции, с опорой на современные условия, внимания Румынии заслуживает и Польша, с которой у нее до сих пор есть схожие цели (например, в реализации геополитических проектов). При этом, Н. Титулеску считал отношения между Румынией и Советским Союзом «жизненно-необходимыми» [Titulescu, 2017, с. 38]. Превыше всего он ставил национальные интересы Румынии, помочь реализовать которые, по его мнению, Германия не могла. Единственным выходом для страны из изоляции была политика добрососедства с СССР. Причем в то время остро стоял и бессарабский вопрос. Утрата этих территорий, по мнению Титулеску, произошла из-за неверного внешнеполитического курса. Так, правильный внешнеполитический курс, это, в первую очередь, защита границ, становление Румынии как мирового центра, и, наконец, политика независимости.

Основные принципы внешней политики Румынии определял и Николае Чаушеску, генеральный секретарь ЦК Румынской коммунистической партии. Н. Чаушеску придерживался прозападного курса, соблюдая «социалистический этикет» в отношениях с СССР [Биткова, 2010, с. 86]. Иными словами, он придерживался внешней политики балансирования. На основе его выступления была составлена Декларация Великого национального собрания Социалистической Республики Румынии о базовых принципах внешней политики Румынии. Н. Чаушеску в связи с вводом войск в Чехословакию в 1968 году (СРР не участвовала в этом) в своей речи перед принятием документа объявил «принципы, которыми руководствуемся в международной деятельности нашего государства, фундаментальные нормы для построения и развития отношений Румынии с социалистическими странами, со всеми странами мира, меры, необходимые для мирного существования румынского народа, защиту революционных завоеваний, свободы, независимости, национального суверенитета...» [Principiile de bază ale politice externe a României, 1968, с. 24]. Если не принимать во внимание особенности той эпохи в румынской истории, предполагавшей сотрудничество со странами социалистического блока и противостояние ОВД и НАТО, то среди основных направлений отмечается:

- развитие отношений со всеми странами, основанных на принципах независимости, суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела своих геополитических партнеров и взаимоуважение;
- развитие отношений со странами на Европейском континенте для сотрудничества во

всех областях, обеспечение европейской безопасности;

- разоружение и ядерная угроза;
- активное участие Румынии в Организации Объединенных Наций для установления мира и поддержания безопасности.

Если сравнить изложенное с современными внешнеполитическими документами, то некоторые приоритеты сохраняются. Заметна и историческая принадлежность Румынии к Европе, а также некая ответственность за Балканский регион.

Современные ученые, которые исследуют международные отношения, отмечают, что традиционно для румынского народа внешняя политика представляла собой «источник символического престижа» [Nistor, 2005], который отличается от внутривнутриполитической деятельности, в которой сталкиваются те или иные политические группировки. Считается, что исторически для Румынии были важны два вопроса: сохранение государства и национальное выживание. Именно с ними был в свое время связан выбор внешнеполитического вектора после смены власти в 1989 году. Очевидно, что в то время для реализации внешнеполитической стратегии Румынии не хватало средств, ресурсов и возможностей, которые могли предоставить ей государства Западной Европы, в частности, США. Утрата Бессарабии после 1940 года способствовала тому, что национально-ориентированное измерение внешней политики несколько превалировало над либеральным (т. е. европейским).

Попытка комплексного теоретического и практического исследования внешней политики страны была предпринята Ф. Абрахамом в книге «Трансформация Румынии 1989–2006 годов. Роль внешних факторов». Автор систематизировал и изложил видение концептуализации основных западных подходов к изучению международных отношений на примере государств «серой зоны», к которой он относил и Румынию. Исследователь приходит к выводу, что наиболее подходящий теоретический подход к изучению внешней политики должен сочетать системную теорию с объяснительными механизмами неореализма и концепцией неолиберализма, учитывая роль, которую играют группы интересов и общественное мнение в определении позиции государства [Abraham, 2006]. Акторы мировой политики подразделяются им на системные, которые влияют на все компоненты общества (в случае Румынии это Европейский союз), subsystemные (например, НАТО), парасистемные (США), прямо влияющие на национальные государства как через двусторонние отношения, так и через совместные институты. Отдельной категорией выступают соседние государства и негосударственные акторы.

Юлия Йоджа также рассматривает внешнюю политику Румынии через призму изучения дискурса. Исследовательница утверждает, что ценности и нормы формулируются во внешней политике и политике безопасности посредством дискурса, т. е. в стратегиях, документах и заявлениях официальных лиц [Joja, 2019]. Она полагает, что историческое развитие привело Румынию не только к независимой внешней политике, но и к региональной изоляции и милитаристской политике безопасности. Автор рассматривает также два параллельных явления – европеизация и атлантизация Румынии, которые возникли в синтезе с национальной спецификой. Она отмечает, что вступление Румынии в ЕС и НАТО было национальным проектом, получившим широкую поддержку, так как считалось, что такая интеграция принесет безопасность, экономический рост и европейское признание. Именно поэтому наряду с поддержкой ключевых партнеров в экономической сфере приоритетным было соответствие международным ожиданиям и требованиям некоторых великих держав. Отсюда вытекают и основные принципы румынской внешней политики – предсказуемость и надежность.

Говоря о взаимосвязи внешней политики и общественного мнения, Йоджа отмечает снижение вовлеченности общества в процесс формирования внешней политики. Данная тенденция привела к отсутствию дебатов и неучастию в них законодательной власти. Из этого следует неопределенность внешнеполитических документов и отсутствие комплексного понимания внешней политики отдельно от политики безопасности.

Подходы современных румынских исследователей характеризуются анализом генезиса культурных границ, единства румынской нации и исторической принадлежности таких территорий, как Бессарабия и Трансильвания. Геополитическое положение Румынии определяется решающей ролью таких стратегически важных географических объектов, как Черное море, Дунай и Карпаты. Они свидетельствуют о характере урегулирования региональных конфликтов на территории Румынии..

Решая вопрос культурных границ, стоит отметить, что Валахия и Молдова как прототип современной Румынии в XVI – начале XVII веков были политически нестабильными, а румынская культура в первой половине XVII века отторгала Запад и «заклонила себя в прошлое» [Мак-Нил, 2023, с. 123], что объясняет ее долгий переход к модернизации. Далее, при формировании территориального государства, которое стало в дальнейшем национальным, его границы были не только географическими, политическими и экономическими, но также культурными и языковыми.

Совокупность границ государства позволила той же Румынии быть активной на политической арене. В этой связи ей и хотелось «передвинуть» свои официальные границы [Мюнклер, 2015]. Осознавалась и решающая роль Румынии как ключа к Балканско-Черноморскому региону.

НАЦИОНАЛИЗМ В РУМЫНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Процесс формирования внешней политики Румынии неразрывно связан и с историей государства, которое берет начало с объединения княжеств Валахии и Молдавии в 1853–1856 годах. Уже с этого времени одной из констант внешнеполитического поведения Румынии было лавирование между великими державами. Его признаками выступали: а) примыкание к наиболее сильной из них, б) смена траектории при наличии большей выгоды не отрицалась, в) ориентация на реализацию национального проекта, образование единого государства всех румын (что объясняет выбор Германии в качестве союзника во время Второй мировой войны) [Румыния: истоки и современное состояние внешнеполитического позиционирования государства, 2013]. Означенная линия так или иначе сохраняется и в современной политике Румынии. Главенствующий принцип румынской идентичности был сформулирован в 1850 году активным политическим деятелем и историком Николае Бэлческу: «те условия власти, которые нам нужны, мы можем найти только в солидарности всех румын, в их объединении в единую нацию, объединении, к которому они стремятся через национальность, через один и тот же язык, религию, традиции, чувства, через географическое положение, через их прошлое и, наконец, через необходимость сохранять и спасаться самим» (цит. по: [Виноградов, 1975, с. 55]).

«Великая Румыния», существовавшая с 1920 по 1940 годы, рассматривается сегодня румынскими политиками как сверхзадача, т. е. цель или миссия, определяющая роль, место и действия на международной арене [Кожухова, 2024]. Означенная цель включает в себя также объединение всей румынской нации и приобретение территорий. Данные тенденции в какой-то степени можно рассматривать как зарождающийся империализм [Мюнклер, 2015]. Данный аспект важен для понимания отношений, выстраиваемых с Молдавией, бывшей Бессарабией, утрата которой отразилась в румынском самосознании.

В то же время исторический опыт способствовал развитию чувства национальной гордости, патриотизм, который выражается через идеи

сплоченности и поиска консенсуса вокруг ключевых исторических личностей и признания их авторитета в отношении румынской идентичности. Определенную роль играет и политика памяти. Широко используются те исторические события, которые не только фокусируются на становлении нации, но и так называемые моменты подъема, а также интерпретация определенных исторических событий [Идентичность: Личность, общество, политика, 2017]. Ее содержание прослеживается в том числе и в приоритетах внешней политики страны.

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Европеизация внешней политики стала одним из типичных процессов стран Восточной Европы, присоединившихся к ЕС. Принятие европейских ценностей, как правило, происходит в два этапа: европеизация дискурса, а затем – национальной идентичности. Основной проблемой на пути к принятию этих норм Румынией выступала типичная стратегия «Говорим, как вы, и делаем, как мы считаем нужным» [Nistor, 2005, с. 218], которая не позволяла стране долгое время приспособиться к европейским нормам и стандартам. Евроатлантическая интеграция Румынии отдельно прописана в Конституции страны. Атлантизация внешней политики – сходный феномен, отражающий приверженность и продвижение государством американских ценностей, интересов и влияния. Румыния больше придерживается второго подхода, что отражается в ее внешнеполитическом курсе.

После интеграции Румынии в НАТО и ЕС в 2010 году была опубликована первая в истории страны Стратегия национальной обороны. В документе зафиксировано существенное изменение внешнеполитического позиционирования Румынии. Так, приоритетными целями стали членство в Европейском союзе и НАТО, адаптированное к условиям глобализации, прочные трансатлантические отношения и активная политика добрососедства¹. В настоящее время безопасность Румынии не только ассоциируется с военной сферой, но также рассматривается комплексно и межинституционально как сотрудничество государственных институтов и неправительственных организаций, переход от действий небольших институтов и групп ко всему обществу. Его первостепенной целью остается защита граждан. Так, проблема национальной безопасности занимает центральное

¹Strategia națională de apărare. Pentru o Românie care garantează securitatea și prosperitatea generațiilor viitoare. URL: http://www.zulean.com/wp-content/uploads/2017/11/Strategia_nationala_de_aparare2010.pdf. (дата обращения: 09.01.2025).

место в концепции внешней политики Румынии. Она определяет фундаментальные национальные интересы [Везуина, 2017].

Концептуальное видение внешней политики Румынии закреплено в ее доктринальных документах. Так, в Программе Правительства на 2017–2020 года прямо говорилось о том, что внешняя политика должна совпадать с политикой безопасности и обороны в аспекте целей и приоритетов². Дипломатия как основной внешнеполитический ресурс, в свою очередь, призвана улучшать международный имидж Румынии. Согласно же Программе на 2021–2024 годы внешняя политика Румынии призвана быть предсказуемой, последовательной, соответствующей национальному консенсусу, ориентированной на ответственное исполнение взятых на себя обязательств по продвижению и защите национальных ценностей и интересов. Внешняя политика Румынии должна способствовать процветанию румынских граждан и вносить свой вклад в благополучие и безопасность страны³. Подобные установки внешней политики Румынии прослеживаются во всех правительственных программах после вступления в ЕС и НАТО.

БАЛАНС МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ И ЕВРОАТЛАНТИЗМОМ

Двойственность внешнеполитического вектора Румынии и сложность его выбора также складывалась исторически. Еще на этапе своего возникновения, в 1800 году, румынские провинции находились в процессе «неуклюжего» перехода от османско-византийской к русско-западной культурной ориентации. Однако единственный эффективный выбор составила лишь одна из них.

Как было отмечено выше, традиционно в румынской внешней политике выделялось два направления: западное и обеспечение собственной безопасности. «Западники» с середины XIX века утверждали, что Румыния должна следовать европейской модели экономического, социального и культурного развития и вступить в союз с западными державами. Автохтонисты (сторонники самобытного пути развития) утверждали, что западный путь не соответствует румынской

²Program de guvernare 2017–2020. URL: <https://mrp.gov.ro/web/wp-content/uploads/2017/07/Programul-de-Guvernare-2017-2020.pdf>. (дата обращения: 09.01.2025).

³Program de guvernare 2021–2024. Coaliția pentru reziliență, dezvoltare și prosperitate. URL: https://www.mae.ro/sites/default/files/file/anul_2021_2021_pdf/program_de_guvernare_2021-2024_1.pdf. (дата обращения: 09.01.2025).

специфике (с точки зрения экономических, исторических и социальных условий) и следование по неадаптированному пути привело бы к утрате румынской национальной идентичности. По мнению автохтонистов, Румыния должна стремиться разработать свой собственный (специфический) курс, основанный на сельской модели, которая соответствует румынским национальным традициям, религии и духовности.

После событий 1989 года в румынской внешней политике встал вопрос о том, что выбрать в качестве такого ориентира. Сделать выбор в пользу евроатлантики помогла ориентация НАТО на Черноморский регион, а ЕС – на регион Центральной и Восточной Европы, а также соседство с уже европеизированными государствами [Гаврила, 2017]. В этих условиях и начался современный этап концептуализации внешней политики Румынии. В результате Румыния стала европейским государством с «твердым курсом» [Diaconu, 2017, с. 137], в рамках традиционных идей с национальной направленностью возрос интерес и к возвращению исторических территорий.

Так и образовалось одно из ключевых направлений региональной внешней политики в виде идеи унионизма в отношении Республики Молдова, которая, не имея прочной национальной идентичности и находясь в состоянии экономической и политической нестабильности, могла быть интегрирована в состав Румынии, а также Европейского союза.

Однако с течением времени эта идея приобрела всё более утопический характер. Государство и сейчас опасается тех или иных территориальных потерь. Поэтому Молдова – это не только отдельное суверенное государство, но также исторический регион Румынии, как утверждают румынские политики праворадикального толка, а сама Республика рассматривается как нечто искусственное, хотя и реально существующее, о чем заявляют и официальные лица государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во внешней политике Румынии сочетаются такие элементы, как национальная направленность с точки зрения политики безопасности и заинтересованности в возвращении исторических территорий. Посредством членства в евроатлантических объединениях государство получает материальные и технические ресурсы от своих более сильных союзников. Румыния использует эти ресурсы для решения своих национальных задач в области внешней политики с сохранением вышеупомянутых традиций, с сохранением некоторой несамостоятельности после вступления в НАТО и ЕС.

Евроатлантическая ориентация Румынии складывалась не только из стремления обрести независимость от России, но и рассмотрения ее как угрозы, что в дальнейшем осложнило отношения двух государств. Обеспокоенность России означенными внешнеполитическими тенденциями Румынии объясняется политикой «румынизации» по отношению к Республике Молдова, а также угрозой национальной безопасности в Черноморском регионе через расширяющееся военное присутствие США и НАТО на территории страны [Биткова, 2024].

В идеологических основах внешней политики Румынии доминируют такие концепты, как фокус на национальной составляющей, территориальный вопрос, который можно решить не собственными ресурсами, а путем сотрудничества с сильной державой. Внешняя политика Румынии концептуализировалась через определение основных приоритетов и направлений в тесной взаимосвязи с политикой безопасности и обороны в виду специфики национальных задач. Пройдя в своей истории такие внешнеполитические стратегии, как сохранение нации и борьбу за независимость, зависимость от СССР и изоляцию от Запада, балансирование и выбор окончательного (западного) вектора развития, Румыния пришла к той идентичности в измерении внешней политики, которая сохраняется и до сих пор.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Săgeată R. Direcții și tendințe în geopolitica românească interbelică // Analele Asociației Profesionale a Geografilor din România. 2015. Vol. 2. P. 5–16.
2. Белозёров В. К. Пространство и границы России в ценностном измерении // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 190–195.
3. Zamfirescu D. Împotriva distrugerii României. București: Roza Vânturilor, 2017.
4. Titulescu N. Politica externă a României. București: Muzeul Literaturii Române. 2017.
5. Биткова Т. Г. Политика и экономика Румынии: история реформ и их перспективы // Восточная Европа: 20 лет социальной трансформации: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. И. Игрицкий, Л. Н. Шаншиева. М.: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, 2010. С. 86–115.

6. Principiile de bază ale politice externe a României. Ședința comună a comitetului central al P. R. C., a Consiliului de stat și Guvernului Republicii Socialiste Română. 21 august 1968. București: Editura politică, 1968.
7. Nistor P. Viziunea de politică externă a P.N.L. în perioada post-război rece // Xenopoliana, XIII. 2005. № 1–4. P. 218–225.
8. Abraham F. Transformarea României 1989-2006. Rolul factorilor externi. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului, 2006.
9. Joja I.-S. Romania's Strategic Culture 1990–2014: Continuity and Change in a Post-Communist Country's Evolution of National Interests and Security Policies. Stuttgart, ibidem Press, 2019.
10. Мак-Нил У. Степной рубеж Европы: 1500–1800 гг. Ереван: Букинист, 2023.
11. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / пер. с нем. Л. В. Ланника ; под ред. Т. А. Гарблевской, коммент. и вступ. ст. Л. В. Ланника М.: Кучково поле, 2015.
12. Румыния: истоки и современное состояние внешнеполитического позиционирования государства / под ред. А. А. Куртова ; кол. авт.: Е. С. Хотькова (рук.), С. М. Ермаков, В. Б. Каширин, О. Е. Лушников, Д. А. Мальцев, С. А. Михайлов. М.: РИСИ, 2013.
13. Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М.: Наука, 1975.
14. Кожухова К. Е. Идея национальной сверхзадачи как основа внешнеполитического курса современных государственных акторов международных отношений // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 62–72.
15. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2017.
16. Везуина М.-А. Румыния в формировании европейской системы безопасности (1991–2016): дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
17. Гаврила А. Концептуальные основы внешней политики Румынии (1989–2007) // Вопросы науки и образования. 2017. № 4. С. 45–46.
18. Mădălina Diaconu, Bianca Boteva-Richter (Hg.). Grenzen im Denken Europas. Mittel- und osteuropäische Ansichten. Wien: New Academic Press, 2017.
19. Биткова Т. Г. Авиабазы «Михаил Когэлничану» в Румынии: значение и перспективы развития // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2024. № 73 (89). С. 37–44.

REFERENCES

1. Săgeată, R. (2015). Direcții și tendințe în geopolitica românească interbelică. *Analele Asociației Profesionale a Geografilor din România*, 2, 5–16. (In Romanian).
2. BelozeroV, V. K. (2021). Russia's space and border in the value dimension. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 21(2), 190–195. (In Russ.)
3. Zamfirescu, D. (2017). Împotriva distrugerii României. București: Roza Vânturilor. (In Romanian).
4. Titulescu, N. (2017). *Politica externă a României*. București: Muzeul Literaturii Române. (In Romanian).
5. Bitkova, T. G. (2010). Politics and economy of Romania: the history of reforms and their prospects. In Igritsky Yu. I., Shanshieva L. N. (Eds.), *Eastern Europe: 20 years of social transformation* (pp. 86–115): Collection of scientific papers. Moscow: Center for Scientific and Information Research on Global and Regional Issues. (In Russ.)
6. Principiile de bază ale politice externe a României. Ședința comună a comitetului central al P.R.C., a Consiliului de stat și Guvernului Republicii Socialiste Română. 21 august 1968. București: Editura politică. (In Romanian).
7. Nistor, P. (2005). Viziunea de politică externă a P.N.L. în perioada post-război rece. *Xenopoliana*, XIII, 1–4, 218–225. (In Romanian)
8. Abraham, F. (2006). *Transformarea României 1989–2006. Rolul factorilor externi*. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului.
9. Joja, I.-S. (2019). *Romania's Strategic Culture 1990–2014: Continuity and Change in a Post-Communist Country's Evolution of National Interests and Security Policies*. Stuttgart, ibidem Press.
10. McNeill, W. (2023). *Stepnoj rubezh Evropy: 1500–1800 gg. = Europe's steppe frontier of: 1500–1800*. Yerevan: Bukinist. (In Russ.)
11. Munkler, G. (2015). *Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA = Empires. The Logic of World Domination: from Ancient Rome to the USA*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)
12. Kurtov, A. A. (Ed). (2013). *Romania: the origins and current state of the state's foreign policy positioning* / E. S. Hot'kova, S. M. Ermakov, V. B. Kashirin, O. E. Lushnikov, D. A. Mal'cev, S. A. Mihajlov. Moscow: RISI. (In Russ.)

13. Vinogradov, V. N. (1975). Oчерki obshhestvenno-politicheskoy mysli v Rumynii = Essays on socio-political thought in Romania. Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Kozhukhova, K. E. (2024). The Idea of a National Super-task as the Basis of the Foreign Policy Course of Modern State Actors in International Relations. The Bulletin of Irkutsk State UNIVERSITY. Series Political Science and Religion Studies, 50, 62–72. (In Russ.)
15. Semenenko, I. S. (Ed.) (2017). Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. Jenciklopedicheskoe izdanie = Identity: Personality, society, politics. The encyclopedic edition. IMEMO RAS. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
16. Vezuina, M.-A. (2017). Rumynija v formirovanii evropejskoj sistemy bezopasnosti (1991–2016) = Romania in the formation of the European security system (1991–2016): PhD in History. Moscow. (In Russ.)
17. Gavrilă A. (2017). The conceptual foundations of Romania's foreign policy (1989–2007). Issues of science and education, 4, 45–46. (In Russ.)
18. Mădălina Diaconu, Bianca Boteva-Richter (Hgs.). (2017). Grenzen im Denken Europas. Mittel- und osteuropäische Ansichten. Wien: New Academic Press. (In German)
19. Bitkova, T. G. (2024). Mihail Cogalniceanu Airbase in Romania: significance and development prospects. European security: events, assessments, forecasts, 73(89), 37–44. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азаренкова Алина Александровна

аспирант
преподаватель кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
преподаватель кафедры (базовой) международного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности
Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azarenkova Alina Aleksandrovna

Postgraduate Student
Lecturer at the Department of Political Science
of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University
Lecturer
Department (Basic) of International Cooperation in the Field of Security
Gubkin Russian State University of Oil and Gas

Статья поступила в редакцию	10.01.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	04.11.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2025	accepted for publication



К вопросу о политической системе Андорры

П. Бартоломе Арени

eUniv – Universitas Europea, Сан-Жулия-де-Лория, Андорра
polbartolomeareny@gmail.com

Аннотация. Политическая система Андорры, характеризующаяся парламентской моделью совместного управления княжествами и особой исторической траекторией, представляет собой уникальный пример европейского государственного устройства. Несмотря на свою уникальную институциональную структуру, андоррская модель мало освещена в политологической литературе. Данная статья направлена на устранение этого пробела путем проведения всестороннего анализа политической системы Андорры с акцентом на ее институциональные структуры, историческую эволюцию и современную динамику управления. С использованием историко-институционального подхода в исследовании рассматривается трансформация политической системы Андорры от ее средневековых образцов до принятия Конституции в 1993 году, которая официально закрепила ее статус суверенной парламентской демократии. В исследовании рассматривается роль ключевых институтов, включая Генеральный совет, избирательную систему и развитие политических партий. Параллельно рассматривается влияние внешних факторов, в частности, развитие отношений Андорры с Европейским союзом. С этой целью в документе используется подход сравнительной политологии, сравнивающий структуру управления Андорры с другими европейскими микросоударствами, такими как Монако, Сан-Марино, Лихтенштейн и Люксембург. Этот методологический подход позволяет оценить институциональную адаптируемость Андорры, ее демократическую консолидацию и международное положение. Анализ правовой, политической и территориальной организации Андорры в данном исследовании способствует пониманию управления малыми государствами и динамики суверенитета в современной Европе. Результаты исследования подчеркивают институциональную устойчивость Андорры и ее способность сочетать историческую преемственность с современными политическими преобразованиями, предлагая ценную информацию ученым в области сравнительной политологии, конституционного права и европейской интеграции.

Ключевые слова: Андорра, политическая система, парламентаризм, политические партии

Для цитирования: П. Бартоломе Арени. Политическая система Андорры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 17–26.

Original article

The Andorran Political System Revisited

Pol Bartolomé Areny

eUniv- Universitas Europea, Sant Julià de Lòria, Andorra
polbartolomeareny@gmail.com

Abstract. Characterized by its Parliamentary Co-principality model and a distinctive historical trajectory, the Andorran political system presents a unique case within European governance. Despite its singular institutional framework, the Andorran model has received limited attention in political science literature. This paper seeks to address this gap by providing a comprehensive analysis of Andorra's political system, focusing on its institutional structures, historical evolution, and contemporary governance dynamics. Employing a historical-institutional approach, the study examines the transformation of Andorra's political system from its medieval parategtes to the adoption of its Constitution in 1993, which formalized its status as a sovereign parliamentary democracy. The research delves into the role of key institutions, including the General Council, the electoral

system, and the development of political parties. Simultaneously, it also examines the influence of external factors, particularly Andorra's evolving relationship with the European Union. To this end, the paper integrates a comparative politics framework, contrasting Andorra's governance structure with other European microstates such as Monaco, San Marino, Liechtenstein, and Luxembourg. This methodological approach allows for an assessment of Andorra's institutional adaptability, democratic consolidation, and international positioning. By analyzing Andorra's legal, political, and territorial organization, this study contributes to the understanding of small-state governance and the dynamics of sovereignty in contemporary Europe. The findings highlight Andorra's institutional resilience and its capacity to balance historical continuity with modern political transformations, offering valuable insights for scholars of comparative politics, constitutional law, and European integration.

Keywords: Andorra, political system, parliamentarism, political parties

For citation: Bartolomé Areny, P. (2025). The Andorran political system. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 17–26. (In Russ.)

INTRODUCTION

Nested in the Pyrenees Mountain range, the borders of Andorra are among the oldest in Europe. Despite its ancient origins, the Andorran political system has traditionally been misunderstood by academia and overlooked by many. This may result from the rather discreet role that Andorra has played in global politics, or it could also be a consequence of the country's limited land area. Nonetheless, the lack of attention towards Andorra does not correspond with its academic value. As a matter of fact, the political system of Andorra stands out as one of the most unique in the world.

This paper delves into the fundamentals of the Andorran political system. Our purpose is to fill a gap in literature concerning the politics of one of Europe's most representative microstates. We contend that such an endeavor will yield valuable insights for scholars and practitioners in the fields of political science and international relations. While existing studies have examined various elements of the Andorran political system per separate, a comprehensive analysis remains as a pending task. For this reason, this paper includes a brief comparative analysis between the Andorran political system and other European microstates' key features.

RESEARCH METHOD

This paper endeavors the analysis of the Andorran political system. We employ a mixed research methodology, combining both historical and political science perspectives. This approach is grounded in the understanding that the modern foundations of Andorra's political system cannot be fully grasped without considering the country's gradual

evolution, which traces back to the 13th century. As a matter of fact, the case of microstates should be regarded as a defining feature within the European continent. While relevant examples of microstates exist globally, European microstates benefit from a historical heritage that often surpasses that of many larger nation-states. For instance, the Republic of San Marino claims to be one of the oldest republics in the world. The Principality of Liechtenstein emerged in the context of the Holy Roman Empire, and the Grand Duchy of Luxembourg and the Principality of Monaco originated in the medieval age. That is to say, a primary goal of this article consists in setting the Andorran political system within a broader historical perspective that is essential to effectively comprehend its contemporary structure and functioning.

HISTORICAL BACKGROUND

The origins of Andorra date back many centuries before the adoption of its Constitution in 1993. Around the year 790 AC, the territories of Urgell, Cerdanya and Girona were incorporated into the dominion of the Francs. Then, in 843, King Charles the Bold donated some of its properties to the Count Sunifred I d'Urgell-Cerdanya. That donation was transcendental for the topic of our discussion, as it was the first time that the toponym of 'Andorra' appeared in an official document [Vergès, 2021]. In 1276, the Count of Foix stood up against the church of Urgell, with the premise of a revolt of the nobles against the monarchy. In the following years, the region of the Urgellet witnessed important military campaigns that resulted in the truce of 1278, the so-called first 'pareatge'. Following the restoration of peace,

the King of Aragon, Peter the Great, met with the Bishop of Urgell and the Count of Foix to reach a new compromise, the second 'pareatge' from 1288. According to Gascón, that agreement would represent a turning point as it defined the basis for the Count of Foix and the Bishop of Urgell's 'shared and undivided' dominion over Andorra, setting the fundamental judicial basis for a 'differentiated political entity' [Gascón, 2022, p. 15].

CONSTITUTIONAL PROCESS

In the second half of the 20th century, Andorra's political elites agreed upon the need to adopt a Constitution. As a matter of fact, the adoption of a Constitution became a fundamental prerequisite to accommodate the country's fragile sovereignty to the new global order that emerged after World War II. With this purpose, the General Council – the Andorran parliament – informed in 1975 the Coprinces that Andorrans wished to modernize their institutions. Accordingly, the parliament presented an *institutional reform memoir*¹ in 1978 and a *model of internal reform*² in 1981, the so-called 'reformeta' (little reform). These reforms separated the executive from the legislative branch, creating the first executive organ of Andorra as well as the post of the 'head of the executive'[Minoves, 2022]. Then, following the 1989 general elections, a new parliamentary majority opened the constitutional process and a special commission, the so-called 'tripartite'³, was tasked with the responsibility of crafting the first proposal for a Constitution.

The tripartite commission put forward a Constitutional draft in December 1992, the parliament adopted the text in February 1993 and the Andorran people validated the Constitution by referendum the 14 March of the very same year. According to Garcia and Lluelles, the Constitution enabled Andorra 'to be recognized as a sovereign and independent state' [Garcia Lluelles, Lluelles Larrosa, 2022, p. 14] and guaranteed a set of fundamental rights that, while they had been historically recognized by the Andorran society, these rights did not benefit from the legal certainty that only a written constitution could offer. Below, we explore the constitutional foundations that – taken together – conform the basis of the Andorran political system.

¹Memòria de reforma institucional. Consell General del Principat d'Andorra. Març 1978.

²Model de reforma interna. Decret del 15 de gener del 1981.

³The name results from the negotiations between Andorra, France and the Episcopal palace.

1. The Parliamentary Co-principality

Andorra's form of state originated in the aforementioned 'pareatges'⁴. A form of medieval treaty in which the Bishop of Urgell and the Count of Foix accepted an arbitration based on the notion of 'shared' and 'undivided' sovereignty. In this regard, the feudal system of a 'shared and undivided dominion' over Andorra experienced a process of gradual institutionalization through centuries, until its formal rationalization in 1993, when the Constitution was adopted.

Article 1.4 of the Andorran Constitution defines the political regime of Andorra as a *Parliamentarian Co-principality* and establishes the Coprinces as the symbol and guarantee of the prevalence and continuity of Andorra (Article 44). This article is fundamental for understanding the *raison d'être* of the Co-principality. As a matter of fact, institutional singularity, through the notion of 'shared and undivided dominion', represents the pillar upon which the Andorran sovereignty has consolidated in a 'world of rising nations' and 'dynamic borders'. For this reason, the Andorran political elites from the Constitutional phase were convinced of the necessity to maintain that *medieval duality* over the country, though they adequate it to the basis of a modern sovereign state⁵. The Co-principality, however, should be regarded as a *sui generis* form of state, only present in Andorra, and beyond their symbolism, Article 45 of the Constitution attributes the Coprinces with the following functions:

- a) Convene general elections and popular referendum;
- b) appoint the Head of Government; c) sign the decree in which the General Council is dissolved;
- d) sanction and promulgate laws, among others.

Based on the analysis of Bartumeu, it must be noted that either the French or the Episcopal Co-prince of Andorra have avoided the signature of a law from the Andorran parliament in just 24 occasions. 12 times the former and 12 the latter [Bartumeu, 2023]. However, Article 45 of the Andorran Constitution foresees the possibility to enact a law without the signature of one Co-prince.

⁴Based on article 43.2 the institution of the Coprinces arises from the aforementioned 'pareatges' and their functions derive from the constitutional text, even though they are based on the historical evolution of Andorra.

⁵Most of the fundaments that embody the idea of 'Andorran sovereignty' were compiled by Antoni Fiter i Rossell in its *Manual Digest de les valls neutres d'Andorra* (1748). That is a compilation of laws, customs and usages that governed Andorra since the XVIII century. It includes a wide range of judicial principles covering areas such as criminal law, property and political governance.

2. The General Council

Following the signature of the second 'pareatge', Andreu d'Alas, acting on behalf of the people of Andorra, petitioned the Bishop of Urgell for the establishment of an assembly. This body's primary objectives would be to ensure the enforcement of land-related contracts and facilitate dialogue with neighboring territories [Minoves, 2022]. Per Gascón, that gathering from 1289 triggered an assembly dynamic that consolidated progressively, amplified its competences and that it would evolve into the future 'Consell de la Terra' (Council of the Land) [Gascón, 2022]. Despite this process of gradual consolidation, it was not until the second half of the XX century that the modern basis and functions of the Andorran parliament were established. Namely, the legislative initiative, the adoption of the general budget and the political control of the Government, amongst others¹. Below, we detail the General Council's structure.

2.1. Governing bureau: The 'sindicatura' and the board of presidents

The General Council is composed of 28 members elected through a combination of a nationwide constituency (with 14 seats in play) and 7 local constituencies (each one with 2 seats in play). Then, the Andorran parliament is led by the 'sindicatura', an organ equivalent to the parliament's governing bureau that is composed by the general 'síndic'², the general 'sub-síndic' and two secretaries. The parliamentary activity is organized by the board of presidents, the place where the presidents of each parliamentary group reunite periodically. Amongst all the decisions taken by the board of presidents, we must highlight those relating to a) setting the legislative calendar and; b) forwarding each legislative proposal to the correspondent legislative committee.

2.2. Legislative Committees

The Andorran Parliament's activity develops around 9 legislative committees. That is the legislative committee on:

1. Justice, home and institutional affairs;
2. Foreign Affairs;
3. Economy;
4. Finances and Budget;

¹Article 50 of the Andorran Constitution.

²That is the equivalent to the President of Parliament.

5. Territorial Policies, Urban Planning and Environment;

6. Health;

7. Social affairs and gender equality;

8. Education, research, culture, youth and sports and;

9. Pensions system reform. To put it simply, the main function of these committees consists of examining each legislative proposal and negotiating the amendments presented by each political group.

2.3. Legislative initiative

There are 4 main sources of legislative initiative in Andorra. First, the General Council's. In this regard, Article 102 of the Parliament's rules of procedure establishes that a proposition of the law can be presented by a single parliamentary group or by three parliamentarians. Second, the Government is also entitled to the prerogative of laws' proposition. Three, a group of three local governments, the so-called 'Comuns', jointly. Four, 1/10 parts of the national census. That is what is commonly referred to as the *citizen's legislative initiative*.

3. The Government

Before the adoption of the Constitution in 1993, the General Council was the sole institution of political power in Andorra. As Minoves noted, there was no modern executive to handle the complex decisions of a modern economy; there was no separation of powers [Minoves, 2022]. On top of that, the Coprinces held significant decision-making authority, with some powers equivalent to the ones of a government³. In the context of late XX century, when modern European democracies were gradually consolidating⁴, Andorra's need for an institutional reform could no longer be postponed. Consequently, in 1981, the role of the Head of Government separated from the legislative branch and, accordingly, the first-ever Executive Council was created⁵. More recently, in 1993, the Andorran Constitution defined the Government's main functions. These functions include: a) executing the laws adopted by the General Council; b) managing the public administration; c) directing national and international politics and; d) exercising regulatory powers through the adoption of governmental

³The Coprinces exerted its executive powers through the 'veguers'. A political post inherited from the medieval age and equivalent to the sort of representatives of the Coprinces' sovereignty over Andorra.

⁴In particular, the democratization of Spain and the downfall of the Spanish dictatorship exerted reinforced pressure over Andorra's political reform.

⁵Decret 15-01-1981.

regulations, among many other functions. Below, we explore the foundations of the Andorran Government.

3.1. Formation of Government

Based on the principles of a parliamentary system, the Andorran Government is appointed by the Parliament, eight days after the new legislature is constituted. During the initial voting session, a qualified majority is required. If this majority is not achieved, a second voting session will be convened, and the candidate with the highest number of votes will be elected as the new Head of Government of Andorra. In this regard, the newly appointed Head of Government is then responsible for nominating the remaining ministers, with a limit of 12 ministers maximum¹. Also, Article 78 of the Constitution establishes that a Head of Government cannot be elected for more than two consecutive terms and the Constitution also outlines the following circumstances under which the Government's mandate may end: a) End of legislature term; b) Resignation; c) Decease; d) Incapacity after a prosperous censure motion or a vote of confidence. In this regard, convening a censure motion or a vote of confidence remains one of the most effective instruments of parliamentary control over the Government. On the one hand, a motion of censure can be called by $\frac{1}{5}$ of the General Council's parliamentarians. To prosper, the motion needs to obtain a vote from an absolute majority of parliamentarians. On the other hand, the Head of Government can convene a vote of confidence. Similarly to the motion of censure, if the Head of Government does not obtain a simple majority of votes, his / her resignation will be required.

4. Electoral law²

The Parliament of Andorra, known as the 'Consell General' (General Council), is composed of 28 parliamentarians³. Specifically, each local parish – the so-called 'parròquia' – elects 2 parliamentarians through a parish-based first-past-the-post system, making a total of 14 parliamentarians. The remaining 14 members of parliament are elected using a proportional system on a national constituency [Minoves, 2022]. Below, we outline the fundamentals of Andorran electoral law.

¹Llei del Govern 10.1.2001.

²Article 51.4 of the Constitution establishes that a qualified law regulates the electoral system of Andorra. In this regard, the Consell General adopted in 1993 the law that regulates the electoral system and the referendum of Andorra.

³Article 52 of the Andorran Constitution foresees a minimum of 28 and a maximum of 42 parliamentarians.

4.1. Constituencies

Andorran elections are organized into eight constituencies⁴. Seven of these constituencies correspond to each local parish, where citizens elect 2 parliamentarians each. The eighth constituency encompasses the entire nation, with 14 parliamentarians elected on a nationwide basis. Thus, Andorra's electoral system features a significant *duality*: 14 parliamentarians are elected from local constituencies, and the other 14 from the national constituency. As a matter of fact, this duality within the Andorran electoral system should be regarded as a historical heritage of a country that developed over centuries across six traditional territories. Namely, Canillo, Encamp, Ordino, La Massana, Andorra la Vella and Sant Julià de Lòria. These historical parishes have shaped Andorra's unique approach to governance.

4.2. Electoral formula

In Andorran elections, that duality between the *nation* and the *local* dimension has historically played a prominent role. Fundamentally, because of two differentiated electoral formulas. On the one hand, the national constituency elects 14 parliamentarians through the employment of a proportional formula that distributes seats based on the number of votes received by each candidacy⁵. On the other hand, each local constituency elects 2 parliamentarians through the employment of a majoritarian formula, the 'first-past-the-post' system.

4.3. Right to suffrage

In Andorra, suffrage is universal, free, equal, direct and secret, the five fundamental principles of suffrage in modern democracies [Torrens, 2006]. The right to vote belongs to all nationals of Andorra above 18 years old, and it must be noted that the Andorran electorate has experienced a process of expansion since the adoption of the Constitution in 1993. While 9.675 citizens were called to vote in

⁴Llei 44/2022, del 12 de desembre, de text consolidat qualificada del règim electoral i del referèndum.

⁵The electoral formula to distribute 14 parliamentarians from the nationwide constituency refers to the 'largest remainder method'. Basically, each candidacy receives as many seats as it results from the division of its number of votes by the electoral quotient. In this regard, the electoral quotient is determined by dividing the total valid votes by 14. In the case where, after applying this formula, the 14 seats have not been allocated to the different candidacies, the remaining seats will be distributed to the candidacies that already have a minimum of 1 parliamentarian allocated, based on the 'largest remainder' method. That is, candidacies with the largest decimal number, will receive additional seats until the 14 seats are completely distributed.

1993, 29.958 had the right to vote in 2023. That is a 209 % increase.

5. Party system

Since its Constitutional inception, Andorra's party system has been marked by a set of *allées et venues*¹ and temporary local coalitions². This results from the fact that there has been little or no institutionalization of Andorran political parties since the constitution of 1993. As Minoves put it, before the adoption of the Andorran constitution, the electoral system was purely parish-based and did not favor national political groupings. In this regard, the emergence of a party system in Andorra must be understood in the context of the existing parties of notables that were already present, mostly at the parish level [Minoves, 2022]. Then, the Constitutional phase triggered a process of gradual definition of the modern Andorran party system.

5.1. Evolution of Andorran main political parties

As it is frequent in other small states, Andorra has not been an *oasis* for political parties. That is to say, since its inception, the political system of Andorra has favored the formation of local and temporary political groups, rather than stable national political parties. Figure number 1 illustrates the evolution of Andorran national political parties with parliamentary representation since 1993.

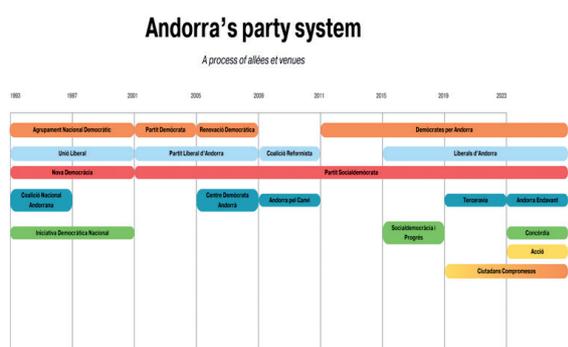


Figure 1. Evolution of Andorra's political parties (1993–2023)³

¹The concept of 'allées et venues' refers to the fact that, while competing under different 'labels', the main political families of Andorra have remained stable and, to some extent, united.

²The formation of local coalitions results from the Andorran electoral system, which gives supplementary representation to local constituencies. That is the 'parroquial' or local constituency.

³The colors used in the graphic do not necessarily indicate any relationship or similarity between the aforementioned political parties.

The fragmentation of Andorra's party system results from its uniqueness. As Minoves put it, despite a long history of democratic politics and elections, political parties in the sense of those operating in the rest of the continent only appeared after the approval of the constitution of 1993' [Minoves, 2022]. Compared to the rest of the European democracies, that is a quite recent date that could explain why the Andorran party system has been so fragmented ever since its conception. As a matter of fact, when Andorran political parties were born, the time of 'mass parties' and 'catch-all parties' had almost passed [Minoves, 2022]. However, in the case of Andorra, it is not only that political parties are weakly institutionalized and formalized⁴, but also that General elections still tend to be developed around a group of leaders / notables, with traditional political parties playing a rather minor role.

5.2. Electoral analysis

A brief analysis of the elections of Andorra gives us the following conclusions. Firstly, the formation of governmental majorities heavily relies on local support. That is, a fundamental prerequisite for governing Andorra is to gain support from at least 4 of the 7 contested local constituencies. Basically, the majoritarian electoral system in these local constituencies distorts election outcomes and inflates governmental majorities, far more than a single national proportional constituency would. Secondly, Andorra's party system has been dominated by a ruling center-right coalition, though the label of that coalition has evolved. Initially, this center-right coalition grouped around the Liberal Party, which embraced the traditional principles and values of other European mainstream liberals. Then, after a short period of reconfiguration that resulted in the social-democrats in office (2009–2011), the center-right spectrum grouped once again under a different label: Demòcrates per Andorra (Democrats). After successfully winning the last four general elections, the perspective is that the Andorran center-right coalition will undergo a new process of transformation in the upcoming years. Thirdly, turnout in Andorran general elections is arguably high, in comparison to the rest of Europe. Based on the analysis of Minoves, high participation rates can be regarded as a recurrent feature of small states. Before the Constitution, participation in General elections was over 80 percent, a similar participation rate that continued in the elections from 1993,

⁴Until the adoption of a more specific law in 2014 – that is, Llei 19/2014 – political parties in Andorra were regulated by the rules to 'associations'.

1997, 2001 and 2005 [Minoves, 2022]. The decline, however, began in 2009 probably as a consequence of the economic crisis. Turnout was 75.3 percent in 2009, 74.1 percent in 2011, 65.6 percent in 2015, a gradual recovery in 2019 with 68.33 percent of participation, and then it declined again in 2023 reaching 66.95 percent. Analyzing the volatility of the Andorran party system, Serra concluded that the average Andorran electoral volatility was similar to the one from Peru and Guatemala, and closer to that of Eastern European countries.

5.3. Party system classification

Based on electoral results since 1993, the Andorran party system can be defined as one of a 'predominant party' [Minoves, 2022]. In Sartori's terminology, a predominant-party system is marked by a major party that is consistently supported by a winning majority [Sartori, 2005]. So, in the case of Andorra, the Liberals predominated the period from 1997 to 2009. Then, after the brief social-democrats period (2009–2011), the Democrats¹ replaced the liberal predominance from 2011 to 2023, needing to form a Coalition Government in just one occasion (2019).

6. Foreign affairs and relations with Europe

After the publication of the *Manual Digest*², the notion of *neutrality* became the central axis of Andorra's foreign policy [Codina, Conesa, 2022]. As a matter of fact, temptations of annexation were strong, and Andorra was considered to be either a part of France or Spain's territory for many centuries. The Coprincipality institution, however, became an invisible shield for Andorra. Specifically, the ambiguities that surrounded the notion of 'shared and undivided' dominion over Andorra effectively deterred any geopolitical ambitions towards the valleys. For this reason, Andorra's foreign policy has traditionally been discrete, with the primary objective of maintaining a stable relationship with the Coprinces. The adoption of the Constitution, however, marked a pivotal moment for Andorra's foreign policy. While the policy of neutrality was maintained, it became imperative to promote the adoption of international treaties and reinforce cooperation with neighboring regions. In this regard, formalizing membership in the international community became Andorra's most

urgent priority after the Constitution³. Among the numerous advantages of this approach, it is essential to highlight that it consolidated the country's status as a sovereign nation, countering the traditional perception of Andorra as a *personal, exclusive, and undivided* sovereignty shared by the two Coprinces⁴.

The Constitution was a *necessary* condition, yet not *sufficient* to guarantee the future of Andorra. During the eighties and nineties decades, Andorra certainly had to address many challenges in a short period of time, the most urgent being the need to define a relationship with the European Economic Community (EEC). That obligation resulted from the accession of Spain to the EEC in 1986 [Garcia Lluelles, Lluelles Larrosa, 2022]. Indeed, the accession treaty established that, within two years, a new commercial regime between the Community and Andorra must be regulated. These negotiations concluded in 1990, the moment when Andorra and the EEC signed the agreement in Luxembourg⁵. The agreement with the EEC was transcendental for Andorra⁶. On the one hand, it was the first time that Andorra signed directly an international agreement on the quality (not ratified yet) of a sovereign state [Bartolomé Areny, 2024]. Before that responsibility belonged to either the French or the Spanish representative, they would do so on behalf of Andorra [Becat i Tajaut, 2017]. On the other hand, the agreement was critical because, from that moment on, Andorra gained a direct way of communication with Brussels. Eventually, these embryonic relations were subject to reform and subsequent updates.

The 2008 financial crisis led to a global comprehensive revision of financial regulations. Consequently, Andorra could no longer sustain its economy through the use of bank secrecy. Under considerable pressure from the Élysée, with President Sarkozy's potential resignation as Coprince, Andorra and the EU adopted the Monetary Agreement in 2011. This agreement reaffirmed Andorra's commitment to fiscal transparency and financial standardization, and it would be eventually solidified with the adoption of the 2016 agreement between Andorra and the EU on the automatic exchange of information for financial accounts and income. At present, Andorra and the EU have concluded the negotiations relating to the

¹A new center-right coalition that grouped all spectrum, arising from the former Liberals.

²That is a compilation of laws, customs and usages that governed Andorra since the XVIII century. It includes a wide range of judicial principles covering areas such as criminal law, property and political governance.

³Andorra's entrance into the global stage was a process formalized after the country's accession to the United Nations and the Council of Europe.

⁴Decret 15-01-81.

⁵The agreement entered into force one year after its signature.

⁶While the agreement established a common customs union for industrial products, a third-country regime was maintained for agricultural products. The agreement also defined a system of travelers' allowances that became fundamental for the attraction of tourism in Andorra.

participation of Andorra within the European Single Market. The association agreement, however, will be submitted to a popular referendum convened – in theory – during the first semester of 2025.

CONCLUSIONS

The structure of a Co-principality is fundamental to understanding Andorra's remarkable ability to preserve its territorial integrity throughout history. In this regard, the political evolution of Andorra has been characterized by a strategy of continuous *accommodation* and *adaptation* to the evolving European landscape. To this end, during the 1970s and 1980s Andorra experienced a process of deep institutional reform, closely guided by the *Élysée* and the 'Mitra' (Bishopric). This process culminated in the adoption of a Constitution in 1993, which not only reaffirmed Andorra's status as a sovereign state but also formalized its political system. While the Constitution introduced numerous innovations and clarifications, it is crucial to recognize that the emerging system was not a revolutionary construct. Instead, it served as confirmation of all the pre-existing political, economic, and social dynamics that have shaped the nation for many centuries.

This paper provided a comprehensive overview of Andorra's political system's most silent features. First, the Parliamentary Co-principality form of state renders Andorra one of the most singular political systems in the world. The notion of a 'shared and undivided' dominion over Andorra, the foundation of contemporary Co-principality, has historically shielded the country from foreign annexation attempts. This duality, however, necessitated a process of clarification in the late XX century, amidst significant political transformations across Europe. Among the various ambiguities addressed by the Constitution, adapting the old duality over Andorra into the modern form of a Parliamentary Co-principality became the pillar of the country's political reform.

Second, the General Council, Andorra's Parliament, has undergone a gradual process of institutionalization over centuries. While its origins can be traced back to the XIII century, when the first assemblies of Andorrans convened, it was only with the adoption of a Constitution that the balance of power between the Parliament and the Government was explicitly defined. Again, Andorran elections are marked by an important duality. On the one hand, half of the parliamentary seats are filled through a nationwide constituency that employs a proportional system, the largest remainder method. On the other hand, the remaining half of the Parliament is composed of representatives elected

from local constituencies, where a majoritarian first-past-the-system system is employed. While this system distorts popular representation, at the same time, it unequivocally enhances the country's governmentality.

Thirdly, the Andorran party system has witnessed significant evolution since the adoption of the Constitution. Notably, the Andorran party system is characterized by the dominance of a center-right party and a propensity towards local and temporary coalitions, a phenomenon this paper has referred to as a process of 'allées et venues' (comings and goings). The tendency to form and dissolve electoral coalitions has enhanced the system's capacity to adapt to the evolving political landscape.

Finally, Andorra's enduring success throughout the centuries can be attributed to the meticulous process of adaptation to its ever-changing European environment. At present, the nation's primary focus on adaptation and transformation refers to the definition of a long-term relationship with its key partner, the European Union. The upcoming 2025 referendum on the Association Agreement with the European Union will test once again Andorra's historical pragmatism.

Similarities and differences between the European microstates

Based on our analysis, we highlight the following similarities and differences between Andorra and other European microstates .

In the first place, when it comes to the form of state, Andorra's Coprincipality emerges as a unique political entity. In contrast, Monaco, Liechtenstein and Luxembourg operate as constitutional monarchies, though their forms of monarchy differ. On the one hand, Monaco and Liechtenstein represent a Principality where the Prince exerts the role of head of state. On the other hand, in Luxembourg the role of head of state belongs to a Grand Duchy. Then, the case of San Marino represents the only European microstates that develops under the form of a Republic, with a singular system of two elected *Capitani Reggenti*. In Andorra, the Constitution does not attribute substantive executive powers to the Co-princes. In practice, however, the need to protect the Coprincipality's fragile equilibrium has decisively influenced the country's orientation in several occasions.

In the second place, Andorra's form of Government, which is based on a Prime Minister elected by the parliament, slightly differs from other European microstates. For instance, the executive power of San Marino is located within a *Congresso di Stato*

that is led by a Secretary of State for Foreign Affairs. In Monaco, the executive branch is centralized in the figure of the Prince, who also exercises limited legislative powers with the Parliament. A similar system features the case of Liechtenstein, where the Prince holds significant executive authority, *ceteris paribus*. Then, operating as a constitutional monarchy, the Duke of Luxembourg exerts a similar role to one of the Presidency of a Republic. For instance, in general elections, after official results have been announced, the Grand Duke invites the winner of the election to form a government based on the principles of a parliamentary system.

In the third place, the electoral systems of European microstates reflect the unique interplay between historical evolution and contemporary governance needs. In Andorra, the electoral system is marked by the aforementioned duality between the local parishes and the modern nation that contrasts with other European microstates. While smaller states tend to favor a single nationwide constituency, Andorra employs a system with seven out of eight constituencies with a territorial basis. Although there are some noteworthy similarities with the cases of Luxembourg and Liechtenstein, where the territorial structure of the country also plays a role in general elections, the Andorra's electoral system represents the most territorially decentralized among European

microstates. Such a distinctive approach underscores the historical heritage of Andorra and the consequent need to balance traditional local governance with contemporary national representation.

Lastly, the European microstates' differentiated electoral systems has resulted in varied party systems. In San Marino, elections have experienced a gradual fragmentation of the historical dominant three-party system. Similarly, in Liechtenstein two major parties have dominated general elections for decades. In contrast, Luxembourg politics can be regarded as a combination between a predominant center-right coalition and a stable multipartyism. Meanwhile, Andorra and Monaco share a consensus-based party system in which a center-right coalition has consistently led the elections. These patterns reveal two prominent features of European microstate politics. On the hand, the predominance of traditional political parties manifests strong ties between the political system and local elites. On the other hand, European microstates also display a tendency towards bipartisan and centripetal competition that is coupled with growing electoral volatility. This trend can largely be attributed to the weak institutionalization of political parties in these states. Indeed, it is noteworthy to recall that the smallness of European microstates paves the way for personalistic politics, where local and national leaders exert a strong influence on electoral outcomes.

REFERENCES

1. Vergès, O. (2021). Carlemany i Andorra: Història de la Carta Pobla, el document que va originar una llegenda. Anem Editors.
2. Gascón, C. (2022). L'edat mitjana (segles VI-XIV). In *Relat històric d'Andorra*.
3. Minoves, J. F. (2022). The evolution of Andorra's Party System. From Parties of 'Notables' to a Predominant-Party System. In F. Casal Bertoa & P. Dumont (Eds.), *Party Politics in European Microstates* (1st ed.). Routledge.
4. Garcia Lluelles, E., & Lluelles Larrosa, M. J. (2022). Andorra de la segona meitat del segle XX al segle XXI. In *Relat històric d'Andorra*.
5. Bartumeu, I. (2023). *El Copríncipat d'Andorra: Evolució històrica i desenvolupament institucional*. REIG Fundació.
6. Torrens, X. (2006). Los sistemas electorales. In M. C. Badia (Ed.), *Manual de ciencia política* (pp. 369–402).
7. Sartori, G. (2005). *Parties and party systems: A framework for analysis*. ECPR Press.
8. Codina, O., & Conesa, M. (2022). Andorra dins l'Europa de Lluís XIV. In *Relat històric d'Andorra*. Govern d'Andorra.
9. Bartolomé Areny, P. (2024). Andorra i la 'questió europea': Revisió dels fonaments de l'acord d'associació entre Andorra i la Unió Europea. REIG Fundació.
10. Becat i Tajaut, J. (2017). De l'acord amb la Comunitat Econòmic Europea a l'associació amb la Unió Europea: Reflexions sobre el camí internacional d'Andorra. In *Andorra i el tractat d'associació amb la UE: 30a diada andorrana a l'UCE*. Societat Andorrana de Ciències.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vergès, O. Carlemany i Andorra: Història de la Carta Pobla, el document que va originar una llegenda. Anem Editors. 2021.
2. Gascón, C. L'edat mitjana (segles VI-XIV). In *Relat històric d'Andorra*. 2022.

3. Minoves, J. F. The n of Andorra's Party System. From Parties of 'Notables' to a Predominant-Party System. In F. Casal Bertoa & P. Dumont (Eds.), *Party Politics in European Microstates* (1st ed.). Routledge. 2022.
4. Garcia Lluelles, E., & Lluelles Larrosa, M. J. Andorra de la segona meitat del segle XX al segle XXI. In *Relat històric d'Andorra*. 2022.
5. Bartumeu, I. El Copríncipat d'Andorra: Evolució històrica i desenvolupament institucional. REIG Fundació. 2023.
6. Torrens, X. Los sistemas electorales. In M. C. Badia (Ed.), *Manual de ciencia política* (pp. 369–402). 2006.
7. Sartori, G. *Parties and party systems: A framework for analysis*. ECPR Press. 2005.
8. Codina, O., & Conesa, M. Andorra dins l'Europa de Lluís XIV. In *Relat històric d'Andorra*. Govern d'Andorra. 2022.
9. Bartolomé Areny, P. Andorra i la 'questió europea': Revisió dels fonaments de l'acord d'associació entre Andorra i la Unió Europea. REIG Fundació. 2024.
10. Becat i Tajaut, J. De l'acord amb la Comunitat Econòmic Europea a l'associació amb la Unió Europea: Reflexions sobre el camí internacional d'Andorra. In *Andorra i el tractat d'associació amb la UE: 30a diada andorrana a l'UCE*. Societat Andorrana de Ciències. 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аренн Пол Бартоломе

политолог, сотрудник eUniv – Universitas Europea

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Areny Pol Bartolomé

Political Scientist, Member of eUniv – Universitas Europea

Статья поступила в редакцию	18.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.01.2025	
принята к публикации	14.03.2025	



Деятельность турецкого просветительского Фонда Маариф (на примере стран Центральной Азии)

Л. Э. Велиева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
lala.ve@yandex.ru

Аннотация. Культурно-образовательный фактор давно стал необходимым инструментом внешней политики современных государств. Деятельность институтов внешней политики, занимающиеся непосредственной гуманитарной ее составляющей, выполняемые ими функции в рамках определенной компетенции – всё это составляет сферу международного гуманитарного сотрудничества. Турецкая Республика также уделяет большое внимание развитию этой части своей внешней политики. Методами институционального и функционального анализов в статье был проанализирован один из успешных инструментов внешней гуманитарной политики Турецкой Республики – турецкий просветительский фонд Маариф (Türk Maarif Vakfı), основанный в 2016 году с целью развития образования за пределами Турции. Достаточно новый, но стремительно быстро набирающий вес инструмент внешней гуманитарной политики Турецкой Республики – ответ на «гюленовские» учебные заведения. Де-факто, основная направленность «Маариф» – лоббирование закрытия или переподчинения школ, связанных с движением Ф. Гюлена по всему миру. Но на примере центрально-азиатских стран видно, что появление школ, учебных комплексов Маариф в конкретной стране не обязательно приводит к закрытию «гюленовских» учреждений. Вышеотмеченные методы были дополнены методом контент-анализа при оценке динамики гуманитарного взаимодействия Анкары со странами региона. Так, большое внимание уделяется точным наукам, техническим специальностям, таким как робототехника, космонавтика и тому подобное. Несмотря на свой быстрый рост, фонду до сих пор сложно закрепиться в некоторых странах. В данной статье проведен анализ и рассмотрены уже достигнутые результаты учебных заведений фонда.

Ключевые слова: наука, образование, научно-образовательный, Турция, Центральная Азия, фонд Маариф

Для цитирования: Велиева Л.Э. Деятельность турецкого просветительского фонда Маариф на примере стран Центральной Азии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 27–32.

Original article

The Activities of the Turkish Educational Foundation Maarif (on the Example of Central Asian Countries)

Lala E. Velieva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
lala.ve@yandex.ru

Abstract. The cultural and educational factor has long been an important tool of the foreign policy of modern states. The activities of foreign policy institutions dealing with its direct humanitarian component, their functions performed within a certain competence – all this is an integral part of international humanitarian cooperation. The Republic of Türkiye also pays great attention to the development of this part of its foreign policy. Using the methods of institutional and functional analysis, the article analyzed one of the successful instruments of the foreign humanitarian policy of the Republic of Türkiye, the Turkish educational foundation Maarif, founded in 2016 with the aim of developing

education outside Türkiye. A fairly new, but rapidly gaining weight instrument of Ankara's foreign humanitarian policy is a response to Gulen's educational institutions. De facto, the main focus of Maarif is lobbying for the closure or reassignment of schools associated with the Gulen movement around the world. But using the example of Central Asian countries, it is clear that the appearance of schools and educational complexes of Maarif in a particular country does not necessarily lead to the closure of Gulen institutions. The methods we noted were supplemented by the method of content analysis in assessing the dynamics of Ankara's humanitarian cooperation with the countries of the region. So, much attention is paid to exact sciences, technical specialties such as robotics, astronautics, etc. Despite its rapid growth, it is still difficult for the Maarif Foundation to gain a foothold in some countries. This article analyzes these reasons and examines the results already achieved by the foundation's educational institutions.

Keywords: science, education, scientific and educational relations, Türkiye, Central Asia, the Maarif Foundation

For citation: Velieva, L. E. (2025). The activities of the Turkish educational foundation Maarif on the example of Central Asian countries // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences, 1(858), 27–32. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Культурно-образовательный фактор давно стал важным инструментом внешней политики современных государств. Турецкая Республика также уделяет немало внимания развитию этой части своей внешней политики. Так, на сегодняшний день среди ключевых институтов, работающих над формированием имиджа Турции за рубежом и над распространением турецкой культуры, языка и менталитета, можно выделить такие институты, как: Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA), Институт Юнуса Эмре (Yunus Emre Enstitüsü), Управление по делам турок и родственных общин за рубежом (YTB), Управление по делам религии (Diyanet İşleri Başkanlığı) и Турецкий Фонд Маариф (Türkiye Maarif Vakfı). Все они имеют свою штаб-квартиру, свой бюджет и гибкий план работы в различных регионах мира, с учетом региональной и страновой специфики.

Одним из таких успешных инструментов на сегодняшний день является Турецкий Фонд Маариф (Türk Maarif Vakfı), основанный в 2016 году с целью развития образования за пределами Турции¹. Главой Фонда Маариф на данный момент является профессор Бирол Акгун. Де-факто, основная направленность турецкого Фонда «Маариф» с 2016 года по настоящее время заключается в лоббировании закрытия или переподчинения школ, связанных с движением Ф. Гюлена по всему миру. Фонд стал альтернативой и попыткой восстановить систему экспорта турецкого образования, предоставляя учебные заведения и программы, которые являются проводниками

гуманитарной политики Анкары [Ягья, Колесникова, 2018]. Маариф активно работает в различных странах, открывая школы, учебные заведения и поддерживая образовательные инициативы. Он ведет тесное сотрудничество с местными образовательными учреждениями и правительствами стран, в которых фонд работает, для реализации своих программ и проектов. Так, на данный момент фонд имеет 467 представительств – образовательных центров в 52 странах мира. Общая численность обучающихся в них составляет более 53 тыс. человек².

Согласно информации, полученной на официальном сайте фонда, ключевыми направлениями их деятельности являются³:

1. Образование. Открытие школ на уровне детского сада, начальной, средней школы. Создание культурных центров, учебных центров и курсов повышения квалификации.

2. Поддержка образования. Планируется создание дополнительного оборудования для школьных мероприятий, а также открытие центров дополнительного и внеакадемического развития. Это спортивные и художественные центры, лаборатории или библиотеки. Особый интерес вызывает и поддержка карьерных планов выпускников. Она осуществляется с помощью Системы отслеживания и направления карьеры Фонда Маариф.

3. Публикации. Разработка, производство и публикация образовательного контента и программ. К указанному контексту относятся и научно-исследовательские и опытно-конструкторские

¹Çalışma alanlarımız // Официальный сайт Фонда Маариф. URL: <https://maarifdergisi.com/page/calisma-alanlarimiz> (дата обращения: 06.03.2025).

²Türk Maarif Vakfı Faaliyet raporu // Официальный сайт Фонда Маариф. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/1665746ed6e7e4.pdf>. (дата обращения: 06.03.2025).

³Çalışma alanlarımız // Официальный сайт Фонда Маариф. URL: <https://maarifdergisi.com/page/calisma-alanlarimiz> (дата обращения: 06.03.2025).

работы, связанные с программами и методами обучения. К данному перечислительному ряду относятся также конференции и семинары; сотрудничество с учреждениями, работающими в области образования и периодических изданий.

4. Стипендии и жилье. Фонд Маариф ежегодно присуждает стипендии по различным категориям. Предоставляется также материальная поддержка обучающимся. Это книги, печатная корреспонденция, одежда, компьютеры и т. д. Некоторые представительства фонда обеспечивают студентов и членов педагогического коллектива жильем (на сегодняшний день фонд имеет 42 общежития в различных точках мира).

Как отмечалось выше, создание Фонда Маариф — это ответ на необходимость поддерживать и развивать образование за пределами Турции, в частности, после закрытия некоторых образовательных учреждений, связанных с движением Гюлена, в разных странах.

Фетхуллах Гюлен — турецкий религиозный деятель, который основал движение, известное как Гюленовское движение или «Хизмет» (что переводится как «Служение»). Гюлен, живущий в США с конца 1990-х годов, приобрел значительное влияние как в Турции, так и за ее пределами. Его не стало в октябре 2024 года в США, однако его движение продолжается. Одним из ключевых аспектов движения является акцент на образовании. В рамках Гюленовского движения было основано множество школ и образовательных учреждений по всему миру, включая частные школы, университеты и языковые центры.

Движение было очень влиятельным в Турции в течение нескольких десятилетий. Оно имело широкую поддержку среди населения. Гюленовцы занимали важные посты в государственных структурах, в том числе в полиции, судах, армии и образовании [Емельянова, 2017]. Людей привлекали идеи о развитии образования и налаживании межкультурного диалога. Особенно стоит подчеркнуть, что движение Гюлена активно поддерживало Реджепа Тайипа Эрдогана, когда тот занимал пост премьер-министра Турции и был лидером Партии справедливости и развития. Однако с 2013 года отношения между Эрдоганом и Гюленом резко ухудшились [Gündüz, Erdemir, 2021].

Турецкое правительство обвинило Гюлена и его движение в попытке государственного переворота в июле 2016 года. После этого инцидента власти Турции начали масштабные репрессии против предполагаемых сторонников Гюлена, закрывая связанные с ним организации. В том числе и за пределами Турции, в частности, в странах Центральной Азии.

Исходя из вышесказанного, перед Фондом Маариф стояла задача препятствовать тому, чтобы «гюленовские» школы назывались турецкими. Примечательно, что несмотря на многочисленные заявления Анкары о необходимости упразднения образовательных структур, связанных с Гюленом по всему миру, и передачи их в ведение Фонда Маариф, не везде одинаково отреагировали. В целом, выявляется три группы стран. В ряде стран все «гюленовские» школы были переданы Маариф. Во второй группе государств образовательные учреждения Гюлена перешли в статус общеобразовательных государственных. Существует также третья группа стран, в которых эти школы до сих пор сохраняют свои позиции [Akgün, Özkan, 2020]. С июля 2016 года по настоящее время основная деятельность по переподчинению турецких учебных заведений за рубежом осуществляется Фондом Маариф.

Сегодня Турецкий Фонд Маариф активно развивает свои образовательные инициативы и в Центральной Азии. Но здесь ситуация немного иная. В начале 2000-х годов в этом регионе функционировало порядка 75 турецких частных учебных заведений [Чедия, 2023]. Примерно в тот же период многие из них и закрылись. В частности, это произошло в Узбекистане, где в 1999 году все турецкие школы были либо полностью закрыты, либо переведены в статус общеобразовательных. Их количество в тот период составляло примерно 65 [там же]. Причиной тому стало возникшее в общественном дискурсе мнение о распространении в «гюленовских» учебных заведениях экстремистских течений. Связано это было и с угрозами религиозного экстремизма в республике на фоне развития гражданского противостояния в Таджикистане. Но в самом Таджикистане же эти школы закрылись лишь в 2015–2016 годах, когда руководство страны заявило о принудительной передаче образовательных учреждений движения «Хизмет» государственным структурам Таджикистана. После этого система и программа образования в этих школах значительно поменялась.

Процесс закрытия «гюленовских» учебных заведений продолжился в Туркменистане. В августе 2014 года между Турцией и Туркменистаном было подписано соглашение «О сотрудничестве в области образования». Ашхабад также закрыл единственную имеющую отношение к Гюлену школу в стране.

Первое и на сегодняшний день единственное отделение Фонда Маариф в Центральной Азии появилось в Киргизии. После попытки переворота 15 июля 2016 года Турция в лице тогдашнего главы МИД Турции Мевлюта Чавушоглу обратилась к властям Киргизской Республики по поводу закрытия «гюленовских» школ на ее территории.

Ответ МИД Киргизии был достаточно жестким. На заявление турецкой стороны ответили, что Киргизская Республика не собирается закрывать частные турецкие школы, но осуществит контроль над ними и что «это внутреннее дело республики». В стране отказывались закрывать «гюленовские» учебные заведения, рассматривая рекомендации турецкой стороны как вмешательство во внутренние дела государства.

Впоследствии накал между Анкарой и Бишкеком снизился. Между правительством Киргизии и представителями Маариф состоялись переговоры о создании юридического лица и о появлении отделения фонда. В итоге, руководство Киргизии приняло решение о создании отделения турецкого Фонда Маариф в стране. Так, 10 ноября 2020 года в Анкаре было подписано соглашение между Министерством образования и науки Киргизской Республики и Фондом Маариф по открытию и функционированию частных образовательных организаций в стране. Согласно официальной информации, переговоры вели и. о. министра образования и науки КР Алмазбек Бейшеналиев и директор Фонда Маариф в Центральной Азии Хүснү Бирджан¹.

Тем не менее движение Ф. Гюлена до сих пор имеет связи и социальную базу в стране. Фонд Маариф по-прежнему не может закрепиться в Казахстане, Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане, где ранее функционировали «гюленовские» учебные заведения.

В рамках данной научной статьи проанализируем деятельность фонда в Киргизстане. Так как на сегодняшний день эта единственная страна Центральной Азии, где присутствует и ведет свою работу турецкий Фонд Маариф. В Киргизии фонд функционирует не вместо «гюленовских» школ, а вместе с ними. В республике всё еще сильны позиции организации «Себат», связанной с движением Ф. Гюлена. Она контролирует до 15 образовательных учреждений². Образовательная организация «Себат» подписала соглашение о сотрудничестве с Министерством образования Киргизии еще 2 мая 1992 года. В соответствии с соглашением «Себат» получила право открывать образовательные учреждения в республике.

¹Улукбек Марипов и Вице-президент Турции Фуат Октай приняли участие в церемонии открытия школы «Маариф» // Официальный сайт Кабинета министров Киргизской Республики URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/20421-ulukbek-maripov-zhana-trkiyanyn-vitse-prezidentifuat-oktay-maarif-mektebinin-achylysha-katyshyshty> (дата обращения: 06.03.2025).

²Киргизстан и Турция: наступил ли новый уровень взаимоотношений? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/kyrgyzstan-i-turtsiya-nastupil-li-novyy-uroven-vzaimootnoshenij> (дата обращения: 06.03.2025).

Большинство из этих школ действуют на территории Киргизии и сегодня.

Спустя год после подписания соответствующего соглашения в Анкаре (2021) в Бишкеке были открыты первые школы турецкого Фонда Маариф. Сегодня они представляют собой комплекс общей площадью 11 тыс. м². Укомплектован соответствующим оборудованием 61 класс³. Обучение в школе ведется по государственным образовательным стандартам Турецкой и Киргизской Республикам на киргизском, турецком, русском языках с изучением английского. Имеется уклон как в сферу языков, так и в область естественных наук – химии, физики и биологии; гуманитарных наук; новых технологий и культуры. В целом в образовательный кампус Фонда Маариф в Бишкеке сегодня входят: детский сад, подготовительная школа, начальная школа и средняя школа.

Их ученики и выпускники часто выступают на международных конкурсах и олимпиадах, а также показывают хорошие результаты в учебе. Для оценки деятельности и масштабов работы турецкого Фонда Маариф на территории Киргизской Республики, представляется необходимым проанализировать несколько примеров вовлеченности их учеников и педагогического состава в те или иные мероприятия и достигнутые ими результаты. Так, в 2023 году выпускница школы Маариф Аделя Сейитова вошла в тройку высокобалльников по вступительным экзаменам в высшие учебные заведения по Киргизии и получила награду лично из рук президента Республики Садыра Жапарова⁴.

Еще одним ярким примером активности учеников и педагогов этих школ является их участие в шестом фестивале авиации, космоса и технологий TEKNOFEST–2023 (Стамбульский аэропорт, 27 апреля по 1 мая), на котором Киргизию представляли именно воспитанники школ Маариф в Бишкеке⁵.

На международном Фестивале науки и культуры тюркского мира, организованном Международным детским Фондом Тюркского мира (Türk dünyası çocuk vakfı), в Анкаре в ноябре 2023 года, киргизская команда «МААРИФ» заняла второе место в конкурсе, в котором принимали участие команды из 18 стран мира. Ученик киргизского образовательного комплекса Маариф Салим Кунунов и преподаватель Маарифа Рашида Садыкова заняли 2-е место благодаря своему проекту

³Турецкий Фонд «Маариф» к новому учебному году откроет школы в Бишкеке. URL: <https://elgezit.kg/2021/05/12/turetskij-fond-maarif-k-novomu-uchebnomu-godu-otkroet-shkolu-v-bishkeke/> (дата обращения: 06.03.2025).

⁴Maarif başarı hikayeleri 2019–2024 // Официальный сайт Фонда Маариф. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/1665746ed6e7e4.pdf>. (дата обращения: 06.03.2025).

⁵Там же.

«Производство возобновляемой энергии с помощью ветряных турбин»¹.

Представители данных школ принимают участие в конкурсах, фестивалях и форумах не только по точным, но и по социально гуманитарным наукам. Например, на Международной олимпиаде по философии, которая проводилась осенью 2023 года в Белоруссии, студент Маарифа из Киргизии Семетей Айджигитов занял 2-е место. На олимпиаде оценивались навыки написания эссе и устной речи студентов. Она проводилась в режиме онлайн при организации Института философии при Белорусском государственном университете, Белорусском философском обществе и Национальной академии наук Беларуси.

Учебный комплекс Марариф в Киргизии служит для проведения как образовательных мероприятий для подростков, так и международных мероприятий. Например, в феврале 2024 года в сотрудничестве с Министерством образования и науки Киргизской Республики в кампусе образовательного комплекса Маариф была проведена первая олимпиада по робототехнике национального уровня. Фонд привлек внимание всей страны своим новым и большим зданием и инфраструктурой. Примечательно, что второй тур олимпиады прошел в столице Казахстана, Астане, где команда из Киргизской Республики, в лице учеников из Маарифа, также приняла участие².

Подводя итоги деятельности школ Фонда Маариф в Киргизской Республике, отметим, что ими уделяется большое внимание точным наукам, техническим специальностям. К их числу относятся робототехника, космонавтика и др., в которых киргизская молодежь принимает активное участие, показывая высокие результаты.

¹Maarif başarı hikayeleri 2019–2024 // Официальный сайт Фонда Маариф. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/1665746ed6e7e4.pdf>. (дата обращения: 06.03.2025).

²Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешняя политика Турции в части построения и развития культурно-гуманитарных контактов сегодня обладает широким кругом инструментов в виде различных организаций, фондов и т. д. Одним из таких инструментов в сфере образования является стремительно набирающий влияние Фонд Маариф. Основная цель фонда с момента создания в 2016 года по настоящее время заключается в лоббировании закрытия или переподчинения школ, связанных с движением Ф. Гюлена по всему миру [Karlan, Çimen, 2022]. За свою восьмилетнюю историю фонд открыл 467 представительств в 52 странах, в том числе и в одной из стран центральноазиатского направления – Киргизии.

Несмотря на свой быстрый рост, фонду до сих пор сложно закрепиться в некоторых странах. К ним однозначно могут быть отнесены, например, такие страны Центральной Азии, как Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан.

Проведенный нами анализ деятельности Фонда Маариф показал, что появление школ, учебных комплексов Маариф в конкретной стране необязательно приводит к закрытию «гюленовских» учреждений. Ярким тому примером является Киргизия, где «маарифовские» школы функционируют не вместо, а вместе с «гюленовскими».

Требования турецкой стороны закрыть «гюленовские» учебные заведения приводили к непродолжительным дипломатическим кризисам в отношениях Анкары с этими странами. Например, такие кризисы происходили в отношениях Турции с Узбекистаном. Но со временем градус напряженности спал. Так, в феврале 2022 года были проведены переговоры представителей турецкого Фонда Маариф с МИД Узбекистана. В ходе встречи были рассмотрены возможности двустороннего сотрудничества в области образования. Поэтому можно предположить, что новые турецкие лица в ближайшие годы могут быть открыты и в Узбекистане.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ягья В. С., Колесникова М. А. «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 37–59.
2. Емельянова Н. М. Эрдоган vs Гюлен: новейшие тенденции в политическом развитии Турции // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 2. С. 39–50.
3. Gündüz M., Erdemir A. The Place and Importance of the Maarif Colleges in Turkish Education System // Research on Education and Psychology. 2021. Vol. 5. # 2. P. 267–277.
4. Akgün B., Özkan M. Turkey's Entrance to International Education: The Case of Turkish Maarif Foundation // Insight Turkey. 2020. Vol. 22. # 1. P. 59–70.

5. Чедия А. Р. Деятельность турецкого просветительского Фонда «Маариф» в контексте противостояния движению «Хизмет» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. Т. 23. № 4. С. 620–642.
6. Kaplan H., Çimen I., Balci E. Türkiye'nin Eğitim Diplomasisinde Türkiye Maarif Vakfının Rolü // Akdeniz Havzası ve Afrika Medeniyetleri Dergisi. 2022. Vol. 4. # 2. P. 120–128.

REFERENCES

1. Yagya, V. S., Kolesnikova, M. A. (2018). "Three whales" of Turkish politics in Africa. *Comparative Politics*, 9(1), 37–59. (In Russ.)
2. Emelianova, N. M. (2017). Erdogan vs Gulen: the latest trends in the political development of Turkey. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies*, 2, 39–50. (In Russ.)
3. Gündüz, M., Erdemir, A. (2021). The Place and Importance of the Maarif Colleges in Turkish Education System. *Research on Education and Psychology*, 5(2), 267–277.
4. Akgün, B., Özkan, M. (2020) Turkey's Entrance to International Education: The Case of Turkish Maarif Foundation. *Insight Turkey*, 22(1), 59–70.
5. Chediya, A. R. (2023). The activities of the Turkish Educational Foundation "Maarif" in the context of opposition to the Hizmet movement. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, 23(4), 620–642. (In Russ.)
6. Kaplan, H., Çimen, I., Balci, E. (2022). Türkiye'nin Eğitim Diplomasisinde Türkiye Maarif Vakfının Rolü. *Akdeniz Havzası ve Afrika Medeniyetleri Dergisi*, 4(2), 120–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Велиева Лала Этибаровна

аспирант кафедры международных гуманитарных связей
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Velieva Lala Etibarovna

Postgraduate Student
Department of International Humanitarian Relations
Faculty of International Relations
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.11.2024
15.01.2025
14.03.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Проблематика глобального управления в научном и официальном дискурсе современного Китая

К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация. В современных международных отношениях все более четко выражается национально и культурно детерминированный подход государств к реализации своих интересов. В настоящее время на международной арене наблюдается своеобразный поединок стратегических культур, и часто доминанция достигается не путем ведения прокси-войн, а реализацией стратегико-культурного потенциала в противостоянии глобальных проектов мирового порядка. Устойчивой стратегической культурой обладают великие державы, к которым безусловно относится и Китай. Китайская Народная Республика, будучи древней цивилизацией, использует в сфере международных отношений всевозможные национальные хитрости и особые подходы для достижения наиболее выгодных условий собственного существования. Основной моделью мирового порядка для Китайской Народной Республики стала концепция глобального управления. Сущность данной концепции можно резюмировать формулой: на базе «китайской мудрости» и китайского принципа гармонии цивилизации находятся не в конкуренции, а в партнерских отношениях, что позволяет обходиться без гегемонии и однополярного мира, формируя конструктивный миропорядок, отвечающий духу китайской национальной стратегической культуры. Цель данного исследования – изучить китайскую специфику построения глобального управления и ее интеграции в практику внешнеполитического курса КНР. Основными методами исследования являются анализ документов и кейс-стади, синергия которых позволяет выявить реализацию доктринальных оснований концепции глобального управления в практике китайской внешней политики. В результате было установлено, что построение сообщества единой судьбы человечества является основной концепцией дипломатической мысли Си Цзиньпина, а три основные глобальные инициативы представляют собой планы Китая по реализации концепции сообщества единой судьбы человечества и содействию реформированию и построению глобального управления. Реализация трех основных инициатив и содействие построению сообщества единой судьбы человечества – это грандиозный системный проект, отражающий гармонию китайской политической мысли и стратегической культуры. Стратегико-культурные основания китайской внешней политики предлагают миру объединение и безопасность, пусть даже они осуществляются в интересах Китая. Однако они приносят выгоду всем членам международного сообщества и разрешают конфликтные ситуации, избегая открытых военных противостояний.

Ключевые слова: глобальное управление, Китай, международные отношения, внешняя политика, политическая коммуникация

Для цитирования: Кожухова К. Е. Проблематика глобального управления в научном и официальном дискурсе современного Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 33–40.

Original article

The Problems of Global Governance in the Scientific and Official Discourse of Modern China

Kira E. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, kira.kozhuhova@mail.ru

Abstract.

In modern international relations, the nationally and culturally determined approach of States to the realization of their interests is becoming more and more clearly expressed. Currently, we can observe a kind of duel of strategic cultures in the international arena, and often dominance is achieved not by waging proxy wars, but by realizing strategic and cultural potential in opposition to global projects of the world order. Great powers have a stable strategic culture, which certainly includes China. The People's Republic of China, being an ancient civilization, uses all kinds of national tricks and special approaches in the field of international relations to achieve the most favorable conditions for its own existence. The concept of global governance has become the main model of the world order for the People's Republic of China. The essence of this concept can be summarized by the formula: on the basis of "Chinese wisdom" and the Chinese principle of harmony, civilizations are not in competition, but in partnership, which makes it possible to dispense with hegemony and a unipolar world, forming a constructive world order that meets the spirit of Chinese national strategic culture. The purpose of this study is to study the Chinese specifics of building global governance and its integration into the practice of China's foreign policy. The main research methods are the analysis of documents and case studies, the synergy of which made it possible to identify the implementation of the doctrinal foundations of the concept of global governance in the practice of Chinese foreign policy. As a result, it was revealed that building a community of humanity's common destiny is the main concept of Xi Jinping's diplomatic thought, and the three main global initiatives represent China's plans to implement the concept of a community of humanity's common destiny and promote reform and global governance. The implementation of the three main initiatives and the promotion of building a community of common destiny for humanity is a grandiose systemic project reflecting the harmony of Chinese political thought and strategic culture. The strategic and cultural foundations of Chinese foreign policy offer the world unification and security, albeit in the interests of China, but benefiting all members of the international community and resolving conflict situations, avoiding open military confrontations.

Keywords:

global governance, China, foreign policy, international relations, political communication

For citation:

Kozhukhova, K. E. (2025). Global governance in the foreign policy of the People's Republic of China. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 1(858), 33–40. (In Russ.)

ИДЕЯ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

В настоящее время Китай активно демонстрирует свое видение глобального управления международному сообществу. В 2017 году в докладе 19 съезда Коммунистической партии Китая концепция глобального управления начала становится акцентом китайской внешней политики¹. Стоит отметить, что в настоящее время именно глобальное управление как концепция мирового порядка стала интересна Китаю гораздо больше², чем продвижение инициативы «Один пояс, один путь». Это объясняется пониманием международным сообществом инициативы «Пояса и пути» как экономической доминации со стороны КНР, что в современной мировой политической конъюнктуре

¹习近平提出，坚持和平发展道路，推动构建人类命运共同体 = Си Цзиньпин предложил придерживаться пути мирного развития и содействовать построению сообщества единой судьбы человечества. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/18/content_5232664.htm (дата обращения: 09.03.2025).

²Глава МИД Китая призвал к справедливому глобальному управлению и укреплению мультилатерализма. URL: <https://russian.news.cn/20250224/f45d101e5f79437995fc417742e02b83/c.html> (дата обращения: 09.03.2025).

ввиду расцвета санкционного давления экономическими инструментами недопустимо для внешнеполитического имиджа страны, которая пытается создать новый мировой порядок.

В ходе встречи G20 в ноябре 2024 года председатель Си Цзиньпин выступил с речью под названием «Совместная работа над построением справедливой и разумной системы глобального управления». Среди основных характеристик данного геополитического проекта прослеживается внутренняя связь между глобальным управлением и мировой экономикой, облегчение финансовой задолженности развивающихся стран, избегание политизации экономики³. Реализация глобального управления происходит через три инициативы КНР. Юй Цзян, заместитель директора Китайского института международных исследований, выдвигает три следующие константы мировой экономики:

- 1) инициатива глобального развития (создание более инклюзивной и гармоничной глобальной экономики);

³完善全球治理体系，构建公正世界和可持续星球 = Улучшить систему глобального управления и построить справедливый мир и устойчивую планету. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202409/t20240926_11498094.shtml (дата обращения: 09.03.2025)

- 2) инициатива глобальной безопасности;
- 3) инициатива глобальной цивилизации¹.

Представители китайского политического сообщества отмечают, что глобальное управление есть практическая реализация концепции «сообщества единой судьбы человечества» [王帆, 2023].

Юй Цзян утверждают, что основным содержанием инициативы глобального развития являются «шесть упорств», инициатива глобальной безопасности также принимает «шесть упорств» в качестве своей основной сути, а основная суть глобальной цивилизационной инициативы отражена в «четырёх общих инициативах»². Каждая из трёх основных глобальных инициатив содержит духовную суть общего развития, общей безопасности и общей цивилизации и имеет глубокие внутренние логические и диалектические связи, что утверждается в документах.

При этом китайские авторы, например, Чжу Цзезинь из Университета Фуданя, КНР, анализируя типологию выбора КНР своего пути поведения и реформирования современной системы международных отношений, останавливаются на четырёх опорных пунктах: «избегание, дополнение, замещение и преобразование, которые отличаются от традиционной типологии “статус-кво – ревизионизм”» [Чжу, 2020]. Чжу настаивает, что Китай при сохранении статуса-кво всё же видит необходимость в реформе институтов международных отношений и создании новых правил игры (что отвечает настроению ревизионизма). Расположенность Чжу к системным новациям подтверждает конструктивный характер китайской стратегической культуры, приветствующей гармоничный миропорядок на основе неукоснительного подчинения международному праву.

В этой связи заслуживает внимания мнение российского ученого В. В. Карлусова. Он подчеркнул: «уже в этом призыве³ Китая к мировому сообществу, на наш взгляд, нашли отражение по крайней мере три важнейшие качественные характеристики глобальной стратегии этой страны: во-первых, системный, многоуровневый подход к структуре общественного развития и международных отношений, во-вторых, стремление к глобализации концепции партнерства в международных экономических и политических отношениях, продвигаемой КНР по

отношению к региональной и мировой экономике еще с 1990-х годов, и, наконец, в-третьих, пожелание строить такое партнерство на реальном, а не формально декларируемом соблюдении основных принципов и положений Устава ООН»⁴. Подобный китайский глобализм действительно является альтернативой существующему англо-саксонскому глобализму. Последний уже видится как негативное явление. уже видится как негативное явление. Китайская Народная Республика пропагандирует не потерю идентичности, а подчинение международным нормам, что становится позитивной унификацией акторов международных отношений без лишения их культурной и цивилизационной окраски.

В этой связи интересны и приоритетные направления современной внешней политики КНР с заделом на построение системы глобального управления, которая является краеугольной концепцией и опорным базисом внешнеполитического курса современного Китая.

СОЗДАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ОСНОВА КИТАЙСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

Анализ документов Китайской Народной Республики геополитического характера показал, что за последние пять лет официальная риторика сместила вектор от региональных направлений к глобальным. И напротив, общее состояние международных отношений диктует состояние региональных и двусторонних связей. Именно поэтому региональные векторы «вписаны» в глобальные направления китайской внешней политики. Исходя из этого, одним из ключевых документов в вопросе конструктивности китайской стратегической культуры становится «Предложение Китая по реформе и строительству глобального управления»⁵ 2023 года. Согласно данному документу в векторах мирового развития в рамках построения системы глобального управления Китайская Народная Республика перечисляет собственные направления внешнеполитической деятельности.

Поскольку (ввиду традиционных особенностей китайского менталитета) китайская риторика и стиль написания официальных документов имеют

¹三大倡议与全球治理体系改革和建设 = Три основные инициативы и реформа и построение глобальной системы управления. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-03/25/content_117082429.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

²Там же.

³Имеется в виду построение сообщества единой судьбы человечества и попытках создания системы глобального управления. – прим. К. Е.

⁴Карлусов В. В. Китай: эволюция концепции глобализации и поиск руководством страны модели глобального управления. URL: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2024-02_karlusov.pdf. (дата обращения: 09.03.2025).

⁵关于全球治理变革和建设的中国方案 = Предложение Китая по реформе и строительству глобального управления. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/202309/t20230913_11142009.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

пространный и размытый характер, автор предлагает провести анализ официальных позиций, выделив в них направления создания глобального управления и сообщества единой судьбы человечества, и пути практической реализации данных направлений во внешнеполитическом курсе современного Китая.

1. Укрепление глобального управления безопасностью и поддержание мира и стабильности во всем мире

Китайское правительство поставило сохранение международной безопасности в качестве первого приоритетного направления своей внешней политики, вписанной в глобальный международно-политический курс, что не является уникальным феноменом, так как глобальная безопасность ставится приоритетом и другими странами, например Россией в Концепции внешней политики¹.

Отталкиваясь от международно-политической повестки и конъюнктуры, Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу глобальной безопасности, отраженную в Белой книге. Председатель КНР выступил за приверженность общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой концепции безопасности, уважая суверенитет и территориальную целостность всех стран, соблюдая цели и принципы Устава ООН, уделяя внимание законным интересам безопасности всех стран, разрешая разногласия и споры между странами путем диалога и консультаций мирным путем и координируя поддержание безопасности в традиционных и нетрадиционных областях для совместного создания сообщества человеческой безопасности². Коллектив авторов Белой книги о создании единой судьбы человечества 2023 года ставит следующие цели китайской внешней политики:

1) продвижение нового типа экономической глобализации (продолжение инициативы «Пояса и пути»);

2) путь мирного развития (реализация «Трех инициатив»);

3) построение нового типа международных отношений (система из регионально-двусторонних партнерств в качестве «винтиков» глобально-го управления);

4) практика подлинной многосторонности (сотрудничество в разных областях);

¹Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

²《携手构建人类命运共同体：中国的倡议与行动》白皮书 = Белая книга о создании сообщества с общим будущим для человечества: инициативы и действия Китая. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202309/t20230926_771203.html (дата обращения: 09.03.2025).

5) продвижение общих ценностей всего человечества³.

Практика китайской внешней политики действительно показывает вовлеченность КНР в активные международно-политические противостояния современности, а также поддержание глобальной безопасности.

Наиболее животрепещущим вопросом мировой повестки является украинский кризис, который продолжает развиваться после начала специальной военной операции с 2022 года. Китай решительно поддерживает политическое решение украинского кризиса и излагает свое видение данной международной проблемы в официальном документе «Позиция Китая по политическому решению украинского кризиса»⁴, настаивая на соблюдении суверенитета и территориальной целостности всех стран, а также соблюдении целей и принципов Устава ООН. Коренная причина кризиса, по мнению комментария официальной стороны КНР, кроется в проблемах управления европейской безопасностью⁵. В качестве помощи в практическом разрешении конфликта Китай, Бразилия и некоторые страны глобального Юга создали группу «Друзья мира» по украинскому вопросу с целью создания атмосферы и накопления условий для продвижения политического решения кризиса⁶, тем самым создавая потенциальную платформу для переговоров.

2. Улучшение управления глобальным развитием и совместное достижение глобального устойчивого развития

Как декларирует правительство Китайской Народной Республики, «развитие – это вечное стремление человеческого общества и общая ответственность всех стран мира»⁷. Председатель Си Цзиньпин выдвинул глобальную инициативу

³Там же.

⁴关于政治解决乌克兰危机的中国立场 = Позиция Китая по политическому решению украинского кризиса. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/202302/t20230224_11030707.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

⁵关于全球治理变革和建设的中国方案 = Предложение Китая по реформе и строительству глобального управления. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/202309/t20230913_11142009.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

⁶习近平同俄罗斯总统普京通电话 = Си Цзиньпин провел телефонный разговор с президентом России Владимиром Путиным. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/zgxw/202202/t20220224_11561364.htm (дата обращения: 09.03.2025).

⁷关于全球治理变革和建设的中国方案 = Предложение Китая по реформе и строительству глобального управления. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/202309/t20230913_11142009.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

в области развития¹, призвав международное сообщество укреплять солидарность и взаимное доверие, отдавать приоритет развитию и сообща решать проблемы, чтобы придать импульс возвращению Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года в нужное русло.

В качестве практической реализации китайские политологи акцентируют внимание на продвижении инициативы «Один пояс, один путь» и активизации деятельности БРИКС.

Как было отмечено выше, пространственное измерение китайской стратегической культуры реализуется посредством наращивания ее присутствия практически во всех регионах мира. Особый же интерес в связи с проводимым исследованием вызывают отношения Китайской Народной Республики со странами, вовлеченными в реализацию инициативы «Пояса и пути». Поскольку инициатива постепенно приобретает характер экономической экспансии, альтернативой для Китая в мире экономики стал БРИКС. Он «абсорбировал» «Пояс» ввиду перекрестного членства стран-участников. Фактически продвижение Китаем инициативы «Один пояс, один путь» является частью его политики инклюзивной многосторонности.

Международно-политическая практика показала, что 2024 год является годом начала «Большого сотрудничества БРИКС». Лидер КНР Си Цзиньпин на Третьем форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь» указал, что одним из трех основных изменений в сотрудничестве является расширение проекта, его переход с Евразийского континента на Африку и Латинскую Америку. В сентябре 2024 года на Форуме по сотрудничеству «Китай – Африка» Си Цзиньпин заявил о подъеме отношений между Китаем и Африкой до уровня сообщества с единым будущим. Как «рынки голубого океана», Африка и Китай имеют взаимодополняющие выгодные ресурсы. Обе стороны будут совместно продвигать диверсифицированное сотрудничество «Юг – Юг» в рамках двойной платформы БРИКС и инициативы «Один пояс, один путь», которая, как ожидается, придаст новую жизненную силу глобальному рынку². С 13 по 23 ноября 2024 года председатель КНР Си Цзиньпин был приглашен в Перу для участия

в саммите лидеров АТЭС и совершения государственного визита в Перу. Затем он совершил государственный визит в Бразилию и принял участие в саммите лидеров G20. Эта серия мероприятий привлекла большое внимание международного сообщества и известна как «китайский момент» Латинской Америки [马凯硕, 2024].

3. Продвижение глобальных прав человека и социального управления и совместное содействие обменам и прогрессу между цивилизациями

В данном важнейшем направлении китайской внешней политики официальная позиция является довольно размытой. К примеру, в документе «Предложение Китая по реформе и строительству глобального управления» появляются следующие тезисы:

«Председатель Си Цзиньпин выдвинул Глобальную цивилизационную инициативу, которая направлена на содействие обменам и взаимному обучению между различными цивилизациями, укрепление взаимопонимания и дружбы между народами всех стран, достижение консенсуса по сотрудничеству в международном сообществе и содействие развитию и прогрессу человеческой цивилизации».

«Мы должны уважать многообразие мировых цивилизаций, поддерживать равенство, взаимное обучение, диалог и инклюзивность между цивилизациями, а также использовать культурные обмены для преодоления культурных барьеров, культурное взаимное обучение для преодоления культурных конфликтов и культурную инклюзивность для преодоления культурного превосходства»

«Мы должны защитить демократические права людей, дать полную волю их энтузиазму, инициативе и творчеству, позволить им стать настоящими хозяевами своей страны, в равной степени пользоваться правами человека и стать главными участниками, пропагандистами и бенефициарами развития дела прав человека»³.

В документе также содержится указание на ведущую роль ООН в охране прав человека в целом, а также прав женщин и права на образование.

¹三大倡议与全球治理体系改革和建设 = Три основные инициативы и реформа и построение глобальной системы управления. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-03/25/content_117082429.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

²“一带一路”系列(之二): 中非合作的发展潜力、投资机遇与风险挑战 = Серия «Один пояс, один путь» (часть 2): потенциал развития, инвестиционные возможности и риски китайско-африканского сотрудничества. URL: <https://finance.sina.com.cn/roll/2024-11-24/doc-incxmemnn5732839.shtml> (дата обращения: 09.03.2025).

³关于全球治理变革和建设的中国方案 = Предложение Китая по реформе и строительству глобального управления. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/202309/t20230913_11142009.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

На практике данное направление внешней политики страны отражает постулат национальной стратегической культуры об уникальности китайского общества, которому для устойчивого развития всё же необходимо «впитывать» достижения других цивилизаций без лишения последних творческой, научной и технической инициативы. Означенную международную программу комментирует китайский политолог Ян Жу в работе «Ситуация и стратегия национальной культурной безопасности Китая» [杨茹, 2023]. Акцент официального направления международной деятельности Китая по защите прав человека расставлен как ответ на реакцию мирового сообщества на наличие в КНР смертной казни, которая часто является камнем преткновения в прениях ООН.

4. Расширение глобального управления на новые рубежи и совершенствование будущих моделей управления

Название данного направления, подразумевающего создание и совершенствование будущих моделей, тесно связано с научно-техническим прогрессом, экологией, разумным использованием природных ресурсов и кибербезопасности.

Действительно, позиция Китая в данном вопросе отвечает вызовам современности, так как научно-технический прогресс и развитие обогатили и расширили значение международного мира и безопасности, а глубоководные районы, полярные регионы, космическое пространство, сети и цифровые технологии, искусственный интеллект и т. д. стали новыми рубежами глобального управления [王帆, 2023]. В условиях появления новых ситуаций, новых областей и новых вызовов государства должны отстаивать принципы мира, развития, инклюзивности и совместного управления, активно продвигать новые правила управления, чтобы идти в ногу со временем и в полной мере отражать мнения, интересы и потребности развивающихся стран [Белозёров, 2020].

Однако Китайская Народная Республика связывает научно-технический прогресс с возможностью нарушения своего территориального суверенитета, полагая, что «отдельные страны не должны внедрять гегемонистское мышление в систему управления приграничным районом Синьцзян, обобщать концепцию национальной безопасности и строить «маленький дворик с высокими стенами», используя свои технологические преимущества»¹. Речь идет о законе, принятом в США

в рамках санкционной войны с Китаем «Законе о предотвращении принудительного труда уйгуров», запрещающего ввоз в США продукции, произведенной с использованием принудительного труда в Синьцзяне. Закон, подписанный президентом Байденом 23 декабря 2021 года при подавляющей двухпартийной поддержке Конгресса США, подчеркивает американскую «приверженность борьбе с принудительным трудом по всему миру, в том числе в Синьцзяне, где происходят геноцид и преступления против человечности»².

5. Укрепление основной роли ООН и содействие реформированию глобальной системы управления

Подчеркивание незыблемости статуса ООН в международных делах свидетельствует о том, что китайский мировой порядок предполагает не разрушение старых институтов международных отношений, а их пересмотр. Такой подход подтверждается официальной точкой зрения Пекина: «Китай активно участвует в реформировании и построении системы глобального управления, применяет концепцию глобального управления, основанную на консультациях, совместном строительстве и совместном использовании, придерживается истинной многосторонности, содействует демократизации международных отношений и продвигает глобальное управление в более справедливом и разумном направлении»³.

Китай поддерживает необходимую и разумную реформу Совета Безопасности ООН в целях повышения его авторитета и эффективности, укрепления его способности реагировать на глобальные угрозы и вызовы и лучшего выполнения обязанностей, возложенных на него Уставом ООН. Реформа должна эффективно расширить представительство и голос развивающихся стран, исправить историческую несправедливость в Африке и предоставить большему числу развивающихся стран с независимой внешней политикой и беспристрастными позициями возможность войти в Совет Безопасности и участвовать в принятии им решений⁴.

URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/202309/t20230913_11142009.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

²Implementation of the Uyghur Forced Labor Prevention Act.
URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/implementation-of-the-uyghur-forced-labor-prevention-act/> (дата обращения: 09.03.2025).

³关于全球治理变革和建设的中国方案 = Предложение Китая по реформе и строительству глобального управления.
URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/202309/t20230913_11142009.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

⁴王毅主持联合国安理会“践行多边主义、改革完善全球治理”高级别会议 = Ван И председательствовал на заседании высокого уровня

¹关于全球治理变革和建设的中国方案 = Предложение Китая по реформе и строительству глобального управления.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что китайская внешняя политика – равно как и большая стратегия – ввиду влияния конструктивности национальной стратегической культуры сосредоточена на предложении нового международного порядка, а именно – системы глобального управления на основе равноправия сторон и строгого подчинения международно-правовым институтам вне зависимости от типа государства (великая держава, региональная или развивающаяся страна). При этом из перечисленных пяти направлений внешнеполитического курса три первых являются основными, что вполне объяснимо.

Первое направление сосредоточено на обеспечение безопасности как самого Китая, так и мира в целом. Ведь нельзя забывать, что Китайская Народная Республика акцентирует внимание на безопасности своей страны, понимая ее как ключ к общемировой безопасности. Именно поэтому китайская сторона предлагает конструктивные решения основных международно-политических конфликтов современности и выступает как приверженец переговорного метода, уважая суверенитет и невмешательство во внутренние дела других стран.

Второго направления имеет экономическую детерминацию, что обосновывается лидирующим положением КНР в экономической мировой цепочке и необходимостью защиты своих экономических интересов. По сути своей только Китайская Народная Республика в настоящее время предлагает актуальные интеграционные проекты, взаимовыгодные для всех участников. Именно экономический рычаг позволяет Китаю иметь колоссальное лобби в ООН и других международных организациях, в которых Поднебесная является не только активным членом, но и донором.

Третье направление отражает возможности использования потенциала культуры, науки и образования в реализации внешнеполитического курса Китая, для которого обмен достижениями с другими государствами всегда являлся приоритетом. Как показывают проводимые исследования, в условиях глобальной конфронтации научная внешняя политика используется как инструмент борьбы, что присуще, прежде всего, Западу [Белозёров, 2023]. В настоящее время научно-образовательный и культурный трек внешней политики реализуется не только созданием сети Институтов Конфуция для пропаганды китайского языка и культуры, но и – в большей степени – интеграции образовательных

и научных траекторий для создания единых стандартов, в том числе и в продукции, что для Китая как стремительно развивающегося экономического гиганта является приоритетом.

Если говорить о *четвертом и пятом* направлениях и их вспомогательной роли, то они связаны с укреплением безопасности государства в области киберпреступности и с защитой от вмешательства иных стран во внутренние дела Китая. Действительно, кибервозможности ведения опосредованных войн в настоящее время остаются важной проблемой в международно-политической повестке, и данное направление является расширением первого и второго.

Пятое направление китайской внешней политики занимает вспомогательное положение, поскольку КНР активно выступает за пересмотр роли Организации Объединенных Наций в современном мировом политическом процессе, хоть и не является ревизионистом в негативном значении. Китай предполагает, что усиление надзора и контроля со стороны ООН (так как по мнению Поднебесной нет необходимости в создании нового межгосударственного правового института) способно сделать мировое сообщество более устойчивым к кризисным ситуациям и поспособствует активному взаимодействию всех участников международных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, китайская внешняя политика ввиду конструктивности стратегической культуры стремится к созданию безопасной системы международных отношений, которая в китайской повестке имеет название «сообщество единой судьбы человечества». Данное сообщество будет управляться глобально, а не фиксированным числом лидеров мирового порядка, что позволит учитывать потребности и интересы развивающихся стран глобального Юга. При этом Китай никогда не говорит открыто о своем превалирующем влиянии в новой системе, а лишь подчеркивает, что является созидателем, а не разрушителем, строит на основе «китайской мудрости» новый мир на традиционных основах и предлагает эту «китайскую мудрость» и другим участникам международной коммуникации. При этом официальные источники КНР не содержат информации о санкциях, которые последуют в случае отказа от китайских предложений, что говорит об уверенности Китая в мягком внедрении своих идей. России же необходимо учитывать поведение китайской стороны и его мотивацию в своей внешней политике.

Совета Безопасности ООН по теме «Практика многосторонности, реформирование и совершенствование глобального управления». URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjzbzd/202502/t20250219_11558488.shtml (дата обращения: 09.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 王帆. 中国外交战略选择. 北京:当代世界出版社 = Ван Фан. Дипломатический стратегический выбор Китая. Пекин: Современная мировая пресса, 2023. (на кит.)
2. Чжу Ц. Как Китай выбирает путь реформы глобального управления? Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. № 3. С. 248–281.
3. 马凯硕. 中国的选择:中美博弈与战略快择/(新加坡)马凯硕著;全球化智库译. 北京:中信出版社 = Ма Кайшо. Выбор Китая: массовый отказ от сотрудничества между Китаем и США и быстрый стратегический выбор пер. Аналитическим центром глобализации. Пекин: Citic, 2024. (на кит.)
4. 杨茹. 中国国家文化安全形势与战略. 北京. 光明报出版社. = Ян Жу. Ситуация и стратегия национальной культурной безопасности Китая. Пекин: Гуанмин. 2023. (на кит.)
5. Белозёров В. К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 177–194.
6. Белозёров В. К. Россия в борьбе за место в мировом научном пространстве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840028996-4-1/>

REFERENCES

1. 王帆 (2023). 中国外交战略选择. 北京:当代世界出版社 = Wang Fan. China's diplomatic strategic choice. Beijing: Modern World Press. (In Chinese)
2. Zhu, Ts (2020). Kak Kitaj vybiraet put' reformy global'nogo upravleniya? = How does China choose the path of global governance reform? // Bulletin of International Organizations, 15(3), 248–281. (In Russ.)
3. 马凯硕 (2024). 中国的选择:中美博弈与战略快择/(新加坡)马凯硕著;全球化智库译. 北京:中信出版社 = Ma Kaishuo. China's Choice: Massive rejection of cooperation between China and the United States and a quick strategic choice. Translated by the Analytical Center for Globalization. Beijing: Citic. (In Chinese)
4. 杨茹 (2023). 中国国家文化安全形势与战略. 北京. 光明报出版社 = Yang Ru. The situation and strategy of China's national cultural security. Beijing: Guangming. (In Chinese)
5. Belozerov, V. K. (2020). International political communication in the context of digitalization of global development. Contours of global transformations: politics, economics, law, 13 (2), 177-194. (In Russ.)
6. Belozerov, V. K. (2023). Russia in the Struggle for a Place in the World Scientific Space. ISTORIYA, 14, 11(133). <https://history.jes.su/s207987840028996-4-1/> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожухова Кира Евгеньевна

кандидат политических наук

доцент кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozhukhova Kira Evgenievna

PhD in Political Science

Associate Professor at the Department of Political Science

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.12.2024
13.01.2025
14.03.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений

С. Х. Холов

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
kholov102s@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление новых дестабилизационных рисков, порождаемых эволюцией террористической деятельности, и анализ их воздействия на трансформацию современных международных отношений. Методология объединяет структурно-функциональный и сравнительный анализ, примененный к 12 резолюциям Совета Безопасности ООН (2020–2023) и 15 стратегиям национальной безопасности ключевых государств, включая США, Китай и страны ЕС. Эмпирическая база дополнена данными Global Terrorism Index 2024, охватывающими 27 тыс. инцидентов, что позволило выявить корреляции между технологической адаптацией террористических групп и их операционной эффективностью. Результаты исследования систематизируют три доминирующих тренда. Во-первых, гибридизация угроз проявляется в интеграции цифровых инструментов: 40 % атак в 2024 году содержали элементы кибервоздействия, а 78 % транзакций Аль-Каиды осуществлялись через анонимные криптоплатформы. Во-вторых, регионализация рисков демонстрирует связь экологических кризисов с радикализацией: в Сахеле, где зафиксирован 68-процентный рост смертности от терроризма, 58 % резолюций ООН упоминают климатические миграции как катализатор рекрутинга. В-третьих, институционализация экстремизма подтверждается примерами контроля ИГ над территориями с населением 11 млн человек и внедрением «Аш-Шабаб» налоговых систем в Сомали. Автор пересматривает роль терроризма как системного актора, чье влияние распространяется на экономические, технологические и социокультурные аспекты глобальной безопасности. В статье предлагается модель адаптивного регулирования, сочетающей предиктивные технологии (например, графовые нейросети для анализа блокчейн-транзакций) с локализованными решениями для регионов с высокой уязвимостью. В исследовании акцентируется необходимость преодоления концептуальных противоречий в международных документах, где расхождения между правовыми и идеологическими трактовками терроризма остаются ключевым барьером для эффективного сотрудничества.

Ключевые слова: терроризм, международные отношения, гибридные угрозы, кибербезопасность, климатические миграции, транснациональные сети

Для цитирования: Холов С. Х. Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 41–52.

Original article

Conceptual Approaches to the Analysis of Terrorism as a Destabilizing Factor in Modern International Relations

Surush Kh. Kholov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
kholov102s@mail.ru

Abstract. Research Objective is to identify emerging destabilization risks generated by the evolution of terrorist activities and analyze their impact on the transformation of contemporary international relations. The methodology combines structural-functional and comparative analysis applied to 12 UN Security Council resolutions (2020–2023) and 15 national security strategies of key states, including the USA, China, and EU countries. The empirical foundation is supplemented by data from the Global Terrorism Index 2024, covering 27,000 incidents, which enabled the identification of correlations between technological adaptation of terrorist groups and their operational effectiveness. The research results systematize three dominant trends. First, the hybridization of threats manifests in the integration of digital tools: 40 % of attacks in 2024 contained elements of cyber impact, while 78 % of Al-Qaeda transactions were conducted through anonymous crypto platforms. Second, the regionalization of risks demonstrates the connection between environmental crises and radicalization: in the Sahel, where terrorism-related mortality increased by 68 %, 58 % of UN resolutions mention climate migrations as a recruitment catalyst. Third, the institutionalization of extremism is confirmed by examples of ISIS controlling territories with a population of 11 million people and Al-Shabaab implementing tax systems in Somalia. The author reconsiders terrorism's role as a systemic actor whose influence extends to economic, technological, and sociocultural aspects of global security. In the article is proposed an adaptive regulation model that combines predictive technologies (such as graph neural networks for blockchain transaction analysis) with localized solutions for highly vulnerable regions. The research emphasizes the need to overcome conceptual contradictions in international documents, where discrepancies between legal and ideological interpretations of terrorism remain a key barrier to effective cooperation.

Keywords: terrorism, international relations, hybrid threats, cybersecurity, climate migrations, transnational networks

For citation: Kholov, S. H. (2025). Conceptual approaches to the analysis of terrorism as a destabilizing factor in modern international relations. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 41–52. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная безопасность XXI века сталкивается с парадоксом: технологический прогресс, создавая инструменты для стабилизации и развития общества, одновременно усиливает угрозы общественной безопасности, среди которых терроризм занимает центральное место. Если в начале 2000-х годов основное внимание фокусировалось на транснациональных сетях вроде «Аль-Каиды»¹, то к 2024 году угроза приобрела качественно новые черты. Согласно данным Индекса глобального терроризма, в 2023 году смертность от террористических атак выросла на 22 %, достигнув 8 тыс. 352 случаев, при этом эпицентр сместился в регион Сахель, где Буркина-Фасо столкнулась с увеличением числа жертв на 68 % несмотря на снижение количества инцидентов². Данный дисбаланс отражает не только эскалацию насилия, но и структурные изменения в методах финансирования, коммуникации и целеполагания экстремистских групп.

¹Зд. и далее упоминаются организации, признанные в Российской Федерации террористическими.

²Global Terrorism Index 2024 // Institute for Economics & Peace. URL: <https://reliefweb.int/attachments/3ee0f0ea-701e-4285-9558-3bdf59f49c89/GTI-2024-web-290224.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли терроризма как актора, чье влияние выходит за рамки локальных конфликтов. Современные группировки, такие как «Исламское государство» или «Аш-Шабаб», используют криптовалюты для обхода санкций (78 % транзакций Аль-Каиды в 2024 году) [Nistorescu, 2024], внедряют ИИ для кибератак на критическую инфраструктуру [Lohmann, 2024] и манипулируют информационным пространством через дипфейк-технологии [Al Waro, 2024].

Данные практики трансформируют терроризм из тактики устрашения в системный фактор, дестабилизирующий экономические, политические и социальные институты на транснациональном уровне.

Цель работы – выявление новых дестабилизационных рисков, связанных с эволюцией террористической деятельности, и анализ их воздействия на архитектуру международных отношений. Для этого применяется комбинация структурно-функционального, качественного и сравнительного анализа, охватывающая резолюции СБ ООН (2020–2023) и стратегии национальной безопасности 15 государств. Эмпирическая база включает данные о 27 тыс. террористических инцидентов, что позволяет проследить корреляцию между

технологической адаптацией экстремистов и ростом их операционной эффективности.

Научная новизна исследования заключается в систематизации трех ключевых тенденций:

- *гибридизация угроз*: интеграция кибернетических инструментов в 40 % атак 2024 года, включая использование алгоритмов машинного обучения для анализа уязвимостей энергосетей;
- *регионализация рисков*: связь климатических миграций в Сахеле с рекрутингом террористических групп, где 58 % резолюций ООН 2023 года упоминают экологические катастрофы как фактор радикализации;
- *институционализация экстремизма*: контроль ИГ¹ над территориями с населением 11 млн человек и внедрение квазигосударственных механизмов, таких как налоговые системы «Аш-Шабаб» в Сомали.

В работе опровергаются устаревшие подходы к терроризму, которые фокусировались исключительно на силовом противодействии, и предлагается модель адаптивного регулирования. В рамках данного метода учитываются технологические, экономические и социокультурные аспекты современных угроз. В последующих разделах детализируется то, как эти изменения переопределяют роль терроризма в глобальной политике, требуя пересмотра не только стратегий безопасности, но и базовых принципов международного сотрудничества.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая основа исследования опирается на сочетание структурно-функционального, качественного и сравнительного анализа. Структурно-функциональный анализ позволил выявить ключевые элементы современной террористической деятельности и определить их роль в трансформации международных отношений. Применение данного метода раскрыло механизмы адаптации террористических организаций к новым условиям глобальной среды и их влияние на изменение архитектуры международной безопасности. Проведен качественный анализ кибератак на криптовалютный сектор, который показал устойчивую тенденцию к росту масштабов единичных атак и их технической сложности. Сделан сравнительный анализ нормативных актов, который позволил классифицировать государства в соответствии с их парадигмой понимания терроризма. Теоретическую базу исследования составляют работы ведущих специалистов в области

¹Запрещена в Российской Федерации.

изучения терроризма и международной безопасности, таких как Д. Рапопорт, Р. Фридландер, Г. Акерман, М. Бернхэм, В. М. Родачин, Б. В. Сидоров. Особое внимание уделяется теории «волн терроризма» Д. Рапопорта, которая помогает проследить эволюцию террористической деятельности в историко-политологическом контексте².

Эмпирическая база сформирована из двух взаимодополняющих массивов данных, отражающих многоуровневый характер антитеррористического дискурса. Первый массив включает 12 резолюций Совета Безопасности ООН, принятых в период с 2020 по 2023 годы (№ 2501, 2510, 2532, 2565, 2585, 2597, 2610, 2621, 2635, 2657, 2678, 2699). Они были отобраны по критериям наличия ярко выраженных определений террористической деятельности и прямых указаний на дестабилизацию международных отношений. Документы охватывают ключевые кризисные зоны современности – от Сахельского региона до Юго-Восточной Азии, где проблема транснационального терроризма приобрела системный характер.

Второй компонент эмпирической базы составили 15 стратегий национальной безопасности государств, представляющих основные геополитические кластеры: США (2022), Китай (2023), Россия (2021), Франция (2020), Германия (2021), Индия (2020), Турция (2020), Саудовская Аравия (2022), Иран (2021), Бразилия (2020), ЮАР (2021), Австралия (2023), Канада (2021), Великобритания (2021), Израиль (2022). Географический и политический баланс выборки обеспечил выявление региональных особенностей террористических угроз при сохранении общего фокуса на их международных последствиях.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ

Использование точных терминов для обозначения событий необходимо человеку, чтобы сделать их более реальными. Именно поэтому концепция терроризма сформировалась, когда слова «террор» и «терроризм» стали использоваться для обозначения серии событий, произошедших во время Французской революции. Правительство, установленное Робеспьером с апреля 1793 по июль 1794 года, стало известно как «режим террора» (*régime de terreur*) [Казакбаев, 2023]. С этого периода начинает применяться фраза «государственный терроризм» для обозначения использования террора правительствами как инструмента

²Rapoport D. C. The four waves of modern terrorism // *Transnational Terrorism*. Routledge, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/286896869_The_four_waves_of_modern_terrorism_International_dimensions_and_consequences (accessed: 01.02.2025).

репрессий и социального контроля [Дуткевич, Казаринова, 2017].

Развитие террористической деятельности прошло значительный путь трансформации: от разрозненных политических убийств и локальных акций до масштабных операций, охватывающих множество стран и регионов. Переломным периодом стал конец XX века, когда террористические группировки приобрели возможности для проведения скоординированных атак в разных точках планеты [Курылев, Курбанов, 2019]. Масштабные теракты 11 сентября 2001 года в США продемонстрировали уязвимость даже самых защищенных государств перед лицом новых террористических угроз.

Общепризнанного международным сообществом, универсального определения международного терроризма нет. Основная причина в отсутствии точного термина для обозначения данного деструктивного феномена заключается в том, что трудно договориться об общепринятой классификации актов насилия, совершаемых государствами, группами, движениями, отдельными лицами [Боков, 2024]. В международных актах и российском законодательстве используются родственные понятия: террористическая деятельность, преступления террористической направленности [Боков, 2024].

Большинство российских ученых под международным терроризмом понимают:

- явление, несущее смертельную угрозу миропорядку, метод достижения государством своих целей на международной арене через разжигание конфликтов в странах, несущих гуманитарные катастрофы, массовые человеческие жертвы и разрушение государственных систем [Абдурахманова, Меженская, 2024];

- политику и практику устрашения населения одного государства другим государством путем насильственных общеполитических действий, угрожающих жизни, здоровью, иным жизненно важным интересам людей и мирному сосуществованию государств и народов, нарушающих международный порядок и международную безопасность [Сидоров, 2017];
- целенаправленное и воплощенное в жизнь политическое действие, направленное на подрыв или полное уничтожение социально-экономической стабильности государства, а также народа или группы этносов, проживающих на его территории [Лебедева, 2024];
- наиболее радикальное проявление экстремизма как формы политической деятельности [Римский, Лысенко, 2023].

В научной литературе предлагается учитывать следующие признаки международного терроризма: вовлечение граждан в террористическую

деятельность в более, чем одной стране, ведение террористических действий на территории нескольких государств, сетевой характер взаимоотношений членов террористических группировок, наличие ячеек террористической организации в разных странах, диверсификация тактических действий, использование цифровых технологий в организации кибератак, наличие финансирования деятельности, рост технической оснащенности [Абдурахманова, Меженская, 2024; Родачин, 2024].

И. В. Абдурахманова, Г. В. Меженская считают, что эффективную стратегию противодействия международному терроризму можно разработать только на основе понимания того, что есть подконтрольный международный терроризм. Исследователи предлагают выработать нормативно-правовые механизмы (нормы и стандарты международного права и непротиворечащие ему нормы национального законодательства), основанные на соблюдении принципов законности и прав человека [Абдурахманова, Меженская, 2024]. Основными элементами такого механизма являются: системное правовое обеспечение борьбы с международным терроризмом в национальном праве и на международной арене, сотрудничество в сфере противодействия терроризму, в том числе в рамках ООН, укрепление национальных государственных структур, борьба с распространением в сетях идеологии терроризма, выявление причастных к террористической деятельности граждан и организаций, блокирование каналов финансирования терроризма, взаимодействие с союзниками и партнерами в сфере борьбы с терроризмом [Родачин, 2024].

В данном исследовании под международным терроризмом понимается форма противоправных насильственных действий или угроза их совершения в политических целях, попытка дестабилизации деятельности органов власти страны и международных организаций, устрашения населения. Данное определение соответствует российской законодательной практике и включает в себя не только террористические действия, но и террористическую идеологию.

Технологическая революция и цифровизация мирового пространства привели к качественным изменениям в методах и средствах террористической деятельности. Террористические группировки активно осваивают киберпространство, превращая его в новый театр противостояния с государственными структурами [Ejazi, 2022].

К 2024 году эволюция террористической деятельности, трансформируя традиционные модели угроз, приобрела выраженный технологический характер. Развитие искусственного интеллекта, криптографических инструментов и децентрализованных

финансовых систем не только расширило операционные возможности экстремистских групп, но и создало принципиально новые риски нарушения глобальной безопасности. По данным *Global Terrorism Index*, к началу 2024 года более 40 % всех террористических актов содержали элементы кибернетического воздействия на критическую инфраструктуру атакуемых объектов¹. Появление новых финансовых инструментов, включая криптовалюты и анонимные платежные системы, позволило террористическим организациям создать разветвленные сети финансирования, практически неуязвимые для традиционных методов экономического мониторинга [Ogele, 2024].

Одним из наиболее тревожных трендов стало применение генеративных нейросетей для создания убедительных фейковых медиаматериалов. Группировка «Исламское государство Хорасан»² выпустило видеоролики с использованием ИИ, где ведущие новостей, созданные с помощью технологий генерации видео и синтеза речи, сообщали о терактах [Me, Mucci, 2024]. Подобные операции демонстрируют, как алгоритмы машинного обучения превращаются в инструмент дестабилизации, позволяя минимальными ресурсами воздействовать на общественное мнение в глобальном масштабе.

Параллельно развивается автоматизация кибератак через ИИ-платформы. Эволюция методов кибератак северокорейской группы Lazarus демонстрирует растущую изощренность технических подходов к компрометации финансовых систем. Tактический арсенал группы включает передовые техники проникновения, основанные на эксплуатации ранее неизвестных уязвимостей программного обеспечения. Выявленная в начале 2024 года операция по распространению вредоносного программного обеспечения через поддельную NFT-игру наглядно иллюстрирует адаптивность группы к новым технологическим трендам. Злоумышленники воспользовались уязвимостью нулевого дня в браузере Chrome, что позволило им обойти встроенные механизмы безопасности и получить несанкционированный доступ к криптовалютным активам пользователей.

Распространение шифрованных мессенджеров существенно трансформировало коммуникационную инфраструктуру экстремистских группировок. Масштабное использование Telegram, Signal и других защищенных платформ зафиксировано в серии терактов в Париже (2015), когда

координация исполнителей осуществлялась через зашифрованные каналы связи [Andreeva, 2023]. Характерный пример – деятельность ИГ, которая создала разветвленную сеть закрытых каналов в Telegram с аудиторией более 100 тыс. подписчиков для распространения пропаганды и вербовки новых членов (2014–2016). В 2016 году через телеграм-каналы координировались теракты в Брюсселе, что привело к временной блокировке мессенджера в ряде стран. Схожая тактика наблюдалась при подготовке взрывов на Шри-Ланке в 2019 году, где WhatsApp использовался для синхронизации действий смертников [Atik, Özdemir, 2024]. Технические особенности современных мессенджеров, включая сквозное шифрование и функции самоуничтожающихся сообщений, значительно затрудняют выявление и пресечение подобной противоправной деятельности правоохранительными органами.

Асимметричный характер технологических средств защиты в области финансового мониторинга отчетливо проявляется в современных инициативах Агентства кибербезопасности США (CISA) по внедрению систем анализа блокчейн-транзакций. Разработанная агентством система на основе графовых нейронных сетей продемонстрировала высокую эффективность при выявлении подозрительных микротранзакций, предотвратив в тестовом режиме перевод 12 млн долл. США через обменники ОАЭ в пользу террористических организаций [Comprehensive review on cybersecurity: modern threats and advanced defense strategies, 2024]. Однако экономическая структура противодействия терроризму характеризуется существенным дисбалансом: государственные расходы на создание и поддержание защитных механизмов превышают затраты террористических групп в 4–7 раз, что подтверждается масштабными инвестициями в антитеррористические программы – от 53 млн руб. на проект «Антитеррор» Дальневосточной железной дороги³, до 200 млрд тенге, выделенных правительством Казахстана на 5-летнюю программу противодействия экстремизму⁴.

Высокая стоимость разработки передовых технологических решений в сочетании с относительно низкими затратами террористических организаций на адаптацию и модификацию существующих финансовых инструментов создает

¹Global Terrorism Index 2024 // Institute for Economics & Peace. URL: <https://reliefweb.int/attachments/3ee0f0ea-701e-4285-9558-3bdf59f49c89/GTI-2024-web-290224.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

²Запрещена в Российской Федерации.

³53 млн руб. составили затраты на реализацию программы «Антитеррор» на ДВЖД в этом году // Secuteck.Ru. URL: http://secuteck.ru/newstext.php?news_id=50915 (дата обращения: 01.02.2025).

⁴Около 200 млрд тенге предусмотрено в РК на поддержку бизнеса // Zakon.kz. 2023.

URL: <https://www.zakon.kz/redaksiia-zakonkz/4558530-okolo-200-mlrd.-tg.-predusmotreno-v-rk.html> (дата обращения: 01.02.2025).

устойчивый тренд технологической гонки, где преимущество защитных систем нивелируется их экономической неэффективностью.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Трансформация международной системы после событий 11 сентября 2001 года привела к появлению нового типа негосударственных акторов – транснациональных террористических организаций, способных оказывать системное влияние на глобальные политические процессы. Масштаб их воздействия на международные отношения определяется не столько количеством проводимых ими операций, сколько их способностью формировать альтернативные центры власти и влияния, параллельные традиционным государственным структурам.

Вместо иерархических структур прошлого десятилетия формируются сетевые объединения с высокой степенью автономности отдельных ячеек при сохранении единого идеологического и оперативного управления. Статистические данные Global Terrorism Database демонстрируют, что к 2024 году под прямым контролем транснациональных террористических организаций находятся территории с населением более 11 млн человек. Масштаб их финансовых операций, превышающий годовые бюджеты некоторых малых государств, создает устойчивую экономическую базу для долгосрочного планирования и реализации стратегических целей¹.

Современный терроризм эволюционировал в многомерный феномен, в котором традиционные структурные элементы переплетаются с инновационными тактиками, формируя гибридную модель угрозы. Ключевым отличием нынешнего терроризма от классических форм политического насилия стал переход от физического устрашения к комплексному воздействию на цифровые экосистемы общества. Группировка «Аль-Каида в Аравийском полуострове»² демонстрирует эту трансформацию через создание «киберджихада» – хакерских подразделений, атакующих системы здравоохранения. Цифровая революция видоизменила структуру террористической деятельности, добавив технологический компонент в качестве самостоятельного элемента. Трансформация

методов террористической деятельности в цифровую эпоху проявилась в формировании специализированных хакерских подразделений, сфокусированных на атаках медицинской инфраструктуры [Ball, Montasari, 2024]. Масштабная компрометация NHS Dumfries and Galloway в феврале 2024 года группой *Inc Ransom* привела к похищению трех терабайт конфиденциальных данных пациентов³, атака на подрядчика NHS в июне 2024 года парализовала работу ключевых лондонских больниц, включая Королевский колледж и госпиталь Сент-Томаса⁴, а система здравоохранения Каталонии в 2023 году подверглась 150 целенаправленным атакам, нацеленным на хищение персональных данных⁵. Анализ инцидентов выявляет устойчивый паттерн: злоумышленники концентрируются на компрометации критически важных систем, способной привести к срыву оказания медицинской помощи. Параллельно они монетизируют украденные данные пациентов через их публикацию на теневых площадках. Эта деструктивная практика формирует комплексную угрозу как для непосредственного функционирования медицинских учреждений, так и для конфиденциальности персональных данных пациентов.

Мотивационная структура кибертерроризма расширилась за счет синтеза идеологических установок террористов с их экономическими интересами. Хакерские группировки, действующие в интересах различных политических сил, используют многоступенчатые схемы монетизации атак: от прямого вымогательства до торговли похищенными данными. Тактическая организация приобрела характер распределенной сети, где автономные ячейки сохраняют идеологическую связность через цифровые платформы [Doxsee, Palmer, McCabe, 2024].

Синтез идеологических и финансовых мотивов в деятельности террористических группировок отчетливо проявляется в динамике кибератак на криптовалютный сектор. Данные Chainalysis за 2024 год демонстрируют существенную интенсификацию атак: объем похищенных средств достиг рекордных 2,2 млрд долл. США, превысив показатели 2023 года на 21,07 %, при этом количество зафиксированных инцидентов возросло с 282 до

³Cyber attacks on NHS Dumfries and Galloway // NHS Dumfries & Galloway URL: <https://www.nhs.uk/cyberattack/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁴Synnovis Ransomware Cyber-Attack - London // NHS England URL: <https://www.england.nhs.uk/london/synnovis-ransomware-cyber-attack/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁵The APDCAT records a 22 % increase in security breaches in Catalonia // Catalan Data Protection Authority. URL: https://apdcata.gencat.cat/en/sala_de_prensa/notes_prensa/noticia/NVS-2023 (дата обращения: 01.02.2025).

¹Global Terrorism Index 2024 // Institute for Economics & Peace. URL: <https://reliefweb.int/attachments/3ee0f0ea-701e-4285-9558-3bdf59f49c89/GTI-2024-web-290224.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

²Организация запрещена в Российской Федерации.

303 случаев¹. Качественный анализ инцидентов указывает на растущую техническую сложность атак и целенаправленный выбор высокодоходных целей, что свидетельствует о профессионализации киберпреступной деятельности в крипто-валютном секторе и о формировании устойчивой тенденции к увеличению масштаба единичных операций [Гуторов, Ширинянц, 2017].

Децентрализованная архитектура обеспечивает одновременно высокий уровень конспирации и эффективную координацию действий террористов, при этом финансовая автономность ячеек в сочетании с общей идеологической платформой создает устойчивую базу для долгосрочного функционирования. Особую значимость приобретает симбиоз экономических и идеологических мотивов, присущих субъектам террористической деятельности: каждая ячейка, сохраняя оперативную и финансовую самостоятельность, остается интегрированной в единую систему через разделяемые

идеологические установки и цели, что формирует гибридную модель организации, устойчивую к традиционным методам противодействия.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ТЕРРОРИЗМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Результаты контент-анализа выявили три доминирующие концептуальные модели определения терроризма, формирующие современный антитеррористический дискурс. Первая модель, преобладающая в 78 % резолюций СБ ООН (2020–2023), акцентирует правовые аспекты, связывая терроризм с нарушением базовых принципов международного права. Типичным примером служит резолюция 2565 (2021), где террористические акты определяются как «преднамеренные нападения на гражданское население, противоречащие Женевским конвенциям и Уставу ООН». Данная трактовка подчеркивает универсальный характер угрозы, но оставляет неразрешенными вопросы дифференциации между терроризмом и национально-освободительной борьбой, что становится источником правовых коллизий в Совете Безопасности (см. табл. 1).

¹Geography of Cryptocurrency Report 2024 // Chainalysis. URL: <https://go.chainalysis.com/2024-geography-of-cryptocurrency-report.html> (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТАХ¹

Критерий анализа	Правовая модель	Политическая модель	Операционная модель	Страновые кластеры
Ключевые характеристики	Ссылки на нормы международного права (Женевские конвенции, Устав ООН)	Акцент на идеологическую / религиозную мотивацию	Классификация методов (кибератаки, использование дронов)	Группировка по парадигмам противодействия терроризму
Примеры документов	Резолюции СБ ООН №2565 (2021), №2678 (2023)	Стратегия США (2021), Стратегия Ирана (2021) (силовая парадигма)	Стратегия Германии (2021), Резолюция СБ ООН №2678 (2023)	США, Франция, Израиль
Региональная специфика	78 % резолюций СБ ООН	65 % западных стратегий vs 89 % ближневосточных трактовок (правозащитная ориентация)	23% документов учитывают гибридные угрозы	Германия, Канада, ЮАР
Концептуальные противоречия	Неразрешенность вопроса о национально-освободительной борьбе	Бинарность «государственный терроризм» vs «экстремизм» (контекстуальный подход)	Пробелы в определении когнитивных атак	Бразилия, Индия, Турция
Динамика терминологии	Снижение использования «международный терроризм» на 37 %	Рост упоминаний «трансграничный терроризм» (12 → 41)	Включение систематических миграций (58% в 2023 vs 12% в 2020)	Расхождения в классификации организаций (9 / 15 стран)
Статистические показатели	12 запрещенных действий в резолюциях 2020 → 17 в 2023	41 случай термина «трансграничный терроризм» в 2023	17 методов в таксономии Резолюции №2678	41 % синхронизация национальных стратегий с СБ ООН
Географические акценты	Универсальный характер угрозы	Европа: миграционные каналы (68%)	Азия: морские коридоры и киберпространство	Ближний Восток: «государственный терроризм» (89 % ссылок)

¹Источник: составлено автором на основании данных Резолюций Совета Безопасности ООН № 2501, 2510, 2532, 2565, 2585, 2597, 2610, 2621, 2635, 2657, 2678, 2699 (2020–2023), а также Стратегий национальной безопасности США (2022), КНР (2023), РФ (2021), Франция (2020), Германия (2021), Индия (2020), Турция (2020), Сауд. Аравия (2022), Иран (2021), Бразилия (2020), ЮАР (2021), Австралия (2023), Канада (2021), Великобритания (2021), Израиль (2022).

Вторая модель, представленная в 65 % национальных стратегий (США, Великобритания, Канада, Австралия), сфокусирована на идеологической мотивации терроризма. Документ США 2022 года вводит понятие «транснационального терроризма с религиозно-экстремистской идеологией», акцентируя необходимость борьбы с радикальными нарративами. Однако подобные определения демонстрируют региональную асимметрию: в стратегиях Ирана (2021) и Турции (2020) акцент смещается на «государственный терроризм», подразумевая политику западных стран на Ближнем Востоке.

Так, в Иране определение терроризма часто связано с политическими и религиозными контекстами. Иран может рассматривать действия, направленные против государства, как «государственный терроризм», особенно если они исходят от оппозиционных групп или иностранных государств. Экстремизм в Иране также может включать в себя действия, которые угрожают исламским ценностям или национальной безопасности. Таким образом, в языковом поле Ирана присутствует акцент на идеологических аспектах терроризма.

В Турции определение терроризма может быть связано с внутренними конфликтами, особенно с курдскими группами, которые правительство считает террористическими. В данном случае «государственный терроризм» может рассматриваться как ответ на угрозы национальной безопасности. Между тем экстремизм может включать как внутренние, так и внешние угрозы, в том числе исламский экстремизм.

Бразильский феномен «государственного терроризма» может содержать акцент на социальных и экономических факторах, способствующих насилию. Он может рассматриваться в контексте борьбы с преступностью и насилием, особенно в фавелах. Бразильское общество также может акцентировать внимание на экстремизме, связанном с политическими или идеологическими движениями, включая протесты и демонстрации.

Эта бинарность концепций создает системное противоречие в международных отношениях, затрудняя формирование единого правового поля.

Третья модель, получившая развитие в документах 2022–2023 годов, определяет терроризм через классификацию методов. Резолюция СБ ООН № 2678 (2023) содержит расширенный перечень из 17 запрещенных действий, включая кибератаки на критическую инфраструктуру и использование дронов. Аналогичный подход к терроризму прослеживается в германской стратегии (2021), где впервые к терроризму отнесены

«когнитивные атаки, направленные на дестабилизацию демократических институтов». Подобная конкретизация, однако, не устраняет концептуальных пробелов: только 23 % проанализированных документах учитывается взаимосвязь терроризма с гибридными угрозами.

Динамика терминологических изменений демонстрирует рост частотности понятия «трансграничный терроризм»: с 12 упоминаний в документах 2020 года до 41 случая в 2023 году. Параллельно наблюдается снижение использования термина «международный терроризм» на 37 %, что отражает переход к более конкретным видовым формулировкам. Географическая привязка определений терроризма в национальных стратегиях раскрывает поле восприятия рисков: если европейские страны акцентируют миграционные каналы проникновения террористов (68 % упоминаний), то азиатские государства фокусируются на морских коридорах (Китай, Индия) и киберпространстве (Южная Корея, Япония). Рост терминов «трансграничный терроризм» (+241,7 %) и «гибридные угрозы» (+262,5 %) отражает сдвиг в восприятии терроризма как многомерного явления, выходящего за рамки традиционных военных действий. Резкое увеличение упоминаний «климатической миграции» (+650 %) и «продовольственных кризисов» (+600 %) свидетельствует о включении нестандартных факторов в антитеррористический дискурс. При этом снижение частотности «международного терроризма» (-60,3 %) и «религиозного экстремизма» (-46,7 %) указывает на пересмотр концептуальных рамок терроризма в пользу его более конкретизированных определений (см. табл. 2).

Сравнительный анализ нормативных акцентов позволил выявить три кластера государств: страны с силовой парадигмой (США, Франция, Израиль) – 89 % определений связывают терроризм с необходимостью превентивных военных операций; страны с правозащитной ориентацией (Германия, Канада, ЮАР) – 72 % дефиниций включают ссылки на соблюдение прав человека при антитеррористических операциях; государства с контекстуальным подходом (Бразилия, Индия, Турция) – 64 % определений увязывают терроризм с историческими конфликтами и территориальными спорами [Рахимов и др., 2022].

Противоречия в концептуальных моделях проявляются в механизмах реализации резолюций СБ ООН: только 41 % национальных стратегий полностью синхронизированы с международными определениями. Наибольшие расхождения касаются классификации организаций: 9 из 15 стран включают в перечни террористических группировок структуры, не признанные таковыми СБ ООН. Например,

ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ, СВЯЗАННЫХ С ТЕРРОРИЗМОМ, В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТАХ¹

Термин	2020	2021	2022	2023	Динамика (%)	Контекст использования
Трансграничный терроризм	12	19	32	41	+241.7	Увязка с миграционными потоками, киберпространством, неконтролируемыми территориями
Международный терроризм	58	47	39	23	-60.3	Постепенное замещение термином "трансграничный"
Международный терроризм	58	47	39	23	-60.3	Постепенное замещение термином "трансграничный" в контексте локализации угроз
Гибридные угрозы	8	14	21	29	+262.5	Включение кибератак, информационных кампаний, климатических факторов
Кибератаки	5	11	18	27	+440.0	Упоминание в контексте критической инфраструктуры и социальной дестабилизации
Когнитивные атаки	0	3	7	12	+1200.0	Новый термин в стратегиях ЕС и НАТО (2022-2023)
Климатическая миграция	2	6	9	15	+650.0	Связь с террористическим рекрутингом в зонах экологических катастроф
Морские коридоры	4	7	10	13	+225.0	Акцент в азиатских стратегиях на нелегальные перевозки оружия
Религиозный экстремизм	45	38	31	24	-46.7	Снижение частотности в западных документах, рост в ближневосточных (Сауд. Аравия: +18%)
Государственный терроризм	9	15	22	28	+211.1	Преимущественно в документах Ирана, Турции, Венесуэлы
Превентивные операции	34	29	25	19	-44.1	Сокращение в стратегиях ЕС, рост в США и Израиле (+12% к 2023)
Продовольственные каналы	3	8	14	21	+600.0	Увязка с финансированием терроризма через контроль ресурсов
Миграционные каналы	11	17	23	30	+172.7	Доминирующий термин в европейских стратегиях (68% упоминаний)

¹Источник: составлено автором на основании данных Резолюций Совета Безопасности ООН №2501, 2510, 2532, 2565, 2585, 2597, 2610, 2621, 2635, 2657, 2678, 2699 (2020–2023), а также Стратегий национальной безопасности США (2022), КНР (2023), РФ (2021), Франция (2020), Германия (2021), Индия (2020), Турция (2020), Сауд. Аравия (2022), Иран (2021), Бразилия (2020), ЮАР (2021), Австралия (2023), Канада (2021), Великобритания (2021), Израиль (2022).

саудовская стратегия 2022 года относит к террористам «все организации, финансируемые Катаром», что противоречит резолюции 2657 (2022) о необходимости доказательной базы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный терроризм, трансформируясь под влиянием технологических инноваций и глобальных политических сдвигов, утвердился как многомерный дестабилизирующий фактор, изменяющий архитектуру международных отношений. Эмпирический анализ резолюций СБ ООН и национальных стратегий безопасности выявил три ключевых аспекта этой трансформации. *Во-первых*, превращение угрозы в конкретные действия с помощью

интеграции цифровых инструментов: 40 % террористических актов 2024 года включали элементы кибератак, а 78 % транзакций Аль-Каиды осуществлялись через анонимные криптоплатформы. *Во-вторых*, географическая релокация эпицентров активности: регион Сахель, где зафиксировано 68-процентное увеличение смертности от терроризма в 2023 году, демонстрирует связь между климатическими миграциями и рекрутингом экстремистов. *В-третьих*, институционализация террористических групп как квазигосударственных акторов – контроль ИГ (*запрещена в Российской Федерации*) над территориями с населением 11 млн человек и внедрение налоговых систем «Аш-Шабаб» в Сомали подчеркивают их способность формировать параллельные системы власти.

Концептуальные противоречия в определении терроризма, выявленные в документах, усложняют формирование единой антитеррористической стратегии. Если резолюции СБ ООН акцентируют правовые нормы (78 % случаев), то национальные стратегии расходятся в трактовках: западные государства фокусируются на идеологической мотивации, тогда как Иран и Турция используют термин «государственный терроризм» для критики внешней политики конкурентов. Расхождения, наряду с технологической асимметрией (затраты на киберзащиту в 4–7 раз превышают бюджеты террористических групп), создают устойчивые риски для глобальной безопасности.

Новые дестабилизационные риски связаны с гибридизацией методов. Примеры включают использование ИИ-платформ группировкой Lazarus для атак на энергосети Балкан, а также генерацию deepfake-контента «Исламским государством» с целью манипуляции общественным мнением. Подобные тактики трансформируют природу угрозы: терроризм перестает быть исключительно физическим насилием, становясь инструментом системного воздействия на цифровые экосистемы и социальную стабильность.

Таким образом, терроризм XXI века, эволюционируя в условиях цифровых технологий и региональной локализации, бросает вызов не только системам безопасности, но и самим принципам международного взаимодействия. Ответ на этот вызов требует не столько универсальных

определений, сколько адаптивных механизмов, способных учитывать динамику гибридных угроз и парадигмы национальной безопасности, в рамках которых государства определяют терроризм и реагируют на него. Примером положительного сотрудничества государств в борьбе с радикальным исламом и его проявлениями является сотрудничество России и Ирана, которое берет начало с заключения Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества (2001), заключением Соглашения о сотрудничестве между МВД Ирана и России (2013), заключением Межправительственного соглашения о военно-техническом сотрудничестве (2015). Позднее двустороннее взаимодействие дополнялось региональным сотрудничеством в рамках операций по противодействию контрабанде наркотиков. Большие перспективы в регионе заложены во взаимодействии на платформах Организации исламского сотрудничества, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества не только в формате силовых взаимодействий, но и в формате «мягкой силы» через межкультурный и межрелигиозный диалоги. С 2021 года открыто сотрудничество между странами в области кибербезопасности, обмена технологиями, обучения специалистов [Джаббаринасир, 2023].

Таких площадок взаимодействия в мире должно быть значительно больше, чтобы противостоять новым нетрадиционным угрозам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nistorescu G. G. Complex analysis of cryptocurrencies and their implications in the context of money laundering and terrorism financing // International Scientific Conference Strategies XXI. Carol I National Defence University Publishing House. 2024. P. 113–124.
2. Lohmann S. ChatGPT, Artificial Intelligence, and the Terrorist Toolbox // An American Perspective. 2024. P. 23–34.
3. Al Waro M. N. A. L. False Reality: Deepfakes in Terrorist Propaganda and Recruitment // Security Intelligence Terrorism Journal (SITJ). 2024. Vol. 1. № 1. P. 41–59.
4. Казакбаев И. З. Мировой терроризм и экстремизм глобальная проблема современной системы международных отношений // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2023. Т. 2. № 50. С. 93–97.
5. Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Страх как политика. М.: МГИМО(У), 2017.
6. Курылев К. П., Курбанов Р. М. Понятие «международный терроризм» согласно конструктивистской школе международных отношений // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 76–82.
7. Боков Д. К. Терминологический аппарат, используемый при характеристике террористических угроз: критический анализ и направления совершенствования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3 (101). С. 95–104.
8. Абдурахманова И. В., Меженская Г. В. Дефиниция «международный терроризм»: научные подходы и нормативно-правовое содержание // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 24–27.
9. Сидоров Б. В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 115–122.

10. Лебедева М. Л. Политико-экономическое содержание понятия терроризм // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2–3 (89). С. 102–105.
11. Римский А. В., Лысенко В. А. Специфика экстремизма: политико-правовые и философские определения // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 1 (37). С. 115–126.
12. Родачин В. М. Философия безопасности: Энциклопедический словарь категорий, понятий, концептов, идей. СПб.: Научное издание, 2024.
13. Ejazi F. Performance of Virtual Terrorism in Cyber Space // Media and Terrorism in the 21st Century. IGI Global, 2022. P. 224–236.
14. Ogele E. P. Terrorist financing in the digital age: an analysis of crypto currencies and online crowd funding // Journal of Terrorism Studies. 2024. Vol. 6. № 2. P. 4–25.
15. Me G., Mucci M. F. Identifying Daesh-Related Propaganda Using OSINT and Clustering Analysis // International Conference on Global Security, Safety, and Sustainability. Cham: Springer Nature Switzerland. 2024. P. 97–146.
16. Andreeva C. The Zerkani Network and the 2015 Paris and 2016 Brussels Attacks: An Illustration of Counter-Terrorism Dysfunction in Europe // Studies in Conflict & Terrorism. 2023. P. 1–29.
17. Atik F., Özdemir M. Paradigms of New Media and Terror Agencies // Turkish Online Journal of Educational Technology-TOJET. 2024. Vol. 23. № 1. P. 76–88.
18. Comprehensive review on cybersecurity: modern threats and advanced defense strategies / Obi O. et al. // Computer Science & IT Research Journal. 2024. Vol. 5. № 2. P. 293–310.
19. Ball D., Montasari R. The Evolution of Terrorism in Digital Era: Cyberterrorism, Social Media, and Modern Extremism // Navigating the Intersection of Artificial Intelligence, Security, and Ethical Governance: Sentinels of Cyberspace. Cham: Springer Nature Switzerland. 2024. P. 159–170.
20. Doxsee C., Palmer A., McCabe R. Global terrorism threat assessment. 2024. Rowman & Littlefield, 2024.
21. Гуроров В. А., Ширинянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30–54.
22. Рахимов К. Х. [и др.]. Антитеррористический фокус сближения Индии и Таджикистана / К. Х. Рахимов, С. В. Федина, С. Х. Холов, А. Я. Якуба // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90). С. 3435–3453.
23. Джаббаринасир Х. Р. Сотрудничество Ирана и России в борьбе с международным терроризмом: состояние, возможности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 90–100.

REFERENCES

1. Nistorescu, G. G. (2024). Complex analysis of cryptocurrencies and their implications in the context of money laundering and terrorism financing. In International Scientific Conference Strategies XXI (pp. 113–124). Carol I National Defence University Publishing House.
2. Lohmann, S. (2024). ChatGPT, Artificial Intelligence, and the Terrorist Toolbox. An American Perspective (pp. 23–34).
3. Al Waro, M. N. A. L. (2024). False Reality: Deepfakes in Terrorist Propaganda and Recruitment. Security Intelligence Terrorism Journal (SITJ), 1(1), 41–59.
4. Kazakbaev, I. Z. (2023). World terrorism and extremism is a global problem of the modern system of international relations. Bulletin of the International University of Kyrgyzstan, 2(50), 93–97. (In Russ.)
5. Dutkevich, P., Kazarinova, D. B. (2017). Strah kak politika = Fear as politics. Moscow: MGIMO (U). (In Russ.)
6. Kurylev, K. P., Kurbanov, R. M. (2019). The concept of "international terrorism" according to the constructivist school of international relations. Journal of Political Research, 3(1), 76–82. (In Russ.)
7. Bokov, D. K. (2024). Terminological apparatus used in characterizing terrorist threats: critical analysis and areas of improvement. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 3(101), 95–104.
8. Abdurakhmanova, I. V., Mezhenkaya, G. V. (2024). Definition "international terrorism": scientific approaches and regulatory content. Agrarian and land law, 10(238), 24–27. (In Russ.)
9. Sidorov, B. V. (2017). Novelties in Definition of Terrorism, International Terrorism and Acts of International Terrorism and Problems of Improving Russian Criminal Legislation. Bulletin of Economics, Law and Sociology, 2, 115–122. (In Russ.)
10. Lebedeva, M. L. (2024). Political and economic content of the concept of terrorism. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2–3(89), 102–105. (In Russ.)

11. Rimsky, A. V., Lysenko V. A. (2023). The specifics of extremism: political, legal and philosophical definitions. *Science. Art. Culture*, 1(37), 115–126.
12. Rodachin, V. M. (2024). *Filosofia bezopastnosti: Entsiklopedicheskij slovar' kategorij, ponyatij, idej = Security Philosophy: Encyclopedic Dictionary of Categories, Concepts, Concepts, Ideas*. St. Petersburg: Science-intensive technologies. (In Russ.)
13. Ejazi, F. (2022). Performance of Virtual Terrorism in Cyber Space. In *Media and Terrorism in the 21st Century* (pp. 224–236). IGI Global.
14. Ogele, E. P. (2024). Terrorist financing in the digital age: an analysis of crypto currencies and online crowd funding. *Journal of Terrorism Studies*, 6(2), 4–25.
15. Me, G., Mucci, M. F. (2024). Identifying Daesh-Related Propaganda Using OSINT and Clustering Analysis. In *International Conference on Global Security, Safety, and Sustainability* (pp. 97–146). Cham: Springer Nature Switzerland.
16. Andreeva, C. (2023). The Zerkani Network and the 2015 Paris and 2016 Brussels Attacks: An Illustration of Counter-Terrorism Dysfunction in Europe. *Studies in Conflict & Terrorism* (pp. 1–29).
17. Atik, F., Özdemir, M. (2024). Paradigms of New Media and Terror Agencies. *Turkish Online Journal of Educational Technology-TOJET*, 23(1), 76–88.
18. Obi, O. C. (Ed.) et al. (2024). Comprehensive review on cybersecurity: modern threats and advanced defense strategies. *Computer Science & IT Research Journal*, 5(2), 293–310.
19. Ball, D., Montasari, R. (2024). The Evolution of Terrorism in Digital Era: Cyberterrorism, Social Media, and Modern Extremism. In *Navigating the Intersection of Artificial Intelligence, Security, and Ethical Governance: Sentinels of Cyberspace* (pp. 159–170). Cham: Springer Nature Switzerland.
20. Doxsee, C., Palmer, A., McCabe, R. (2024). *Global terrorism threat assessment 2024*. Rowman & Littlefield.
21. Gutorov, V. A., Shirinyanc, A. A. (2017). Terrorism as a theoretical and historical problem: some aspects of interpretation. *Polis. Political Studies*, 3, 30–54. (In Russ.)
22. Rahimov, K. H. et al. (2022). Anti-terrorist focus of rapprochement between India and Tajikistan / Rahimov, K. H., Fedina, S. V., Holov, S. H., Yakuba, A. Ya. *Issues of National and Federal Relations*, 12(9), 3435–3453. (In Russ.)
23. Jabbarinasir, H. R. (2023). Cooperation between Iran and Russia in the fight against international terrorism: state, opportunities and prospects. *World economy and international relations*, 67(1), 90–100. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Холов Суруш Холович

аспирант
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kholov Surush Kholovich

Postgraduate Student
Faculty of Humanities and Social Sciences
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Статья поступила в редакцию	07.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	12.01.2025	
принята к публикации	14.03.2025	



Тюркская кооперация как новый фактор интеграции в Центральной Евразии

Е. Д. Шамишев

*Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации, Москва, Россия
e.shamishev@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты тюркской интеграции в регионе Центральной Евразии. На фактическом материале демонстрируется процесс правового и экономического сопряжения усилий Организации тюркских государств (ОТГ) по налаживанию взаимного сотрудничества. Выделяются позитивные моменты формирования сети международных транспортно-логистических коридоров. Вместе с тем показано восприятие сегодняшних планов экономической кооперации ОТГ другими участниками интеграционных процессов в обширном макрорегионе Центральной Евразии. Целью настоящего исследования является выявление происходящих интеграционных процессов в Центральной Евразии, особенно в части институционального становления и развития Организации тюркских государств. Этот процесс является неотъемлемой составляющей региональной геополитики. Его значение трудно переоценить. С ростом экономического, ресурсного, транзитно-логистического и трудового потенциала тюркских государств, увеличивается и их вес в мировой политике, а также роль, которую они играют в отношениях с мировыми державами. Правовая и экономическая составляющая тюркской интеграции раскрывают в сравнении совокупный экономический потенциал государств ОТГ и Евразийского экономического союза. В качестве важнейшего компонента рассматриваются, в том числе, новые альтернативные транспортно-транзитные маршруты, открывающие дополнительные пути доставки грузов по трансконтинентальным линиям между Европой и Азией. Отдельно показаны интересы ключевых внешних игроков – России, Китая, Ирана и Турции в процессе сопряжения евразийского и тюркского векторов. Суммируя результаты исследования, автор приходит к своему главному выводу: евразийский и тюркский векторы развития интеграции для государств – участников ОТГ и ЕАЭС являются взаимодополняемыми. Это позволяет избежать конфликтности и излишней конкуренции между бенефициарами процесса сопряжения обоих векторов. Исследование выстраивалось с опорой на количественный (анализ статистических данных), институциональный (роль интеграционных объединений в развитии экономической интеграции), структурно-функциональный (изучение интеграции как целостного явления в современных международных отношениях) методы. Системный подход способствует определению взаимосвязей основных элементов интеграционной системы в изменяющейся внешней среде. Указанные методы позволяют проанализировать специфические особенности и закономерности в развитии интеграционных процессов на территории евразийского континента, что способствует комплексному рассмотрению данной проблематики. Источниковой основой исследования послужили статистические и информационно-аналитические материалы, нормативные и служебные документы.

Ключевые слова: Россия, Турция, ОТГ, ЕАЭС, Центральная Евразия, интеграция, сотрудничество

Для цитирования: Шамишев Е. Д. Тюркская кооперация как новый фактор интеграции в Центральной Евразии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 53–61.

Original article

Turkic Cooperation as a New Factor of Integration on Central Eurasia

Yerlan D. Shamishev

Embassy of the Republic of Kazakhstan in the Russian Federation, Moscow, Russia
e.shamishev@rambler.ru

Abstract. The article shows certain aspects of Turkic integration in the Central Eurasian region. Based on factual material the process of legal and economic conjugation of the Organization of Turkic States (OTS) efforts in establishing cooperation can be seen. There are highlighted positive aspects in the creation of a network of international transport and logistics corridors. At the same time, the perception of today's agenda for economic cooperation of the OTS by other players in the integration processes in a vast Central Eurasian macroregion demonstrated as well. The purpose of this study is to analyze the ongoing integration processes in Central Eurasia, especially in terms of institutional formation and development of the Organization of Turkic States. This process is a new important factor in regional geopolitics, the importance of which cannot be underestimated. With the growth of the economic, resource, transit-logistics and labor potential of the Turkic states, their weight in world politics increases, as well as the role they play in relations with world powers. The legal and economic components of Turkic integration reveal in comparison of the combined economic potential of the OTG states and the Eurasian Economic Union. New alternative transport and transit routes are considered as the most important component, opening additional routes for the delivery of goods alongside transcontinental lines between Europe and Asia. The interests of key external players – Russia, China, Iran and Turkey – in the process of conjugating the Eurasian and Turkic vectors are shown. The main conclusion made by study is that the Eurasian and Turkic vectors of integration development for both OTG and the EAEU member states do not oppose each other, but complementary. This allows for avoiding conflict and excessive competition between the beneficiaries of the process of conjugation of both vectors. The study is based on quantitative (analysis of statistical data), institutional (the role of integration associations in the development of economic integration), structural and functional (study of integration as a holistic phenomenon in contemporary international relations) methods. The system's approach helps to determine the interrelations of the main elements of the integration system in a changing external environment. These methods allow analyzing the specific features and patterns in the development of integration processes on the territory of the Eurasian continent, which contributes to a comprehensive consideration of this issue. The source basis for the study was statistical and information-analytical materials, regulatory and official documents.

Keywords: Russia, Turkey, OTS, EAEU, Central Eurasia, integration, cooperation

For citation: Shamishev, Y. D. (2025). Turkic cooperation as a new factor of integration in Central Eurasia. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(897), 53–61. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация Совета сотрудничества тюркоязычных государств в полноценную Организацию тюркского сотрудничества (*далее* ОТГ) в 2021 году и кардинальные изменения, связанные с военно-политическим решением Нагорно-Карабахского вопроса, значительно влияют на состояние геополитического баланса сил в обширном макро-регионе, включающем Южный Кавказ, Каспийский бассейн, а также Центральную Азию. Все эти

субрегионы входят в сферу интересов России как евразийского ядра, а также других крупных региональных игроков – Казахстана, Узбекистана и Азербайджана. Стремительно развивающиеся процессы интеграционной кооперации тюркских стран в составе Организации тюркских государств (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция, Узбекистан)¹ в определенной мере становятся альтернативным концептом, который может составить конкуренцию

¹Государства-наблюдатели: Венгрия, Туркменистан.

евразийским интеграционным процессам. В этой связи возникает новая геостратегическая реальность, диктующая необходимость осмысления растущего вектора тюркской интеграции, а также возможность так называемого сопряжения двух интеграционных векторов. Они базируются на сопряжении Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС) с китайским проектом «Один пояс – один путь». В качестве глобальной и на нынешний момент отдаленной цели перспективно рассматривать и результаты такого сопряжения, и саму ОТГ. Она существует как важный составной элемент Большого Евразийского партнерства.

На прошедшем саммите ОТГ в Астане 3 ноября 2023 года были приняты ключевые решения, ставшие важной вехой в эволюции идеи консолидации тюркских народов. По сути, оформлена институализация Организации, а также стратегическое видение тюркской кооперации на годы вперед. На саммите был одобрен документ под названием «Перспективы тюркского мира – 2040», политические документы – Астанинский Акт и Декларация X Саммита Организации тюркских государств, а также совместный план действий (Дорожная карта) организации тюркских государств по реализации Программы транспортной связи на 2023–2027 годы.

ПРАВОВАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЮРКСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В условиях острой геополитической турбулентности на Ближнем Востоке, российско-украинского конфликта, сохраняющихся рисков дестабилизации в Афганистане, тюркские государства заинтересованы в создании эффективных механизмов торгово-экономической кооперации.

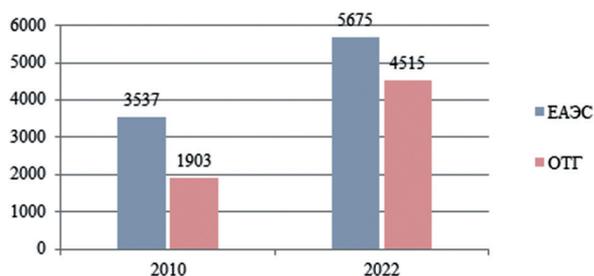
Для таких государств ОТГ, как Казахстан, Киргизская Республика, Узбекистан, Туркменистан стремление к обретению большей международной субъектности отражается в самоидентификации с центральноазиатским регионом как колыбелью древней тюркской цивилизации. Так, в принятой 3 ноября 2023 года Астанинской Декларации X Саммита Организации тюркских государств говорится о том, что государства – члены ОТГ «высоко оценивают позитивную роль механизма Консультативных встреч глав государств Центральной Азии в развитии и углублении добрососедских отношений между народами региона...», а также «приветствуют подписание “Договора между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве ради развития Центральной Азии в XXI веке”, что

обеспечит стабильность, безопасность и межэтническую гармонию в Центрально-Азиатском регионе, являющимся ключевым аспектом устойчивого развития всего региона»¹.

Набирающая ход кооперация тюркских государств, несомненно, затрагивает многие сферы интересов стран ЕАЭС, которые уже сформировали единое таможенное пространство и стоят на пороге перехода к новому, более высокому этапу интеграции – формированию новых рынков. Однако, как показывает динамика экономического развития стран ОТГ, темпы их экономического роста постепенно сокращают отставание от «евразийской пятерки». Эти страны, за исключением Турции, имея более низкую производственно-промышленную базу, демонстрирует более высокие темпы роста за счет экстенсивно-сырьевых показателей.

Так, если сравнивать показатель совокупного ВВП по паритету покупательской способности стран ЕАЭС и ОТГ можно заметить, что экономический потенциал тюркских государств с 2010 по 2022 годы более чем удвоился – с 1,9 трлн долл. США до 4,5 трлн, хотя в абсолютных показателях всё еще уступает ЕАЭС.

Экономический потенциал ЕАЭС и Организации тюркских государств в 2010 и 2022 гг.
(величина совокупного ВВП по ППС; млрд долл. США)



Наиболее значимым и заметным фактором при оценке будущих перспектив и потенциала ОТГ становится формирование сети международных транспортно-логистических коридоров. В текущей ситуации они приобретают особо важное геоэкономическое значение как для самих стран-транзитеров (Азербайджан, Армения, Грузия, Турция, Иран, и страны Центральной Азии), так и для крупных реципиентов товарных грузов и сырья в основных экономических зонах мира (страны Европейского Союза, Россия, Китай, Индия). Во-первых, трубопроводные маршруты из этих стран являются важнейшими экспортными артериями, обеспечивающими основной доход от торговли сырьевыми ресурсами.

¹URL: https://www.turkicstates.org/assets/pdf/temel_belgeler/tenth-summit-declaration-2023-21-en.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

Во-вторых, авто и железнодорожные дороги приобретают особое значение как инструмент внешнеэкономического маневрирования и демонстрации тех или иных приоритетов в условиях повышенной геополитической турбулентности.

Чтобы заявить о себе в полный голос и подогреть поближе к хотя бы раннему этапу евразийской интеграции сообществу тюркских государств предстоит еще преодолеть большой путь. Так, экономическое развитие тюркских стран диктует необходимость гармонизации процедуры межстранового перехода, реализации в рамках ОТГ целостного подхода к проблематике устранения барьеров на торговых путях и сокращения транспортных расходов как главных препятствий для увеличения перевозок. Также требуют отмены существующие квоты на транзитный проезд автомобилей между странами ОТГ. Достигнутый между Турцией и Кыргызстаном прогресс в либерализации двусторонних и транзитных перевозок открывает возможность для достижения аналогичных соглашений между другими странами ОТГ.

Однако необходимо учитывать интересы государств-транзитеров, таких как Казахстан, Азербайджан и Россия, которые готовы поделиться своей транспортной инфраструктурой на взаимовыгодных условиях. Готовность турецкой стороны делиться с партнерами достижениями цифровизации в сфере транспорта, в частности, такими приложениями, как e-TIR и электронные транспортные документы, могла бы положительно отразиться на бесшовных международных автомобильных перевозках. Это будет достигнуто за счет налаживания системы электронных пропускных документов между Турцией и странами Центральной Азии.

В настоящее время только до 5 % наземных грузов из Китая в Европу проходит через так называемый *средний коридор*, или ТМТМ (Транскаспийский международный транспортный маршрут). В Анкаре рассматривают возможность увеличения этого показателя примерно до 30 %. Прогнозируется, что доля железных дорог в перевозках увеличится более чем на 10 % к 2029 году, и составит примерно 22 % в 2053 году. Для этого Турция планирует инвестировать примерно 200 млрд долл. США в течение 30 лет на улучшение железнодорожной инфраструктуры как внутри страны, так и по *среднему коридору*¹.

Наращиванию грузоперевозок по *среднему коридору* будет способствовать планируемый Турцией запуск в ближайшей перспективе более 200 регулярных контейнерных поездов с использованием

железнодорожной линии «Баку – Тбилиси – Карс». Повышению потенциала и эффективности функционирования данного маршрута благоприятствовало бы открытие «Зангезурского коридора», что позволило бы соединить Азербайджан с Турцией кратчайшими железнодорожными и автомобильными путями.

Завершение строительства железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан с дальнейшим выходом на туркменскую территорию открывает возможность для подключения этой ветки к *среднему коридору*. Во-первых, для полноценной загрузки порта Туркменбаши в целях наращивания объемов транскаспийской грузоперевалки. Она позволит преодолеть существующие ограничения транзита через Каспий. Во-вторых, в транзитном маршруте Китай – Европа появится альтернативный казахстанскому участку (КНР – КР – РУ – Туркменистан) с выходом через Иран на Турцию и страны Ближнего Востока и Южной Европы. Это даст возможность указанным центральноазиатским странам диверсифицировать свои внешнеторговые потоки.

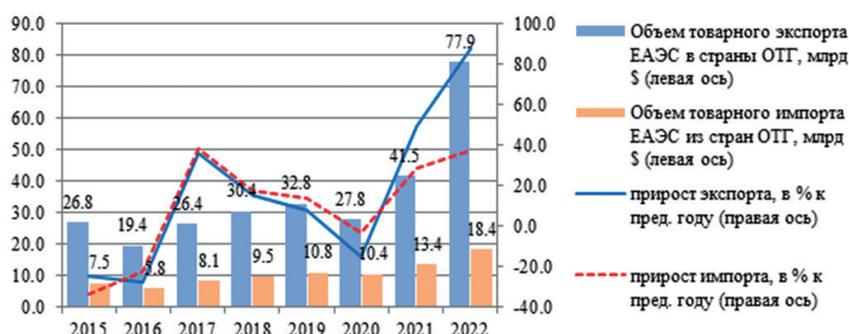
Такая диверсификация, однако, не должна стать объектом геополитического соперничества. Главная цель – равномерно распределять растущие трансконтинентальные торговые потоки между государствами региона за счет использования различных преимуществ, которые имеются у каждой страны (географические, гибкие ценовые условия и преференции, трудовые и природные ресурсы и т. д.). Поэтому национальным правительствам важно не замыкать маршруты и не использовать инструменты транспортной блокады, а стремиться к кооперации на основе принципа «win-win». Так, целесообразно изучать возможности сопряжения медианных и широтных международных транспортных коридоров различной модальности. Например, имело бы смысл использовать МТК «Север – Юг» из России через Каспий на Персидский залив и широтный маршрут Китай – Центральная Азия – Каспий – Кавказ. Такой подход позволит снизить издержки грузоотправителей и в итоге позитивно скажется на стоимости перевозимых товаров для потребителя, производства и экономики в целом.

Как сообщил министр транспорта Республики Казахстан Марат Карабаев, выступая на VI Международном транспортно-логистическом бизнес-форуме «New Silk Way» в Пекине, объем грузов, перевозимых из Китая в Европу по Транскаспийскому международному транспортному маршруту, за 8 месяцев 2023 года вырос на 84 %². Важную

¹В Турции обнародован 30-летний план развития железнодорожного транспорта. URL: <https://zdmira.com/news/v-turtsii-obnarodovan-30-letnij-plan-razvitiya-zheleznodorozhnogo-transporta> (дата обращения: 25.01.2025).

²Грузоперевозки из Китая в Европу через Транскаспийский коридор увеличились на 84 %. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/gruzoperevozki-iz-kitaya-v-evropu-cherez-transkaspiskiy-koridor-velichilis-na-84/> (дата обращения: 25.01.2025).

Динамика внешней товарной торговли ЕАЭС со странами – членами Организации тюркских государств* в 2015–2022 гг.



Примечание: * – без учета государств – членов ЕАЭС (Казахстана и Киргизии) в составе ОТГ.
Источники: ЕЭК, ITC Trade Map

роль в развитии этого маршрута играет слаженное взаимодействие Казахстана с отраслевыми министерствами Азербайджана и Грузии (в 2022 году была подписана соответствующая дорожная карта, направленная на устранение препятствий).

В целом реализовано несколько инфраструктурных проектов развития Транскаспийского коридора и расширения мультимодальных перевозок Казахстана. В прошлом году на участке Достык – Мойынты началось строительство второй дороги, что увеличит пропускную способность в пять раз и скорость перевозок. Начинается строительство кольцевой железнодорожной линии Дарбаза – Мактарал. Имеется новый проект по направлению Бахты – Аягоз. В этом году грузооборот достигнет 27 млн т, т. е. сейчас очень важно открыть третий пункт приема грузов из Китая. С этой точки зрения наиболее актуальным объектом является новый железнодорожный вокзал с грузооборотом 20 млн т, строящийся по направлению Бахты – Тачен¹.

Для оптимизации проекта Транскаспийского международного транспортного маршрута (далее ТМТМ) необходимо увеличить пропускную мощность портов казахстанских портов Курык и Актау на Каспии. На новом железнодорожном пункте пропуска по маршруту Бахты – Тачен необходимо построить новый сухой терминал. Кроме того, сейчас предполагается увеличить мощность действующих железнодорожных пунктов пропуска.

Развитие широтных и меридианных транспортных коридоров в Центральной Евразии формирует хорошие перспективы для их перекрестного сопряжения. Это оказывает благотворное воздействие на рост взаимной торговли на всем евразийском пространстве, включающем как страны ЕАЭС,

так и те тюркские государства, которые не входят в состав данного интеграционного объединения.

Статистика развития евразийской экономики (далее ЕЭК) показывает, что развитие торговли с ОТГ для ЕАЭС крайне выгодно. Так, с момента запуска ЕАЭС в 2015 году, объемы товарного экспорта государств – членов «Евразийской пятерки» в страны ОТГ утроился с 26,8 млрд долл. до почти 78 млрд долл. США.

Тем не менее осложнение ситуации в регионе Центральной Евразии, а именно закрытие транспортного транзита через территорию России в Европу способствует ускоренному поиску и диверсификации сопредельными странами новых путей выхода на внешние рынки. Это становится серьезным фактором. Он имеет также и внешнеполитический аспект. Так, к примеру, иранский эксперт Вали Каледжи утверждает, что конфликт на Украине, западные санкции против России и российские транзитные ограничения в Восточную Европу оказали негативное влияние на маршрут Северного коридора инициативы «Пояс и путь». Проект Нового евразийского сухопутного моста, связывающего Россию, Украину, Польшу и Белоруссию с Восточной Азией, был остановлен.

В этих обстоятельствах Средний коридор или Транскаспийский Международный транспортный маршрут (ТИТР), который начинается из Юго-Восточной Азии и Китая, а затем проходит через Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и далее в европейские страны, всё чаще рассматривается как потенциальная альтернатива торговым маршрутам, опирающимся на Россию².

¹Там же.

²«Пояс и путь» и транспортная связность в Евразии.
URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-i-put-i-transportnaya-svyaznost-v-evrazii/> (дата обращения: 25.01.2025).

Эксперт относит к основному результату III Форума международного сотрудничества в Китае развитие Среднего коридора. Он призван укрепить Евразийский сухопутный мост, самый быстрый путь из Китая в Европу, протянувшийся из провинции Синьцзян в Западном Китае через Казахстан в Азербайджан, Грузию и в Турцию в Европейский Союз¹.

ТЮРКСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ФОКУСЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ: ИНТЕРЕСЫ КЛЮЧЕВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

Вместе с тем резко возросшая активность ОТГ и широкий охват комплексного сотрудничества тюркских государств при доминирующей роли Турции вызывает настороженность у таких крупных мировых и региональных держав, как Россия, Китай и Иран.

Некоторые исследователи отмечают, что постсоветское пространство превратилось в объект секьюритизации для ключевых мировых и региональных сил. Усиливается региональная конкуренция за доступ к ресурсам, контроль над маршрутами транспортировки углеводородов, политическое, экономическое, военное влияние [Гребениченко, Токтамысов, 2013].

Россия обеспокоена растом взаимодействия тюркских республик Центральной Азии с Турцией, особенно в военно-технической сфере. В рамках диверсификации своего оборонного военно-технического потенциала центральноазиатские страны видят альтернативу продукции российского военно-промышленного комплекса со стороны передовых образцов турецкого (натовского) вооружения и военной техники, которые были успешно применены во второй карабахской войне азербайджанской армией. Это порождает некую новую реальность, которая может привести к изменению баланса сил в регионе (кроме Узбекистана все другие страны региона активно приобретают турецкие БПЛА «Bayraktar TB2»). Однако явных предпосылок для усиления военного влияния Анкары в центральноазиатском регионе на данном этапе не наблюдается, за исключением единичных случаев поставок некоторых видов вооружений и военной техники турецкого производства. Другое дело, что вероятность перехода отношений между Турцией и странами Центральной Азии на сопоставимый с турецко-азербайджанским уровень сотрудничества, также может стать фактором напряженности

и каким-то образом дестабилизировать сложившийся порядок межгосударственных отношений в регионе. В целом, усиление военного компонента интеграции ОТГ в текущих геополитических условиях пока сопряжено с большими рисками для самих государств-членов Организации, поскольку создает дополнительные конфронтационные линии в отношениях с мировыми державами.

Россия – стратегический партнер Турции – адекватно оценивает роль турецко-азербайджанского сотрудничества и выступает за установление гласных, открытых отношений с тюркским миром. Сохранение позитивного статус-кво в евразийско-тюркском взаимодействии может стать одновременно одной из важнейших миссий, а также внешнеполитических задач России, имеющей растущее тюркское население в ряде своих регионов.

Иран беспокоит возможное «объединение» тюркского мира в случае открытия «Зангезурского коридора», обеспечивающего сухопутное сообщение между Турцией, Нахичеванской автономией и Азербайджаном. В целях недопущения усиления интеграции тюркских государств Тегеран выступает против планов Баку и Анкары по прокладке железнодорожной и автомобильной линий через армянскую территорию. Открытие этого коридора приведет к снижению потребности в нынешнем сухопутном маршруте между Турцией и Азербайджаном через территорию Ирана. Кроме того, значительная часть автомобильного грузопотока из Турции в страны Центральной Азии и обратно через Иран будет перенаправлена на «Зангезурский коридор», что повлияет на транзитные доходы иранской стороны.

Другая причина беспокойства связана с фактором большой азербайджанской общины на севере Ирана, которых Турция и Азербайджан могут использовать в своих интересах для оказания давления на иранское руководство. Указанные обстоятельства обуславливают неприятие Тегераном активного развития сотрудничества тюркских государств в рамках ОТГ.

Китай также ревниво отслеживает растущее сближение тюркских государств в политической, торгово-экономической, военно-технической и культурно-гуманитарной сферах, главным образом, через призму сохранения своего доминирующего экономического влияния в Центральной Азии и беспрепятственной реализации проекта «Пояса и пути». Путем реализации взаимовыгодных проектов с центрально-азиатскими странами и завязывания тесных торгово-экономических отношений Китай рассчитывает ослабить чрезмерную интеграцию Турции с тюркскими республиками Центральной Азии и воспрепятствовать объединению востока и запада Каспия в единое тюркское пространство.

¹«Пояс и путь» и транспортная связность в Евразии.
URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-i-put-i-transportnaya-svyaznost-v-evrazii/> (дата обращения: 25.01.2025).

Хотя КНР не рассматривает ОТГ в качестве краткосрочного политического риска, Пекин, возможно, опасается, что Организация может стать серьезным вызовом и угрозой в будущем. Уйгурский фактор в автономном районе Синьцзян КНР, где проживает значительное количество мусульманских и тюркских этносов (около 14 млн), является серьезным раздражителем для китайских властей и занимает важное значение в повестке их отношений с центрально-азиатскими соседями.

Кроме того, дата создания Организации тюркских государств вызвала дискомфорт у китайской стороны, которая полагает, что ОТГ была преобразована 12 ноября неслучайно, поскольку эта дата является днем образования в 1933 году Тюркской Исламской Республики Восточный Туркестан и в 1944 году – Восточно-Туркестанской Республики.

Повод для появления таких опасений дают и представители **Турции**. Так, известный своей близостью к президенту Р. Т. Эрдогану член Совета по безопасности и внешней политике при президенте Турции, генеральный координатор фонда политических, экономических и социальных исследований SETA Б. Дюран подчеркивает, что, учитывая близость Китая к Центральной Азии и его растущий экономический интерес, Турция может играть уравновешивающую роль в регионе, а сильный тюркский союз мог бы предотвратить экспансию России и Китая в Центральной Азии.

По мнению некоторых исследователей, особое положение Турции, как крупнейшего по численности населения тюркоязычного государства, превосходящего все остальные вместе взятые, культурно-историческое наследие, формирующее общую тюркскую идентичность, а также экономическое положение страны, подкрепляют ее неформальный статус лидера [Дроговоз, 2024].

На этом фоне китайская сторона опасается, что распространение деятельности ОТГ, основанной на тюркской идентичности, историческом и культурном единстве, приведет к усилению сепаратистских тенденций среди национальных меньшинств тюркской группы Китая. Китайцы настороженно воспринимают процесс создания единого алфавита, разработки общих учебных программ для обучения в школах государств – членов ОТГ, молодежную деятельность и мероприятия, проводимые среди тюркской диаспоры.

Китайские эксперты, в этой связи, испытывают некоторые излишние фобии по поводу тюркской экспансии и склонны сгущать краски по этому поводу. Так, доцент Ланьчжоуского университета Чжан Юйянь утверждает, что «...Тюркская интеграция, которая является целью ОТГ, по сути, противоречит

цели сохранения независимости и укрепления самобытности национального государства каждой страны и будет затруднена явными или скрытыми контрмерами России»¹ [Чжан Юйянь, 2023]. Так ли это на самом деле и вредна ли тюркская интеграция для самих государств тюркского мира, вопрос весьма спорный. Тюркский фактор следует в тесной увязке с целым комплексом других факторов, оказывающих влияние на систему международных отношений. Среди них: национальные интересы во всей совокупности, влияние других держав, позиция политических элит, другие факторы. Некоторые исследователи отмечают, что использование тюркского фактора в качестве элемента, оказывающего влияние на развитие международных отношений в Центральной Азии, имеет определенные перспективы, однако практика обращения различных акторов к этому фактору будет отличаться и частотой, и мотивировкой [Надыров, 2022].

Если представить, какими беспрецедентно быстрыми темпами была создана ОТГ и большой объем проделанной работы государствами-членами, то становится очевидным высокая заинтересованность, солидарность и главное – готовность тюркских стран к консолидации своих интеграционных усилий. Следует отметить, что высокая динамика формирования ОТГ в последние годы синхронизировалась с запуском в 2018 году в Астане формата Консультативных встреч глав государств Центральной Азии. Этот факт также является показателем стремления стран тюркского сообщества к обретению своей крепкой международной субъектности.

Вряд ли можно согласиться с экспертным мнением о том, что различные геополитические концепты, сформулированные извне для стран Центральной Евразии, угрожают территориальной целостности и социальной стабильности стран региона. Опыт Азербайджана, решившего проблемы Нагорного Карабаха при дипломатической поддержке ОТГ и непосредственной военно-технической поддержке Турции, является успешным примером отстаивания своих интересов для тюркского сообщества. К тому же кооперационные инициативы, возникшие на основе тюркского братства в отличие от других, не являются чуждыми для стран Центральной Азии, поскольку они органически выступают частью исторической общности всех тюркских народов – языковой, культурной, духовно-религиозной; тюркское сотрудничество обладает естественными свойствами

¹Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние, Чжан Юйянь, PhD, доцент, Институт исследований Центральной Азии, Институт политологии и международных отношений, Ланьчжоуский университет, Китай, Perm University Herald. Political Science. Vol. 17. №1. 2023.

родственного начала и априори не может быть отторгнуто самим собой.

По мнению А. В. Енокяна, Турция, реализуя политику мягкой силы, успешно продвигает свои внешнеполитические идеалы. Данная политика является комплексной, проводится на частном и государственном уровнях в сферах культуры, религии, экономики, образования. Такие действия с акцентированием на исторической, этнической и культурной общности направлены на формирование положительного имиджа турецкого государства [Енокян, 2023].

Таким образом, ОТГ, являясь универсальным объединением, обладает важнейшим атрибутом для более тесной интеграции – системой единых ценностей на основе множества общих скреп. С другой стороны, государства-члены, входящие в региональные структуры, также имеют прочные скрепы общего исторического прошлого, совместный опыт социально-экономического развития, который является фундаментом для будущего совместного регионального партнерства, в частности, между ОТГ и ЕАЭС.

Академик А. А. Дынкин утверждает: «очевидно, что в обозримой перспективе уровень взаимосвязанности между ЕАЭС, ШОС и другими совместными инициативами будет увеличиваться, число государств-участников также будет расти благодаря формированию зон свободной торговли, трансконтинентальных транспортных коридоров и общего пространства безопасности» [Дынкин, Телегина, Халова, 2018, с. 7].

Для Турции как ключевой страны-доминанты ОТГ, взаимодействие со странами ЕАЭС является объективным процессом и важнейшим восточным евразийским элементом внешней политики. Трудности в отношениях Анкары с Европейским Союзом вряд ли решатся в обозримой перспективе и у турецкой стороны вряд ли появится шанс на скорое сближение с Брюсселем. Но при этом ЕАЭС и ШОС, как составные части Большого Евразийского партнерства, вполне подходят для Турции в построении каких-либо форматов сетевого партнерства. По сути, оно уже давно происходит в торговле, инвестициях, культурных и научно-образовательных мероприятиях, которые проводятся регулярно и масштабно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мере развития и укрепления тюркского содружества будут возрастать и возможности ОТГ к установлению нормативных и институциональных связей с региональными организациями, такими как ЕАЭС и ШОС. Для этого имеется одно из важнейших

условий – тесное партнерство двух ведущих игроков ЕАЭС и ОТГ – России и Турции. Конструктивные связи этих двух стран и их взаимная заинтересованность в друг друге, несмотря на сложную историю их отношений между собой, остаются гарантом того, что евразийский и тюркский векторы в Центральной Евразии будут развиваться синхронно и гармонично, а не соперничать.

Урегулирование карабахского конфликта позволяет в перспективе рассчитывать на постепенное вовлечение Азербайджана и Турции в различные форматы сотрудничества с ЕАЭС. Однако это вопрос не ближайшего будущего. Для этого Армении и Азербайджану потребуются еще восстановить формальные дипломатические отношения между собой, а также подписать договор о мире.

Созданная в период глобальной турбулентности ОТГ становится региональным центром силы, объединяющим потенциалы своих членов в экономической, финансовой, энергетической, транспортной, инвестиционной, военно-технической, культурно-гуманитарной и других сферах для взаимовыгодного использования в интересах всех тюркских государств. В настоящее время акцент на торгово-экономическое и энергетическое партнерство является ключевым элементом поступательного развития Организации. При этом страны ОТГ осознают опасность крена в сторону блоковости и потому всячески избегают любых шагов, способных вызвать конфронтацию с другими ключевыми державами Центральной Евразии – России и Китая.

С. Васильева отмечает: «кажется наиболее вероятным третий вариант развития ситуации: ЕАЭС и Тюркский совет будут и дальше осуществлять свою деятельность, но произойдет естественная переориентация сфер специализации организаций. Если ЕАЭС будет оставаться преимущественно экономической организацией с отсроченными перспективами политической интеграции, то Тюркский совет полностью сосредоточится на социокультурных проектах, которые будет распространять не только на государства – члены организации, но и на другие тюркские страны и регионы» [Васильева, 2018, с. 190].

На фоне противостояния России и Запада переформатирование цепочек поставок предоставляет тюркским государствам возможность укрепить свое значение как основных связующих звеньев между Западом и Востоком, Севером и Югом. В данном контексте скоординированная работа, проводимая государствами-членами и наблюдателями ОТГ, позволит интегрировать регионы Центральной Азии, Южного Кавказа и Среднего Востока в единое транзитное пространство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Гребениченко С. Ф., Токтамысов С. Ж. Интеграционный потенциал постсоветского пространства за четверть века: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 2. С. 52–63.
2. Дроговоз А. И. Межтюркский диалог как феномен международных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 26–35.
3. Чжан Юйянь. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 1. С. 78–87.
4. Надыров Р. Н. Тюркский фактор в международных отношениях в Центральной Азии (1992–2019): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2022.
5. Енокян А. Е. Фактор «мягкой силы» во внешней политике Турецкой Республики на Южном Кавказе (2002–2022): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: РУДН, 2023.
6. Дынкин А. А., Телегина Е. А., Халова Г. О. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 5–24.
7. Васильева С. А. ЕАЭС и Тюркский совет: перспективы взаимодействия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13. № 3 (179). С. 184–192.

REFERENCES

1. Grebenichenko, S. F., Toktamysov, S. Z. (2013). Integracionnyj potencial postsovetского prostranstva za chetvert' veka: problemy i perspektivy = Integration potential of Post-Soviet area for a quarter of a century: problems and prospects. RUDN Journal of Russian History, 2, 52–63.
2. Drogovoz, A. I. (2024). Mezhtjurkskij dialog kak fenomen mezhdunarodnyh otnoshenij = Inter-Turkic dialogue as a phenomenon of international relations. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura, 2(79), 26–35. (In Russ.)
3. Zhang, Yuang (2023). Organization of Turkic States (OTG): origin, motives, features and influence. Bulletin of Perm University. Political Science, 17(1), 78–87. (In Russ.)
4. Nadyrov, R. N. (2022). Tjurskij faktor v mezhdunarodnyh otnoshenijah v Central'noj Azii (1992–2019) = The Turkic factor in international relations in Central Asia (1992–2019). Abstract for the PhD of historical sciences. Kazan: Kazan Federal University. (In Russ.)
5. Enokyan, A. E. (2023). Faktor «mjagkoj sily» vo vneshnej politike tureckoj respubliki na juzhnom Kavkaze (2002–2022) = The “Soft Power” factor in the foreign policy of the Turkish Republic in the South Caucasus (2002–2022). Abstract for the PhD of historical sciences. Moscow: RUDN University (In Russ.)
6. Dynkin, A. A., Telegina, E. A., Khalova, G. O. (2018). The Role of the Eurasian Economic Union in the Formation of Greater Eurasia, World Economy and International Relations, 62 (4), 5–24. (In Russ.)
7. Vasilyeva, S. A. (2018). The EAEU and the Turkic Council: Prospects for Interaction. Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 3, Social Sciences, 13, 3(179), 184–192. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шамишев Ерлан Дауренович

Советник-посланник Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации

ABOUT THE AUTHOR

Shamishv Yerlan Daurenovich

Minister-Counselor, Embassy of the Republic of Kazakhstan in the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.12.2024
27.01.2025
14.03.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 94(970)



«Великая стройка коммунизма» в Крыму: строительство Северо-Крымского канала и задачи его освоения

В. Н. Горлов

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru*

Аннотация. Северо-Крымский канал, как ряд и других наиболее крупных для народного хозяйства СССР строительных сооружений Советского Союза, был отнесен к «Великим стройкам коммунизма», стал крупнейшей стройкой послевоенных крымских пятилеток. Одну из причин решения передать Крым Украинской ССР ряд историков связывают с Северо-Крымским каналом. В статье рассматривается построение Северо-Крымского канала для орошения земель северных районов Крыма. Анализируются водные ресурсы Крыма: состояние запасов, водоснабжение и водоотведение, технологии очистки и т. п. Одна из главных проблем Северо-Крымского канала – полное и комплексное использование водных ресурсов. Одним из важнейших направлений в развитии экономики Крыма стало сельское хозяйство, а главной его задачей – наиболее полное удовлетворение потребностей гостей Крыма в сельскохозяйственной продукции. В степном Крыму с приходом днепровской воды ежегодно расширялись площади под орошаемыми культурами. Главная задача состояла в увеличении урожайности сельскохозяйственных культур. Строительство канала решило немало гидротехнических проблем.

Ключевые слова: Северо-Крымский канал, мелиорация, орошаемое земледелие, сельское хозяйство, канал, водоснабжение, орошаемые культуры, водные ресурсы, плодородие почвы

Для цитирования: Горлов В. Н. «Великая стройка коммунизма» в Крыму: строительство Северо-Крымского канала и задачи его освоения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 62–68.

Original article

The “Great Construction of Communism” in Crimea: the Construction of the North Crimean Canal and the Tasks of Its Development

Vladimir N. Gorlov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru*

Abstract. The North Crimean Canal, like several other major construction projects for the national economy of the USSR, was classified as the “Great Construction Projects of Communism” and became the largest construction project of the post-war Crimean five-year plans. A few historians associate the North Crimean Canal with one of the reasons for the decision to transfer Crimea to the Ukrainian SSR. The article examines the construction of the North Crimean Canal for irrigation of the northern regions of Crimea. The water resources of Crimea are analyzed: the state of reserves, water supply and sanitation, purification technologies, etc. One of the main problems of the North Crimean Canal is the full and comprehensive use of water resources. Agriculture has become one of the most

important areas in the development of the Crimean economy, and its main task is to most fully satisfy the needs of Crimean guests in agricultural products. In the steppe Crimea, with the arrival of Dnieper water, the areas under irrigated crops expanded annually. The main task was to increase the yield of agricultural crops. The construction of the canal solved many hydraulic engineering problems.

Keywords: North Crimean Canal, melioration, irrigated agriculture, agriculture, canal, water supply, irrigated crops, water resources, soil fertility

For citation: Gorlov, V. N. (2025). The "Great Construction of Communism" in Crimea; the Construction of the North Crimean Canal and the Tasks of its Development. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 62–68. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Крымский полуостров относится к уникальным рекреационным районам. Крым превратился в кузницу здоровья миллионов трудящихся в нашей стране, всесоюзную здравницу. Крым в советское время стал областью высокоразвитого сельского хозяйства, центром рыболовства.

В экономике Крыма было множество нерешенных проблем. Среди них не только недостаточная обеспеченность региона топливными ресурсами и напряженность топливно-энергетического баланса, но и недостаток водных и трудовых ресурсов, диспропорция между сырьевой базой и производственными мощностями индустриально-аграрного цикла, противоречия в развитии химической промышленности, рекреационном освоении территории.

Большую роль в Крыму для сельскохозяйственного производства играют благоприятные климатические условия. В растениеводстве значительную роль играют зерновые культуры (озимая пшеница, кукуруза на зерно, рис), садоводство, виноградарство, овощеводство, бахчеводство.

Однако в сельском хозяйстве было немало проблем. Главная, конечно, его интенсификация. Она зависела от многих причин, например, от внедрения повторных посевов на поливных землях. Продолжительный теплый и безморозный период позволял в Крыму на одной площади получить два урожая: один – культуры с продолжительным вегетационным периодом и другой – с коротким. Повторные посевы укрепляли и кормовую базу животноводства. Продуктивность земель повышали: борьба с эрозией, орошение и гипсование засоленных земель Присивашья, увеличение посевов под озимой пшеницей за счет экономически менее выгодного ячменя, размещение подсолнечника, сахарной свеклы, табака в более благоприятных зонах. Сельскохозяйственные угодья расширялись за счет рекультивации земель, нарушенных добычей полезных ископаемых,

ликвидации подтопления в зонах оросительных систем, мелиорации и гипсования земель.

Главным направлением было улучшение состава угодий. Продуктивность земельного фонда должна была повышаться за счет ирригационного строительства (во многих хозяйствах орошаемые земли составляли менее половины пахотных земель). Необходимо было реконструировать гидромелиоративные сооружения для ликвидации подтопления, заболачивания и частичного засоления почв.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТРОИТЕЛЬСТВА КАНАЛА

Степные курганы Крыма стали памятниками старины. Они представляют большую ценность для археологической науки. В 1974 году на трассе Северо-Крымского канала (археологи шли обычно впереди строителей) археологическая экспедиция обнаружила уникальное погребение с золотыми сокровищами сарматского времени. В насыпи восьмиметрового Нагайчинского кургана был вскрыт небольшой деревянный саркофаг, в котором была захоронена знатная женщина. В погребении оказалось несколько десятков разнообразных высокохудожественных золотых изделий весом около двух килограммов. Среди них – гривна весом около килограмма, наручные браслеты, брошь, перстни, фибулы с поделочными камнями, костяные и бронзовые изделия [Кузнецов, 1976].

Своеобразным памятником старины является Перекопский ров. Никто не знает, как и когда он возник. Одна из легенд рассказывает о скифах, которые вырыли его, чтобы защитить себя от воинственных пришельцев, врывавшихся на полуостров из Северного Причерноморья. Другая, более древняя и романтическая, рассказывает о таврах, которые, уходя на войну, вырывали позади себя ров, чтобы никто из воинов под ударами врагов не помышлял об отступлении на родную землю [там же].

О Перекопском вале в V веке до н. э. упоминает древнегреческий историк Геродот (он же отмечал здесь корабельную пристань), на стыке двух эпох – географ и историк Страбон, римский писатель-энциклопедист Плиний-старший, Стефан Византийский. Крепость на перешейке то разрушалась завоевателями, то восстанавливалась, но всегда, при всех обстоятельствах Перекопский перешеек оставался воротами в Крым [Кузнецов, 1976].

Перекопская земля расчерчена прямыми линиями. Здесь всё строго прямоугольно, квадратно, линейно, степные дороги будто выверены по азимуту. Квадраты рисовых чеков, прямоугольники зерновых, кукурузы, ленты многочисленных степных дорог были приметами перекопской земли. Самые прямые линии были у Северо-Крымского канала, который стал крупнейшей стройкой крымских пятилеток. Северо-Крымский канал называли трассой плодородия, артерией жизни.

Плодородная земля под щедрым крымским солнцем столетиями ждала воду. Это был один из наименее обеспеченных водными ресурсами регионов Советского Союза. О воде в степном Крыму мечтали многие поколения наших граждан. В книге В. А. Ветлиной «Крымские путешествия» в главе о Перекопе написано: «Самое больное и трудное – безводье... Для скота питьевую воду возят автоцистерной за пятнадцать километров... От безводья страдают люди. Воды с трудом хватает на самые необходимые бытовые нужды... Днепровская вода! О ней мечтают здесь все!» [Ветлина, 1955, с. 22].

Специалисты предлагали различные идеи, чтобы оживить засушливый регион. Например, изъять часть стока днепровских вод с помощью магистрального канала, или перебросить воды реки Кубани через Керченский пролив [Никольский, 1932].

Как же строилась эта крупнейшая в Европе ирригационная система, как начинался канал? Что касается исторического аспекта строительства канала, то следует отметить, вопрос этот был актуальным еще в XIX веке, когда основатель Никитского ботанического сада Х. Х. Стивен в 1833 года высказал идею использования днепровской воды для орошения крымских земель [Говберг, 1950]. После смерти Х. Х. Стивена исследовательские работы на полуострове проводила экспедиция профессора Козловского. Идея Х. Х. Стивена и исследования Козловского не были поддержаны императором Александром II по причине больших финансовых затрат, которых бы потребовала реализация этих планов [Беляева, 1958].

В годы советской власти этому вопросу всегда уделяли пристальное внимание. Достаточно вспомнить, что в плане ГОЭЛРО был специальный раздел по организации мелиоративных работ

в засушливых землях страны, в том числе, обсуждался вопрос решения водной проблемы Крыма путем орошения засушливых земель [Донец, 1982]. Общие политические и экономические условия не позволили в довоенные годы решить водную проблему северных районов Крыма.

Решающим в вопросе засушливых земель становится постановление Совета министров СССР «О строительстве Каховской ГЭС на реке Днепр Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма» от 21 сентября 1950 года¹ [Бабков, 1951].

Одной из причин решения передать Крым Украинской ССР ряд историков связывают с Северо-Крымским каналом (можно только догадываться, что большая стройка в этом сыграла важную роль). Вполне возможно, что в границах одной страны решение вполне логичное, с учетом и канала, и сухопутного коридора. Восстановление поручили республике, с которой Крым был связан прежде всего единой экономикой. Именно для лучшего контроля расходов, как считает ряд историков, Крым был передан Украине. Перекраивание административных границ не было уникальным событием той эпохи.

В 1956 году был утвержден проект строительства первой очереди Северо-Крымского канала, который решался на государственном уровне и ставился в рамки Всесоюзного масштаба. Северо-Крымский канал, как ряд и других наиболее крупных для народного хозяйства СССР строительных сооружений, был отнесен к «Великим стройкам коммунизма».

10 июня 1961 года из русла будущего Северо-Крымского канала был вынут первый ковш перекопской земли. За два с лишним года рабочие проложили 207 километров трассы. Для сравнения можно указать, что Панамский канал при длине между берегами океанов 62,5 километра строился с 1903 по 1914 год [Мячин, 1977]. 17 октября 1963 года у Перекопского вала, на 125-м километре канала, с хлебом-солью люди встречали первую воду. Из столицы прибыла делегация во главе с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущёвым. В июне 1975 года строительство магистрального русла было закончено: днепровскую воду получила Керчь.

Три знаменательных даты, три больших события коренным образом изменили экономику степного Крыма. В зоне Северо-Крымского канала было создано семь оросительных систем

¹Постановление Совета министров СССР «О строительстве Каховской ГЭС на реке Днепр Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма» // Правда. 1950. 21 сент.

(Нижнегорская, Красноперекопская, Раздольненская, Джанкойская, Ленинская Советская, Красногвардейская) [Водное хозяйство, 2008].

ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРО-КРЫМСКОГО КАНАЛА

Строительство канала способствовало решению множества гидротехнических проблем. На пути канала встретилась речка Каланчак, которая пересыхала большую часть года, но протекала во впадине. Пришлось заковать русло канала в железобетон и перекинуть его через впадину на опорах.

Другая гидротехническая задача встала перед строителями у села Танкового. До этого села воды Днепра текли под уклон, а у села Воинки они собрались бы в низине, и тогда пришлось бы строить мощную насосную станцию, строительство и эксплуатация которой стоили бы несколько миллионов рублей. Решено было насыпать две параллельные дамбы длиной 11 км между ними и пустить воду. В течение нескольких месяцев круглосуточной работы эта сложная задача была выполнена [Зотиев, Мохнощек, 1964]. Орошаемые земли в Крыму составляли более одной пятой всех сельскохозяйственных угодий области и давали более половины валовой продукции сельского хозяйства. Затраты же на строительство оросительных систем и подготовку земель к эксплуатации (более 500 млн руб.) окупились более чем на 65 %. Канал позволил оросить 180 тыс. га земель [Шавин, 1989].

После постройки канала возникли и новые проблемы. Одним из важнейших направлений в развитии экономики Крыма стало сельское хозяйство, а главной его задачей – наиболее полное удовлетворение потребностей гостей Крыма в сельскохозяйственной продукции. Для этого необходимо было регулировать влажность почвы.

Северо-Крымский канал вызвал немало проблем. Одна из главных – полное и комплексное использование водных ресурсов. Фильтрация вод Северо-Крымского канала (иногда довольно значительная) вызывала подъем грунтовых вод в зоне канала и увеличивала площадь непригодных для возделывания земель. Низкие абсолютные отметки местности, трехъярусное строение толщи суглинков, высокая минерализация высокостоящих грунтовых вод приводили к подтоплению значительных площадей, засолению почв, заболачиванию. Воды Днепра проникали в рыхлые отложения в местах пересечения каналом погребенных речных долин [Водное хозяйство Крыма ... 2003].

И тем не менее в степном Крыму с приходом днепровской воды ежегодно расширялись площади под орошаемыми культурами. На поливных

землях выращивали озимую пшеницу, люцерну, кукурузу, свеклу, на пониженных участках с малопродуктивными и засоленными почвами сеяли рис. Конечно, на рисовых чеках приходилось создавать сложную дренажно-коллекторную сеть, а на пониженных участках откачивать сбросные и дренажные воды, и это удорожало использование земель. Зато на повышенных отметках Присивашской низменности (7–12 метров над уровнем моря) грунтовые воды поднимались незначительно и в верхних горизонтах соли не накапливались. Практически не изменялся солевой режим почв и под культурами зернокармливых севооборотов [там же, 2003].

Другая, не менее сложная, задача – эксплуатация подземных вод. Чрезмерное их использование привело к тому, что подземные пресные воды уходили и замещались нижележащими солеными, отчего интенсивно повышалась минерализация воды (минерализация в скважинах Раздольненского межколхозного водозабора повысилась в несколько раз).

Такие тревожные данные требовали поиска выхода из создавшегося положения. Одни гидрогеологи предлагали по линии Красноперекопск – Джанкой (протяженностью до 50 км) ежедневно нагнетать в подземные горизонты до 1,5 млн куб³ воды из Северо-Крымского канала. Это количество нагнетаемой воды с лихвой должно было превысить водоотбор, и тогда постепенно восстанавливалась бы благоприятная гидрогеологическая и гидрохимическая обстановка.

Другие ученые считали нерациональным прямое использование вод Днепра для искусственного пополнения подземных водоносных горизонтов и предлагали для этих целей использовать сбросные оросительные воды, подвергнув их предварительной очистке, и атмосферные воды, которые можно было бы удерживать с помощью несложных гидротехнических сооружений [Донец, 1982]. Необходимо учесть, что канал принес необходимую для степного Крыма воду, но использование ее было непростой задачей. Большая вода требовала большой заботы.

ЗНАЧИМОСТЬ СЕВЕРО-КРЫМСКОГО КАНАЛА ДЛЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

В мире гидротехнических сооружений, равных по мощи Северо-Крымскому каналу, было не так уж много. Протяженность главного русла канала составляла 402 км, ширина – до 50 метров, глубина – до 6 метров, а во многих местах и гораздо больше. Трубопроводы большого диаметра со временем были проложены к областному центру

(точнее, к Симферопольскому водохранилищу), в Севастополь и Ялту, что значительно облегчило водообеспечение этих городов. Летом в канал через головную часть входило около 300 куб³ воды в секунду. На крымскую землю поступало 164 куб³ в секунду [Донец, 1982].

Такую массу воды надо еще уметь довести до садов, полей, поселков, городов, заводов. У магистрального канала было много ответвлений, равных по величине рекам. Таковы были, например, Раздольненский и Азовский рисовые каналы (каждый из которых длиной в сорок с лишним километров). Ежегодно по Северо-Крымскому каналу подавалось 1,5 млрд куб³ метров воды, т. е. в полтора раза больше поверхностного и подземного стока Крыма, вместе взятых [там же].

Водное хозяйство нуждалось в постоянном уходе, поэтому появились новые для степного Крыма профессии: машинисты насосной станции, гидротехники, лаборанты, в зоне канала работали 6 тыс. поливальщиков и около 2 тыс. машинистов дождевальных установок [Сеитова, 2013].

Прежде в Крыму понятия не имели о такой культуре, как рис. А за годы девятой пятилетки в среднем собирали по 60 ц с гектара.

Для сравнения: в Красноперекопском районе средняя урожайность в 1963 году составляла 11 ц зерновых с гектара, в 1975 году – более 50 ц зерновых с гектара. Убыточным был прежде совхоз «Пятиозерный», долг государству рос из года в год. С выращиванием риса урожай 50–60 ц с гектара для совхоза стал обычным. Около 60 тыс. т риса ежегодно получали совхозы «Герои Сиваша», «Пятиозерный», «Штурм Перекопа», «50 лет Октября», «Днепровский». С приходом днепровской воды стали получать рекордные урожаи на тысячах гектаров присивашских земель [Донец, 1982].

Но не только зерновыми и кукурузой стала богата Перекопская земля. Раньше и не пытались здесь разводить сады: не рожали солончаки. Орошаемые земли позволили собирать богатые урожаи яблок, груш, вишни, черешни, слив, персиков. Во многих хозяйствах стало развиваться животноводство. В совхозах и колхозах стало много хорошей и разной техники. На вооружении рядовой полеводческой бригады самого обычного хозяйства были тракторы, комбайны, зерноочистительные механизмы, разнообразные прицепные орудия, автомашины. Машинно-тракторные парки совхозов Крыма увеличились в несколько раз.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1970-е годы началось озеленение Северо-Крымского канала. В Присивашье ландшафт стал окультуренный. Благодаря строительству Северо-Крымского канала еще богаче стала уникальная крымская природа.

В зоне Северо-Крымского канала поднялись среди некогда засушливых степей молодые леса, появились парки. Где когда-то господствовали сухие ковыльно-полынные степи – поля с пшеницей, подсолнечником, виноградниками и фруктовыми садами, появились лесополосы. Степные ленточные леса широко использовались для обитания многих зверей и птиц. В Присивашье зверей и птиц разводили и охраняли приписные охотничьи хозяйства.

Северо-Крымский канал позволил заняться еще одним новым для степного Крыма видом хозяйствования – рыболовством. Зеркальный карп, белый амур и толстолобик чувствовали себя в искусственных водоемах превосходно. Сотни центнеров с каждых ста гектаров водного зеркала.

Некоторые соляные озера стали красивыми местами отдыха. Рядом с Красноперекопском в озеро Красное (длина 17 км, глубина – до пяти метров) ежегодно из Северо-Крымского канала сбрасывалось после окончания орошаемого сезона вода. Постепенно озеро опреснилось, и теперь в нем появилась рыба, и красноперекопцы организовали кефальное хозяйство. Разумное, рациональное использование богатств Перекопа стало главной заботой тех, кому доверили пользоваться ими.

Северо-Крымский канал стал крупнейшей стройкой послевоенных крымских пятилеток. Канал буквально преобразил Северный Крым. Целая группа научно-исследовательских институтов занималась разведкой сырья, проектировались новые предприятия. От Каховской ГЭС протянулись опоры электропередач, пролегли трубы газопроводов. Выращивание на орошаемых землях ряда сельскохозяйственных культур стало менее дорогостоящим, что способствовало экономическому эффекту и сокращению закупок. Эти меры создали благоприятные условия для дальнейшей жизнедеятельности канала. Северо-Крымский канал стал масштабным мелиорационным проектом, что позволило привлечь в аграрный сектор Крыма квалифицированные кадры из разных регионов советской страны. Решение проблемы водоснабжения степного Крыма способствовало экономическому развитию аграрного хозяйства Крымского полуострова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов А. Ф. Дорогами Крыма. М.: Мысль, 1976.
2. Ветлина В. А. Крымские путешествия. М.: Молодая гвардия, 1955.
3. Никольский В. Д. Проблема орошения Северного Крыма водами Днепра. Симферополь: Крым. гос. изд-во, 1932.
4. Говберг С. Драгоценная вода // По страницам старых крымских изданий и архивных документов. 1950. № 6. С. 116–128.
5. Беляева Л. З. Вода идет в степь. Симферополь: Крымиздат, 1958.
6. Донец М. Р. Мы строим Северо-Крымский. Симферополь: Таврия, 1982.
7. Бабков И. И. Южно-Украинский и Северо-Крымский канал, и их влияние на преобразование природы. Л.: [б. и.], 1951.
8. Мячин И. По Москве-реке. М.: Московский рабочий, 1977.
9. Водное хозяйство Крыма. Симферополь: Доля, 2008.
10. Зотиев А. Н., Мохнощекоев И. Г. Канал изобилия. Симферополь: Крымиздат, 1964.
11. Шавин А. Ф. Орошаемое земледелие Крыма. Симферополь: Таврия, 1989.
12. Водное хозяйство Крыма: история, развитие, современное состояние. Симферополь: Доля, 2003.
13. Сеитова Э. И. Трудовая миграция в Крым (1944–1976) // Пространство и время. 2013. Вып. № 2 (12). С. 99–106.

REFERENCES

1. Kuznecov, A. F. (1976). Dorogami Kryma = Roads of the Crimea. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
2. Vetlina, V. A. (1955). Krymskie puteshestviya = Crimean travels. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.)
3. Nikol'skij, V. D. (1932). Problema orosheniya Severnogo Kryma vodami Dnepra = The problem of irrigation of the Northern Crimea with the waters of the Dnieper. Simferopol: Crimea. State Publishing House. (In Russ.)
4. Govberg, S. (1950). Dragocennaya voda. Po stranicam staryh krymskih izdaniy i arhivnyh dokumentov = Precious water. According to the pages of old Crimean publications and archival documents. Krymizdat, 6, 116–128. (In Russ.)
5. Belyaeva, L. Z. (1958). Voda idet v step' = The water goes to the steppe. Simferopol: Krymizdat. (In Russ.)
6. Donetsk, M. R. (1982). My stroim Severo-Krymskij = We are building the North Crimean One. Simferopol: Tavria. (In Russ.)
7. Babkov, I. I. (1951). YUzhno-Ukrainskij i Severo-Krymskij kanal i ih vliyanie na preobrazovanie prirody = The South Ukrainian and North Crimean Canal and their impact on the transformation of nature. Leningrad. (In Russ.)
8. Myachin, I. (1977). Po Moskve-reke = Along the Moscow River. Moscow: Moskovskiy Rabochiy. (In Russ.)
9. Vodnoe hozyajstvo Kryma. (2008) = The water industry of the Crimea. Simferopol: Dolya. (In Russ.)
10. Zotiev, A. N., Mohnoshchekov, I. G. (1964). Kanal izobilija = The channel of abundance. Simferopol: Krymizdat. (In Russ.)
11. Shavin, A. F. (1989). Oroshaemoe zemledelie Kryma = Irrigated agriculture of the Crimea. Simferopol: Tavria. (In Russ.)
12. Vodnoe hozyajstvo Kryma: istoriya, razvitie, sovremennoe sostoyanie. (2003) = The Crimean water industry: history, development, current state. Simferopol: Dolya. (In Russ.)
13. Seitova, E. I. (2013). Trudovaya migraciya v Krym (1944–1976) = Labor migration to Crimea (1944–1976). Space and time, 2, 99–106. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science
Institute of Humanitarian and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	17.11.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.12.2024	
принята к публикации	14.03.2025	



Из опыта применения внутренних войск МГБ СССР по борьбе с украинскими националистами на Западной Украине в 1949 году

Г. Е. Забродченко¹, А. А. Климов²

¹Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия

²Научно-исследовательский институт (военной истории)

Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия,

¹gen22069@yandex.ru

²andrey_klimov1968@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается исторический опыт применения внутренних войск МГБ СССР по борьбе с украинскими националистическими бандформированиями в 1949 году. Основная цель исследования заключается в объективном освещении роли и места личного состава внутренних войск МГБ СССР в период борьбы с бандеровцами на Западной Украине, противодействию попыткам фальсификации истории участия войск правопорядка в охране общественного порядка, защите мирных жителей от произвола украинских националистов и добросовестного выполнения служебных обязанностей. В статье использованы методы исторического исследования: актуализации и периодизации, экстраполяции, историко-сравнительный, историко-критический, проблемно-хронологический. На основе архивных документов и документальных источников показаны особенности служебной деятельности личного состава внутренних войск МГБ СССР, оперативная обстановка на территории Западной Украины и результаты применения войсковых нарядов по борьбе с бандгруппами украинских националистов в целях обеспечения правопорядка в регионе.

Ключевые слова: внутренние войска, украинские националисты, борьба, Западная Украина

Для цитирования: Забродченко Г. Е., Климов А. А. Из опыта применения внутренних войск МГБ СССР по борьбе с украинскими националистами на Западной Украине в 1949 году // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (897). С. 69–76.

Original article

From the experience of the use of the internal troops of the MGB of the USSR in the fight against Ukrainian nationalists in Western Ukraine in 1949

G. E. Zabrodchenko¹, A. A. Klimov²

¹Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia

²Scientific Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia
Moscow, Russia

¹gen22069@yandex.ru

²andrey_klimov1968@mail.ru

Abstract. The article reveals the historical experience of the use of the internal troops of the USSR Ministry of State Security in the fight against Ukrainian nationalist gangs in 1949. The main purpose of the article is to objectively highlight the role and place of the personnel of the internal troops of the USSR Ministry of State Security during the struggle against Bandera in Western Ukraine, to counter attempts to falsify the history of the participation of law enforcement forces in the protection of public order, to protect civilians from the arbitrariness of Ukrainian nationalists and the conscientious

performance of official duties. The article uses methods of historical research: actualization and periodization, extrapolation, historical-comparative, historical-critical, problematic-chronological, which allowed to fully reveal the main content of the article. Based on archival documents and documentary sources, the features of the official activities of the personnel of the internal troops of the USSR Ministry of State Security, the operational situation in Western Ukraine and the results of the use of troops are shown.

Keywords: internal troops, Ukrainian nationalists, fighting, Western Ukraine

For citation: Zabrodchenko, G. E., Klimov, A. A. (2025). From the experience of using the Internal Troops of the MGB of the USSR to combat Ukrainian Nationalists in Western Ukraine in 1949. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 69–76. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных направлений деятельности соединений и воинских частей внутренних войск Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР после окончания Великой Отечественной войны стала борьба с украинским националистическим подпольем и его вооруженными формированиями на территории Западной Украины. Вооруженное сопротивление мероприятиям, проводимым в этом регионе государственными органами, началось с момента их освобождения от немецко-фашистских войск в годы войны и продолжалось до середины 1950-х годов.

После окончания Великой Отечественной войны лидеры украинского националистического подполья в качестве первоочередных задач определяли:

- ведение активной вооруженной борьбы с советской властью;
- организацию и проведение террористических актов против представителей органов государственной власти, военнослужащих Красной армии и внутренних войск;
- проведение диверсий на железных дорогах, автогужевых магистралях и нападений на воинские подразделения и транспорты;
- проведение антисоветской пропаганды среди местного населения;
- призыв к неповиновению местного населения действиям органов советской власти [Шитько, Паламарчук, 2009].

Для стабилизации общественно-политической обстановки в западных областях Украинской ССР государственными и военными органами Советского Союза был разработан комплекс мероприятий, включающий в себя не только военные, но и экономические, политические и социальные меры, направленные на подавление вооруженного сопротивления.

Важное место в этом комплексе мероприятий играла деятельность правоохранительных органов МГБ СССР и личного состава войск, на

которые была возложена борьба с вооруженными формированиями националистического подполья, а именно бандгруппами Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА)¹.

ПРИМЕНЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МГБ СССР ПО БОРЬБЕ С УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ

В оперативной сводке «Об оперативно-служебной деятельности внутренних войск МГБ Украинского округа за октябрь 1949 года», подписанной начальником внутренних войск МГБ Украинского округа генерал-майором С. М. Фадеевым, указывалось, что «...в истекшем месяце партийные и советские органы западных областей Украинской ССР продолжали проводить дальнейшую работу по организационно-хозяйственному укреплению существующих колхозов, созданию новых и вовлечению в них крестьян-единоличников. Трудящиеся массы западных областей Украинской ССР с воодушевлением, новым трудовым и политическим подъемом, встретили день 30 октября – праздник десятилетия воссоединения украинского народа в едином Украинском Социалистическом Государстве, прошедший повсеместно на высоком политическом уровне» (РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 2. Л. 2)².

В отчетном периоде оуновское подполье и его вооруженные бандгруппы продолжали направлять свою враждебную деятельность на срыв мероприятий советских и партийных органов по укреплению и расширению колхозного строительства в западных областях Украины и срыв проводимых мероприятий празднования десятилетия воссоединения западных областей в единую Украинскую Советскую Республику.

Враждебная деятельность оуновского подполья практически выражалась в совершении терактов, диверсий, направленных против колхозов,

¹Деятельность данных организаций запрещена на территории РФ.

²РГВА – Российский государственный военный архив.

советско-партийного актива и работников органов МВД – МГБ СССР. В документе отмечалось, что

...украинскими националистами было совершено 106 бандпроявлений, при этом: убито – 80, ранено – 15, уведено – 2 человека. Среди пострадавших от оуновских бандгрупп – 20 работников партийных и советских органов, работавших на селе по строительству колхозов, 10 – председателей сельских советов, 2 председателя колхоза, 7 активистов-колхозников и 16 человек работников органов МВД, главным образом, участковых уполномоченных. Наиболее дерзкими по своему характеру являлись следующие бандпроявления:

5 октября 1949 года в 05.30 бандитами неустановленной численности в с. Ундув Куликовского района Львовской области в подвале дома, где размещено правление колхоза, был заложен фугас и подорван. В момент взрыва в помещении правления колхоза никого не было, поэтому обошлось без жертв;

7 октября 1949 года в 00.15 двумя неизвестными бандитами в с. Урмань Бережанского района под угрозой оружия выведен из своего дома и расстрелян на улице заместитель председателя сельсовета Вербец;

24 октября 1949 года в 11.00 на квартиру писателя Я. А. Галан, проживавшего в г. Львов, зашли два террориста. Во время беседы с ним бандиты ударом топора по голове убили Я. А. Галана и скрылись [История внутренних войск, 2016, с. 54].

Органами МГБ один из террористов задержан, им оказался студент Львовского сельскохозяйственного института – активный участник националистического подполья. В отчетном месяце в западных областях Украинской ССР проходило добровольное переселение местных жителей в восточные области УССР.

Эти мероприятия значительная масса местных жителей одобряет и высказывается о них доброжелательно. Например, жительница с. Стривка, Збаражского района, Тернопольской области Яремчук пишет своему сыну, учащемуся ремесленного училища г. Львова: «Я уже тебе писала, что у нас происходит переселение на восток. Многие выехали из Вишневецка, с Волыни, едут с музыкой, с песнями и всем обеспечены. От нас еще не едут, но придет время, что все уедут и я первая, с радостью. Зачем нам оставаться здесь?» (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 5).

Особо выделялось, что «оуновское подполье направляет свои усилия на срыв этого важного мероприятия. Пытаясь установить свое влияние в восточных областях УССР, оуновское подполье

принуждает своих пособников, под видом добровольцев, записываться в состав переселенцев» (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 5).

Однако и здесь, надежды оуновского подполья не оправдываются, так как засылаемые ими «добровольцы-переселенцы» сами стараются избавиться от своих хозяев – националистического подполья и его вооруженных бандгрупп.

Подтверждением этому служит письмо гражданина Верчун, жителя с. Богданувка, Подволочиского района, своему знакомому Стужену, выселенному в Красноярский край, в котором он пишет: «...У нас будет переселение. Меня повстанцы вынуждают тоже, поэтому я записался. Как плохо покидать родное гнездо, но лучше покинуть, так как здесь все тебя знают, о твоём прошлом может рассказать каждый сосед, каждый “камень”, каждое “дерево”. Там же об этом никто знать не будет. Надоело жить между двух огней. Лучше порвать с теми, за кого страдали, уйти от этого и выбрать лучшее» (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 6).

В документе внутренних войск МГБ Украинского округа подчеркивалось, что «...в отчетном месяце существенных изменений в тактике преступных действий оуновского подполья и его вооруженных бандгрупп не зафиксировано. Бандиты продолжают действовать мелкими группами, по 2–3 человека, и, как правило, свою антисоветскую деятельность осуществляют в ночное время. В связи с наступлением холодов и успешным проведением коллективизации на Западной Украине, оуновское подполье в настоящее время особенно обеспокоено в вопросах подготовки к зиме и обеспечения себя продуктами питания и денежными средствами» (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 6).

Например, районный проводник УПА Сагайдачный (бандитская кличка), убитый 14 октября 1949 года нарядом 445-го стрелкового полка внутренних войск МГБ, в обнаруженном у него и неотправленном письме писал: «...Мы достаточно убедились в том, что с каждым новым годом мы становимся все беднее. Предвидится, что и дальнейшие годы будут для нас еще беднее, в связи с полной коллективизацией западных украинских земель. Сейчас не удивляйтесь, что трудно, а учитывайте, что еще будет труднее, поэтому запасайтесь всем необходимым в наибольшем количестве. Всё приобретенное складировать на будущее. Запасайтесь, ибо кто его знает, что будет дальше. Нужно использовать все возможности, чтобы в этом году обеспечить организации деньгами, как можно в большем количестве. Собирайте с населения, производите налеты на финагентов, которые производят сбор налогов, на кооперативы и т. д.» (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 7).

Выполняя указания своего руководителя, бандиты в отчетном периоде активизировали свои действия по ограблению сельских магазинов, колхозов и, кроме того, угрозами в отношении местных жителей пытаются с их помощью пополнить свою материальную базу.

Например, референт службы безопасности ОУН Сколевского районного проводника «Береза» приказал одному местному жителю откормить для его бандгруппы свинью, затем зарезать ее и подготовить к отправке. Районный проводник ОУН «Голынь» приказал одному местному жителю найти для него свинью не менее 100 кг. Бандглаварь «Синий» приказал группе крестьян с. Липовце Перемышлянского района приготовить для его бандгруппы необходимое количество новых сапог и телогреек (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 7).

Во всех случаях оуновское руководство предупреждало местных жителей, что за невыполнение их приказаний они будут наказаны смертью.

Помимо пополнения своей материальной базы предметами обихода, оуновское руководство и его вооруженные бандгруппы усилили слежку за участковыми уполномоченными и бойцами групп охраны общественного порядка, имея целью захват у них оружия и боеприпасов, в которых оуновское подполье в настоящее время ощущает острую нужду.

В целях усиления конспирации бандиты меняли места своего базирования. Переходя в другие районы, украинские националисты там временно себя не проявляли, чтобы отвлечь от себя внимание органов и войск МГБ, проживали в новых местах на легальном положении (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 8–9).

Успешный рост коллективизации, улучшение благосостояния населения, проводимые оперативные мероприятия органов и войск МГБ показали оуновскому подполью бесперспективность борьбы с советской властью и вызвали среди него упаднические настроения и недоверие к своим руководителям.

Руководство оуновского подполья принимало все меры к тому, чтобы укрепить моральный дух среди бандитов, устанавливало строгую слежку друг за другом и при малейшем подозрении применяло репрессивные меры вплоть до расстрела, что, однако, еще больше дезорганизовывало их.

Например, из захваченных документов у ликвидированного в сентябре 1949 года нарядом 277-го стрелкового полка внутренних войск МГБ Луцкого окружного проводника «Александра» было установлено, что им за моральное разложение расстреляны 10 бандитов.

В Станиславской области в сентябре 1949 года по приговору окружного проводника ОУН

расстреляли шесть бандитов. О недоверии руководителей оуновского подполья друг к другу свидетельствуют документы, захваченные при ликвидации бандитов. Их подлинное содержание приводится ниже:

Друже Тугар! Вашу записку получил. О Ваших делах знаю. Вы сами не знаете чего хотите. Вы думаете, что организация это есть лагерь или укрытие, где можно пережить. Вы претесь в проводники или верховоды. Вы очень поступили плохо прошлый год осенью, когда всё бросили, даже оружие. Кто так делает – проводник или верховод? Ваши комбинации в хозяйстве, что это есть? Друже, друже, сидите тихо, не будьте лисом (хитрецом). Вы способны, но только для себя, а работа на Вашем участке не для Вас. Я советую Вам прятаться на зиму, а продукты достанете где-нибудь, только прошу не делайте измены. Поздравляю, Г. С.

Друже проводник! Я был на связи у друга «Помста» 20 августа 1949 года и там получил эстафету. Удивляет меня, что Вы пишете, что я делаю какие-то шантажи, я знаю, что Вы подразумеваете под этим. Об этом я и отчитываюсь.

Я очень хочу с Вами встретиться. Давайте такую связь, чтобы мы могли встретиться. Уведомите меня хотя бы через два пункта. Г. С. Тугар (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 10–11).

В среде бандитов высказывались суждения, что продолжать борьбу становится всё труднее и что она бесперспективна. Например, захваченный нарядом 331-го стрелкового полка внутренних войск МГБ бандит «Кукла» на допросе в Яблоновском районном отделе МГБ показал:

Среди бандитских групп все больше и больше ходят разговоры о том, что если Америка не начнет войны с Советским Союзом в 1950 году, то дальше проводить борьбу станет невыносимым и невозможным и что бандиты будут сдаваться целыми группами войскам и органам МГБ (РГВА. Ф. 38655. Он. 1. Д. 2. Л. 11).

Подтверждением отчаянного положения и морального упадка бандитов служит выписка из письма бандита-нелегала Олексишина своей родственнице Течара, выселенной в Кемеровскую область:

...Мне уже недолго осталось жить, да и это не жизнь. Каждый день бегаем, а за тобой гоняются как за собакой. Я уже не рад, что стал на такой путь и не знаю как выразиться. Знаю одно, что жить на свете недолго. Такой жизни я не желаю и своему врагу. Если мне удастся вырваться, я лучше уеду

в Сибирь к Вам, чем стану ненужной жертвой. Наше дело пропащее. Украина какая есть, такой и останется (РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 2. Л. 11).

Аналогичное суждение о своем безвыходном положении высказывает в письме к своим родственникам, находящимся в Свердловской области, бандит-нелегал Белоус из Козовского района:

...Моя жизнь очень плохая, потому что нет покоя ни днем, ни ночью. Может как-нибудь переживу, а может будет так, как с Сута [главарь бандгруппы Богданко ликвидирован 8 сентября 1949 года – прим. авт.] и многим другим моим друзьям. Я вижу, что делается с теми, кто остался, они как и я ходят как чумные. Уже было желание все бросить и уехать к Вам, но совестно перед Вами, что из-за меня Вы лишились родного гнезда. Как быть дальше не знаю... (РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 2. Л. 12).

Кроме того, в документе отмечается, что основная масса крестьянства западных областей Украинской ССР правильно поняло проводимые на селе мероприятия партии и правительства и убедившись в преимуществе коллективного хозяйства, не стесняясь все больше и открыто начинает высказывать свое недовольство по отношению

к остаткам оуновского подполья. Например, крестьянин-старик с. Слободка Рунгурска Печенежского района Станиславской области заявил бандитам, пришедши к нему на дом:

Вы как мошки вокруг слона. Зачем Вы носите оружие? Вы не сделаете Украину лучше. Советы нам помогают, ставят нас на крепкие ноги. Нам не нужна другая жизнь и другая Украина. Будьте честными людьми, сдавайте свое оружие и бросьте свои черные думы и дела (РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 2. Л. 13).

Свою ненависть к бандитам местное население Западной Украины показывало своими практическими действиями. Например, 29.10.1949 года местные жители с. Загвутьж Станиславского района показали наряду внутренних войск убежище, в котором были убиты три бандита.

8 октября 1949 года войсковым нарядом 277-го стрелкового полка внутренних войск МГБ по указанию местных жителей с. Сидынь Луковского района в лесу в убежище были убиты три бандита.

По состоянию на 1 ноября 1949 года по данным органов МГБ западных областей Украинской ССР общее количество бандитов и бандгрупп украинских националистов представлено в таблице 1 (РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14).

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО БАНДГРУПП И БАНДИТОВ, СОСТОЯВШИХ НА УЧЕТЕ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ УКРАИНСКОЙ ССР НА 1 НОЯБРЯ 1949 ГОДА

	Состояло на учете на 01.10.1949 г.		Ликвидировано в октябре		Зарегистрировано в октябре		Состоит на учете на 01.11.1949 г.	
	Бандгрупп	Бандитов	Бандгрупп	Бандитов	Бандгрупп	Бандитов	Бандгрупп	Бандитов
Львовская область								
Нац. организаций	28	108	-	2	-	-	28	106
Бандгруппы	99	412	3	14	-	-	96	398
Бандитов-одиночек	-	151	-	22	-	-	-	129
Дрогобычская область								
Нац. организаций	197	849	1	4	-	-	196	845
Бандгруппы	4	152	-	-	-	-	4	152
Бандитов-одиночек	-	131	-	46	-	-	-	85
Тернопольская область								
Нац. организаций	74	260	3	27	-	26	71	259
Бандгруппы	57	201	3	5	-	7	54	203
Бандитов-одиночек	-	196	-	-	-	3	-	199
Волынская область								
Нац. организаций	26	144	1	9	3	29	28	164
Бандгруппы	17	61	3	7	-	-	14	54
Бандитов-одиночек	-	83	-	22	-	-	-	61

	Состояло на учете на 01.10.1949 г.		Ликвидировано в октябре		Зарегистрировано в октябре		Состоит на учете на 01.11.1949 г.	
	Бандгрупп	Бандитов	Бандгрупп	Бандитов	Бандгрупп	Бандитов	Бандгрупп	Бандитов
Ровенская область								
Нац. организаций	58	265	9	49	10	55	59	271
Бандгруппы	55	219	2	8	2	11	55	222
Бандитов-одиночек	-	168	-	3	-	-	-	165
Станиславская область								
Нац. организаций	160	747	9	76	5	37	156	708
Бандгруппы	19	98	-	4	-	2	19	96
Бандитов-одиночек	-	141	-	10	-	18	-	149
ВСЕГО по западным областям УССР								
Нац. организаций	543	2373	23	167	18	147	518	2353
Бандгруппы	251	1143	11	38	2	20	242	1125
Бандитов-одиночек	-	870	-	103	-	21	-	788

В документах за октябрь 1949 год были сделаны выводы о сложившейся обстановке:

1) в отчетном месяце оуновское подполье и его вооруженные бандгруппы направляли свою преступную деятельность на срыв мероприятий партии и правительства по развертыванию коллективизации, срыв мероприятий празднования десятилетия воссоединения западных областей в единую Украинскую Республику, а также совершения терактов против советских работников, проводивших эти мероприятия в селах западных областей УССР;

2) количество бандпроявлений по сравнению с сентябрем снизилось на 27 случаев. В истекшем месяце зафиксировано 106 бандпроявлений против 133 в сентябре 1949 года;

3) уменьшение количества бандпроявлений произошло за счет областей: Ровенской – на 15 случаев; Дрогобычской – на 1 случай; Тернопольской – на 9 случаев; Станиславской – на 4 случая. Увеличилось за счет Волынской области – на 2 случая;

4) Наиболее пораженными бандпроявлениями продолжают оставаться Станиславская, Ровенская, Львовская и Дрогобычская области (РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 2. Л. 17).

В отчетных документах внутренних войск за 1949 год указывалось, что

...имели место случаи нарушения войсковыми нарядами советской законности при выполнении служебно-боевых задач.

8 октября 1949 г. разведывательно-поисковая группа 4-й стрелковой роты 10-го стрелкового полка

в количестве шести человек под командой командира отделения сержанта Мартышко вела поиск бандитов в с. Городоловичи Бобрковского района Львовской области. В 11.00 9 октября 1949 года весь состав наряда зашел в сельский магазин, где принял участие в распитии спиртных напитков. Будучи в сильном опьянении, рядовой Путря зашел в сельсовет, где допустил хулиганские действия по отношению председателя сельсовета Вавицкого, выразившиеся в применении физической силы. По данному случаю прокурором дивизии ведется следствие на предмет придания суду сержанта Мартышко и рядового Путря. Последние содержатся во Львовской тюрьме.

11 октября 1949 года разведывательно-поисковая группа 2-й стрелковой роты 88-го стрелкового полка в количестве 4 человек под командой помощника командира взвода сержанта Иголкина вела поиск бандитов в с. Плоска Великомоствовского района Львовской области. В 22.00 11 октября 1949 года, двигаясь по селу, наряд подошел к дому гражданки Батюк, у которой проходила свадьба. Оставив наряд на улице, сержант Иголкин зашел в дом, где напился пьяным, поднял дебош и побил посуду. Выйдя на крыльцо, сержант Иголкин произвел выстрел из ракетницы в стог соломы, которая загорелась. От возникшего пожара сгорел сарай, принадлежащий гражданке Батюк.

По данному случаю следствие ведет прокурор дивизии на предмет предания суду сержанта Иголкина. Случаев ненормальных отношений войск с органами МГБ – не отмечено (РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–21).

Командование внутренних войск отмечало:

...в отчетном месяце внутренними войсками МГБ Украинского округа убито – 177, захвачено – 109 бандитов и арестовано – 280 участников украинского националистического подполья. Всего ликвидировано 566 бандитов и участников украинского националистического подполья.

По сравнению с сентябрем 1949 года количество убитых снизилось на 59 бандитов, количество захваченных увеличилось на 55 бандитов и арестованных участников украинского националистического подполья увеличилось на 23 человека.

При помощи розыскных собак убито – 9, захвачено – 13, а всего 22 человека, что составляет 4 % от общего количества ликвидированных бандитов и участников украинского националистического подполья за месяц.

Причинами неумелых действий войсковых нарядов оставались:

- плохая организация подготовки войсковых нарядов и самоустранение офицерского состава от руководства нарядами;
- слабая огневая выучка личного состава и особенно в ночных условиях;
- пассивность служебных нарядов при обнаружении и преследовании бандитов;
- отсутствие маскировки, скрытности войсковых нарядов и нерешительные действия при преследовании бандитов;
- высылка малочисленных нарядов без учета конкретных особенностей задачи;
- и главное – недостаточное участие офицерского состава штабов полков и батальонов в войсковых нарядах» (РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 2. Л. 21).

Начальник внутренних войск МГБ Украинского округа генерал-майор С. М. Фадеев отмечал, что наибольшее количество потерь личного состава округа имели место в результате аварий и наездов автомашин. По этой причине было ранено – шесть человек, что составляло 55 % от общего количества потерь личного состава за месяц.

В начале октября 1949 года командованием войск округа была пересмотрена оперативная обстановка в районах, наиболее пораженных бандитизмом, и в соответствии с этим вновь произведено закрепление чекистско-войсковых групп за

бандгруппами ОУН – УПА, которые возглавлялись только офицерским составом. В течение октября 1949 года проверена работа межрайонных и межобластных чекистско-войсковых групп офицерским составом управления округа совместно с офицерским составом МГБ Украинской ССР. В первой декаде октября 1949 года с участием командования войск округа в дивизиях были проведены совещания мастеров службы по обмену боевым опытом.

Кроме того, в целях поднятия качества боевой службы и изжития случаев неумелых действий, на основе указаний руководства МГБ СССР, в соединения и воинские части, кроме лиц командования, выезжали офицеры управления округа.

Офицеры управления округа, находившиеся в октябре 1949 года в подразделениях, гарнизонах и воинских частях войск округа, оказывали на месте помощь в устранении причин, порождающих чрезвычайные происшествия, и осуществляли контроль за выполнением личным составом требований руководства МГБ СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вооруженное сопротивление участников националистического подполья на Западной Украине потребовало от военнослужащих внутренних войск МГБ СССР высокого боевого мастерства, постоянной бдительности, мужества и самопожертвования.

С каждой чекистско-войсковой операцией, проведенной по разгрому бандформирований ОУН – УПА, крепло оперативно-тактическое мастерство личного состава внутренних войск [Баранов, Климов, Козлов, 2019].

Опыт применения личного состава внутренних войск по борьбе с украинскими националистами на Западной Украине показал, что специальные войсковые мероприятия необходимо сочетать с широкой разъяснительной работой, которую проводил среди населения Западной Украины личный состав внутренних войск.

В результате этой работы местное население активно включалось в борьбу с представителями националистического подполья ОУН–УПА [Войска НКВД – МГБ – МВД СССР ... 2023].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шитько В. В., Паламарчук С. П. Внутренние войска в борьбе с буржуазно-националистическим подпольем (1939–1953). Новосибирск: Типография НВИ ВВ МВД России, 2009.
2. История внутренних войск МВД России: военно-исторический труд: в 5 т. Т. 4 (1945–1991). М.: На боевом посту, 2016.
3. Баранов В. П., Климов А. А., Козлов А. В. Пятый Украинский фронт. М.: На боевом посту, 2019.

4. Войска НКВД – МГБ – МВД СССР накануне, в годы Великой Отечественной войны и в борьбе с националистическим подпольем в послевоенный период // Сборник документов и материалов: в 2 т. Т. II (1943–1955). М.: На боевом посту, 2023.

REFERENCES

1. Shitko, V. V., Palamarchuk, S. P. (2009). Vnutrennie vojska v bor'be s burzhuzno-nacionalisticheskim podpol'em (1939–1953) = Internal troops in the fight against the bourgeois-nationalist underground (1939–1953). Novosibirsk: Tipografija NVI VV MVD Rossii. (In Russ.)
2. Istorija vnutrennih vojsk MVD Rossii: voenno-istoricheskij trud: v 5 t. T. 4 (1945–1991) = The history of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: a military historical work. In 5 vols. Vol. 4 (1945–1991) (2016). Moscow: Na boevom postu. (In Russ.)
3. Baranov, V. P., Klimov, A. A., Kozlov, A. V. (2019). Pjatyj Ukrainskij front = The Fifth Ukrainian Front. Moscow: Na boevom postu. (In Russ.)
4. Vojska NKVD – MGB – MVD SSSR nakanune, v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i v bor'be s nacionalisticheskim podpol'em v poslevoennyj period (2023) = The troops of the NKVD – MGB – Ministry of Internal Affairs of the USSR on the eve, during the Great Patriotic War and in the fight against the nationalist underground in the post-war period. Sbornik dokumentov i materialov: v 2 t. T. II (1943–1955) Moscow: Na boevom postu. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забродченко Геннадий Евгеньевич

кандидат исторических наук
преподаватель кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций
Московского технического университета связи и информатики

Климов Андрей Алексеевич

доктор исторических наук, доцент
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zabrodchenko Gennady Evgenievich

PhD (History)
Lecturer at the Department of Philosophy, History and Intercultural Communications
Moscow Technical University of Communications and Informatics

Klimov Andrey Alekseevich

Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor
Leading Researcher at the Research Institute (Military History)
Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	05.06.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.11.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2025	accepted for publication



Организация воздушной обороны Царицына (1918–1919)

А. Ю. Лашков

*Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия
lashkov3@yandex.ru*

Аннотация. Цель данной статьи - историческая оценка организации воздушной обороны одного из важнейших административных центров страны (города Царицына) в годы Гражданской войны и военной интервенции в Россию. Означенные исторические вехи в статье синтетически представлены на основе ретроспективного анализа множественного фактического материала. Информационное наполнение статьи основано на ранее опубликованной литературе (произведениях, журнальных и газетных статьях) и документальных материалах, представленных фондами Российского государственного военного архива. Методология исследования включает в себя ряд научных теорий (военных и исторических), научных принципов, общенаучных и частнонаучных парадиг. В своей работе автор, в первую очередь, опирался на теории вооруженной борьбы и исторического процесса, принципы исторического познания: историзм, объективность, целостность, конкретность и междисциплинарность. Для получения научных результатов были использованы основные методы, широко используемые в изучении событий и явлений в истории (генетический, идеографический, проблемно-хронологический, ретроспективный, системный, синхронный, диахронный анализ и т. д.). В совокупности эти научные методы соответствуют содержанию вышеупомянутых научных теорий. В данной статье раскрывается лишь один из аспектов общей системы защиты административных центров, промышленных районов государства, группировок войск (военно-морских сил) от воздушного нападения противника в военное время. Эта система начала формироваться в нашей стране в годы Первой мировой войны (1914–1918) и продолжила складываться во время Гражданской войны в России. Организация противовоздушной обороны Царицына в 1918–1919 годах стала прелюдией к глобальным событиям, связанным со Сталинградской битвой в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). На берегах реки Волги советские ВВС и войска ПВО в кровопролитных боях практически уничтожили основной цвет боевой авиации гитлеровской Германии.

Ключевые слова: Царицын, авиация, самолет, авиационный отряд, звено, налет, воздушная оборона, зенитный огонь

Для цитирования: Лашков А. Ю. Организация воздушной обороны Царицына (1918–1919) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 77–84.

Original article

Organization of Air Defense of Tsaritsyn (1918–1919)

Alexey Y. Lashkov

*Scientific Research Institute (Military History)
Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia Moscow, Russia
lashkov3@yandex.ru*

Abstract. The purpose of this article is to assess on the basis of a retrospective analysis of the organization of air defense of one of the important administrative centers of the country (the city of Tsaritsyn) during the Civil War and military intervention in Russia. To date, this topic remains poorly studied in Russian historiography related to the problems of internal military conflicts with international participation. The information content of the article is based on previously published literature (works, magazine

and newspaper articles) and the documentary base presented by the funds of the Russian State Military Archive. The research methodology includes a number of scientific theories (military and historical), scientific principles, general scientific and special scientific methods. In his work, the author primarily relied on the theories of armed struggle and the historical process, the principles of historical knowledge: historicism, objectivity, integrity, concreteness and interdisciplinarity. To obtain scientific results, the main methods widely used in the study of events and phenomena in history (genetic, ideographic, problem-chronological, retrospective, systemic, synchronous, diachronic analysis, etc.) were used. In the aggregate, these scientific methods, in their approaches, correspond to the content of the above-mentioned scientific theories. This article reveals only one of the aspects of the general system of protection of administrative centers, industrial regions of the state, groupings of troops (naval forces) from enemy air attack in wartime. This system began to form in our country during the First World War (1914–1918) and continued during the Civil War in Russia. The organization of the air defense of Tsaritsyn during 1918–1919 became a prelude to more global events related to the Battle of Stalingrad during the Great Patriotic War (1941–1945). On the banks of the Volga River, the Soviet Air Force and Air Defense Forces in bloody battles practically destroyed the main flower of the military aviation of Nazi Germany.

Keywords: Tsaritsyn, aviation, aircraft, aviation detachment, flight, raid, air defense, anti-aircraft fire

For citation: Lashkov, A. Y. (2025). Organization of the Air Defense of Tsaritsyn (1918–1919). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(858), 77–84. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В годы Гражданской войны и военной интервенции в России уездный волжский г. Царицын (Волгоград) превратился в арену ожесточенной борьбы между красными и бело-союзными войсками, стремившимися взять под свой контроль один из важнейших транспортных узлов и опорных пунктов в Поволжье. Активное применение враждующими сторонами воздушных сил и периодические бомбардировки объектов города и его районов потребовали принятия оперативных мер по организации его воздушной обороны (*далее* ВозДО)¹. Указанный вид обороны возник в России еще в период Первой мировой войны. Он был направлен, в первую очередь, на обеспечение защиты крупных административных центров, промышленных районов, важных транспортных узлов и коммуникаций, военных объектов, группировок войск (сил флота) от воздушного нападения противника как на театре войны, так и в глубоком тылу страны. В дальнейшем вопросы формирования пунктовой (объектовой) ВозДО находились в ведении военно-политического руководства Советской России и Белого движения. Она преимущественно создавалась в прифронтовой полосе, за исключением стратегически важных центров РСФСР и подконтрольных белым войскам и их союзникам территорий (Москва, Петроград, Баку, Керчь), значительно

удаленных от линии фронта, и преимущественно носила временный характер.

ВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА «КРАСНОГО ВЕРДЕНА»: ПЕРВЫЙ ЭТАП

Летом 1918 года основные боевые действия в нижнем течении р. Волги развернулись у стен древнего города Царицына («волжской цитадели»), в то время крупного промышленного центра Поволжья, получившего название «Красный Верден»². В конце июля – начале августа того же года белоказачья Донская армия³ (командующий генерал-лейтенант С. В. Денисов), насчитывавшая в своих рядах до 45 тыс. человек, свыше 150 орудий и 610 пулеметов, предприняла первую попытку овладеть городом. В случае успеха появлялась возможность соединения с Чехословацким корпусом, уральским и оренбургским белоказачеством для совместной борьбы против Советской Республики.

Оборону города возглавил Военный совет Северо-Кавказского военного округа (СКВО) под руководством И. В. Сталина, а с октября 1918 года – командующего 10-й армией К. Е. Ворошилова

²Название г. Царицына «Красным Верденом» официально приписывают председателю Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкому, что отражено в одном из его приказов // Донская волна. 1919. № 27. С. 12.

³Донская армия (03.04.1918–14.03.1920), название вооруженных сил Всевеликого войска Донского (ВВД), впоследствии составной части Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР). Состояла из регулярной армии (на основе станичного ополчения) и постоянной или так называемой Молодой армии, технических, бронепоездных, броневых и авиационных частей.

¹Воздушная оборона – совокупность средств и мер, служащих для борьбы с военным воздушным флотом противника и для защиты от его действий.

(позднее А. И. Егорова). Советские войска царицынского участка фронта насчитывали в своих рядах до 42 тыс. штыков и сабель, свыше 120 орудий [Военная энциклопедия, 2024], что позволило создать хорошо оборудованный оборонительный рубеж на подступах к Царицыну. Одновременно проводились мероприятия по организации воздушной обороны города и его районов.

В рассматриваемый период наибольшую опасность с воздуха, по мнению советского командования, представлял воздушный флот Донской армии (начальник – полковник В. Г. Баранов), самолетный парк которого насчитывал до 25 самолетов (из них 10 действующих) [Хайрулин, Кондратьев, 2008]. Однако наличие такого количества воздушных средств практически исключало возможность активного участия «донских пилотов» в боях под Царицыным летом – осенью 1918 года.

Тем не менее руководство СКВО привлекло для организации ВоздО города два авиационных отряда (АО): 1-й Царицынский¹ (командир военлет В. В. Карпов, 7 самолетов типа «Спад-7», «Сопвич» и «Ньюпор») и 1-й Кубанский под командованием военлета В. Л. Кучинского (несколько самолетов «Ньюпор-11» и «Форсаль»). Основанием их появления в районе «волжской цитадели» стало решение Совета Народных Комиссаров (далее СНК) РСФСР в связи с обращением И. В. Сталина от 15 июня 1918 года [Генкина, 1940].

Первый авиационный отряд (далее АО) прибыл в г. Царицын 25 июня того же года и поступил в распоряжение начальника Южной коллегии Военного Воздушного флота (ВВФ) А. А. Шаврова². В начале августа 1918 года летчики приступили к боевой работе. Основными задачами указанных авиаотрядов являлись: ведение воздушной разведки, оперативная передача важной информации и бомбардировка позиций противника. В отдельных случаях возникали проблемы ведения «дружественного огня» (стрельба по своим самолетам) и нанесения бомбоштурмовых ударов по позициям или объектам своих войск. В частности, вследствие бомбардировки железнодорожной станции, занятой советскими частями, красный летчик И. И. Нусберг (1-й Царицынский АО) подвергся временному аресту. Позднее его действия были оправданы тем обстоятельством, что в предполетном задании данная станция числилась в тот момент за противником.

¹1-й Царицынский авиаотряд создан на базе 17-го корпусного авиационного отряда 5-го авиадивизиона РККВВФ.

²С сентября 1918 года А. А. Шавров был назначен на должность начальника авиации «Западного района обороны» Царицына.

Согласно оперативной сводке штаба СКВО первое появление белых пилотов в небе над Царицыным и Кривой Музгой (30 км западнее города) было зафиксировано 4 июля 1918 года. В этот день они сбросили на выбранные объекты три бомбы. В дальнейшем белая авиация перешла к регулярным полетам в районе города на Волге. Для борьбы с ней в составе советской 10-й армии было организовано «дежурство на аэродроме»³. Одновременно принимались меры и по формированию подразделений зенитной артиллерии (ЗА). К концу лета того же года на Царицынском участке фронта ранее разрозненные артиллерийские подразделения были объединены в батареи, дивизионы и бригады стрелковых дивизий Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) с организацией наземного прикрытия группировок войск и объектов тыла от ударов с воздуха.

В начале августа 1918 года вновь созданная ВоздО города была проверена на прочность. Дежурные силы авиации перехватили над Царицыным неприятельский самолет и заставили его ретироваться за пределы города [Генкина, 1940].

Летный состав воздушной обороны также задействовался в решении других задач (разведывательных, бомбардировочных и агитационных) в ближнем тылу противника. За период с августа по декабрь 1918 года только 1-й Царицынский АО, имея общий налет 169 часов, сбросил на позиции вражеских войск 1,6 т бомб и 110 тыс. листовок, а также израсходовал 15 тыс. патронов [Красный Воздушный Флот в гражданской войне ... 1968].

Несмотря на все усилия, белые войска так и не смогли взять Царицын и в середине октября 1918 года были вынуждены отступить от города. 19 октября части советской 10-й армии перешли в контрнаступление, отбросив неприятеля за р. Дон. В начале следующего года командование ВВД предприняло третью неудачную попытку овладения Царицыным. Через полтора месяца упорных боев белые части вновь отошли на прежние позиции.

ВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА «КРАСНОГО ВЕРДЕНА»: ВТОРОЙ ЭТАП

Под давлением стран Антанты руководство ВВД согласилось на включение его в состав Ооруженных Сил Юга России. Это обстоятельство значительно улучшило снабжение указанного объединения,

³«Дежурство на аэродроме» – пребывание экипажей и самолетов в заданной степени готовности к боевому вылету, один из способов сокращения времени на подготовку к выполнению боевой задачи.

в том числе, вооружением и военной техникой. Так, к февралю 1919 года общая численность самолетного парка Донской армии уже достигла 68 самолетов. Однако авиация «донцов», ввиду значительной удаленности ее аэродромной сети от линии фронта, недостаточно активно участвовала в боевых действиях в районе Царицына, отдав пальму первенства своим союзникам – английским пилотам.

В марте 1919 года по указанию главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта А. И. Деникина была сформирована резервная Кавказская армия¹ (командующий генерал-лейтенант П. Н. Врангель). Ей была поставлена задача разгромить советскую 10-ю армию и в короткие сроки овладеть Царицыным. Придание Кавказкой армии британского авиационного 47-го дивизиона Королевских военно-воздушных сил (RAF) (отряд № 47, командир майор Раймонд Коллишоу), прибывшего в мае 1919 года в Россию с бывшего Македонского фронта (периода Первой мировой войны), значительно усилило воздушные силы белого объединения. 10 июня командование звена «С» дивизиона² получило приказ о передислокации на так называемый Волжский фронт в распоряжение Кавказской армии. В этот же день звено в составе пяти самолетов типа «Де Хевилленд» DH. 9 (De Haviland 9) осуществило перелет на летное поле возле станицы Великокняжеская (г. Пролетарск). Четыре самолета благополучно прибыли к месту назначения, а один летательный аппарат (ЛА) совершил вынужденную посадку в районе станции Динской.

19 июня 1919 года авиазвено переместилось на станцию Гнилоаксайская (90 км юго-западнее г. Царицына) с поломкой одного из самолетов. Через несколько дней была предпринята первая попытка совершить воздушный налет на город с участием четырех боевых машин. Однако плохие метеорологические условия исключили такую возможность. При возвращении на полевой аэродром в результате аварии из строя вышел еще один неприятельский ЛА.

На 23 июня три английских бомбардировщика из состава звена «С» достигли границ Царицына, подвергнув бомбовым ударам железнодорожный вокзал и обстреляв из пулеметов порт и баржи на Волге [Кондратьев, Хайрулин, 2000]. В ходе воздушного налета на городские объекты было сброшено 18 бомб (244 кг) и выпущено до 1 тыс. патронов (РГВА, ф. 29, оп. 24, д. 153, л. 50).

¹Кавказская армия образована в составе ВСЮР 8 мая 1919 года в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Расформирована 29 января 1920 года с обращением на формирование Кубанской армии.

²47-й дивизион RAF делился на звенья – «flight», обозначавшиеся буквами латинского алфавита «А», «В», «С».

В последующие дни налеты на город и его ближайшие районы продолжались, нанося им значительные разрушения, что нашло отражение в таблице 1.

Всего за период с 22 по 29 июня 1919 года английская авиация совершила 32 самолетовылета, сбросив на объекты города, его районы, группировки советских войск и суда красной Волжской военной флотилии более 1,3 тонны бомб различных типов, израсходовав до 9250 патронов³ (РГВА, ф. 29, оп. 24, д. 153, л. 50).

29 июня британские самолеты перебазировались на аэродром у станицы Червленая, значительно сократив расстояние до целей бомбардировок. Вскоре к англичанам присоединился летный состав белого 1-го Кубанского казачьего АО, переброшенного еще в мае 1919 года под Царицын после успешных боев за станицу Великокняжеская. В тогдашнем журнале «Донская волна», который выходил в городе Новочеркасске, читателям сообщалось, что летчики этого отряда регулярно бомбили пристани и «большевистские кварталы» города⁴.

В первом боевом вылете на Царицын участвовали военлеты В. Журкевич и В. Удовико [Кушнерёв, 2013]. Позднее в воздушных налетах принимал участие уже весь летный состав отряда: полковник (с 23 мая – генерал-майор В. М. Ткачёв), есаулы М. Лиманский, В. Лобов, подпоручик В. Журкевич, подьесаулы Д. Кулик, В. Удовико, сотник А. Носенко, Ю. Белый и военлет Ф. Чепила. Полеты над городом и его районами, как правило, сопрягались с большим риском быть сбитым зенитным огнем красных войск.

30 мая 1919 года в районе Царицына в результате ружейного обстрела получил несколько ранений в руку командир 1-го Кубанского авиаотряда генерал-майор В. М. Ткачёв. В боях под «Красным Верденом» он координировал действия всех приданных ему сил бело-союзнической авиации (1-м Кубанским казачьим, 4-м Добровольческим, 4-м Донским самолетными отрядами и 47-м авиационным дивизионом RAF).

Отмечались также случаи частых аварий. Они возникали по причине изношенности авиационной техники и плохого качества. Так, 29 мая после выполнения боевого задания при посадке на свой аэродром разбился «Анасаль» (№ 160), пилотируемый военлетом есаулом М. Лиманским [там же].

В свою очередь усиление активности со стороны бело-союзной авиации потребовало дальнейшего совершенствования организации воздушной

³РГВА – Российский государственный военный архив.

⁴30-й номер журнала «Донская волна» от 29 августа 1919 года посвящен авиации на Дону во время Гражданской войны. С. 14.

**НАЛЕТЫ АНГЛИЙСКОЙ АВИАЦИИ НА Г. ЦАРИЦЫН И БЛИЖАЙШИЕ ЕГО РАЙОНЫ
(24–29 ИЮНЯ 1919 г.) (РГВА, ф. 29, ОП. 24, Д. 153, Л. 50)**

Дни	Число сам-тов	Кол-во бомб (кг)	Кол-во патронов (вып.)	Цель и маршрут	Применение	Время полета
24.06	3		450	Царицын – ж / д станция	Сброшены бомбы на баржи, станцию и дома	14.00
25.06	2	2X50	300	Царицын – Дубровская – Кагалинская – Царицын	Бомбы сброшены на город. Около ст. Кагалинская обстреляна обнаруженная кавалерия и обоз	15.10–17.45
26.06	2	8X9	800	Царицын – пристани	Сброшены бомбы на станцию и баржи	9.00
	3	16X9 2X50	1500	Гурмак – Котлобанская	Бомбы сброшены на станцию, на кавалерию и обоз [противника]	16.10
27.06	1	Воздушная разведка с начальником авто-броневых частей на борту				8.35
	2	8X9	500	Гурмак – Воропаново	Бомбы сброшены на обоз и войска [противника]	14.00
	1	Перелет в Екатеринодар				
28.06	2	8X9	500	Царицын	Бомбы сброшены на вокзал, суда, атака штабного парохода, атака привязанного речного аэростата и его матки, атака обоза и войск [противника]	16.30–20.10
29.06	3	3X50	1800	Царицын – Грутеньская – Гумрак Царицын – Гумрак	Атака обоза и войск [противника]. Обнаружена подготовка к отступлению красных	3.20
	2	1X50 14X9	1200	Царицын – Гумрак	Атака обоза и войск [противника]. Обнаружена подготовка к отступлению красных	6.00
	2	1X50 14X9	1200	Царицын – Гумрак	Атака обоза и войск [противника]. Обнаружена подготовка к отступлению красных	8.30–9.00
	2			Царицын – Дубовская – Котлованская – Карповка	Обнаружение отступление красных на Гурмак	15.00–16.20

обороны города. С конца мая 1919 года прикрытие Царицына с воздуха осуществлял 7-й истребительный авиаотряд (ИАО; пять самолетов) советской 10-й армии. Аэродром отряда первоначально находился в Камышине (165 км севернее г. Царицына), а позднее исправные самолеты отряда перелетели на аэродром Пушечного завода в Царицыне [Зиновьев, Конев, 2017]. Однако возникшие проблемы, связанные с выходом из строя боевой техники, потребовали привлечения дополнительных сил. 24 июня из Моршанска (550 км северо-западнее Царицына) в город был переброшен 4 ИАО (четыре самолета типа «Ньюпор-23» и «Сопвич») в составе военлетов: Федоров (врид командира отряда), Екатов, Загудаев и Садовский [Хайрулин, Кондратьев, 2008].

В течение 26–29 июня 1919 года красные пилоты Екатов и Загудаев выполнили до десяти

боевых вылетов на организацию воздушного прикрытия города и отражение вооруженной авиации противника. Белые и английские летчики, как правило, старались не ввязываться в воздушные бои, уходя от красных истребителей, используя преимущества по высоте и в скорости. В отдельных случаях это обстоятельство их не спасало. Так, 28 июня военлет Загудаев и летнаб Чарнецкий (7 ИАО) на южной окраине г. Царицына атаковали неприятельский «Ньюпор-23», пилотируемый капитаном Г. Н. Гибер-фон-Грейфенфельсом [помощником командира 2-го авиационного дивизиона, командированного в Кавказскую армию. – Прим. авт.], проводившего воздушную разведку города. При попытке экстренного снижения он попал под плотный зенитный огонь подразделений советской 38-й дивизии (РГВА, ф. 193, оп. 3, д. 1298, л. 14). По некоторым сведениям, пулеметная очередь,

выпущенная летчиком Загудаевым вслед уходящему неприятельскому самолету, повредила его мотор. Капитан Гибер-фон-Грейфенфельс был вынужден спуститься в степи западнее хутора Малые Россошки (в 25 км к северу от города). Здесь его обнаружил конный разъезд красных и попытался взять в плен. Оказавшись в безвыходном положении и, «не желая попасть в руки врагов последним патроном [русский офицер] покончил с собой» (РГВА, ф. 29, оп. 24, д. 153, л. 146 об). Эта победа, по сути, оказалась одной из последних из числа успешных действий личного состава воздушной обороны Царицына. Через несколько дней она прекратила свое существование.

БЕЛО-СОЮЗНИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ «ВОЛЖСКОЙ ЦИТАДЕЛИ»

30 июня 1919 года передовые части Кавказской армии заняли Царицын. Русские войска отошли к Камышину. 4-й истребительный АО [7-й авиаотряд ранее убыл в Саратов. – Прим. авт.] срочно эвакуировали в тыл.

6 июля белые авиационные отряды (18 самолетов) перебазировались на царицынский аэродром Бекетовка. Ранее туда прибыло звено «С» отряда № 47, откуда английские пилоты стали совершать свои воздушные рейды на Камышин (РГВА, ф. 29, оп. 24, д. 153, л. 50). От союзников русские летчики получили боеприпасы, в том числе 10 пулеметов «Льюис» и 1078 авиационных бомб [Кушнерёв, 2013].

Одновременно командованию Кавказской армии пришлось наладить собственную систему воздушной обороны г. Царицына (июль 1919 года – январь 1920 года) для отражения налетов советской авиации. В свою очередь руководство РККА сосредоточило на данном участке фронта довольно внушительные для того времени воздушные силы. Их основу составили Волжский (Самарский) воздушный дивизион (с августа 1919 года – Воздушная бригада Волжско-Каспийской военной флотилии – ВКВФ – до 18 боевых и учебных ЛА)¹ и 7-й авиаотряд Особой группы Южного фронта.

Бомбардировка Царицына с воздуха началась в ночь с 3 на 4 сентября. Два гидросамолета ВКВФ совершили налет на город, сбросив 2 пуда (32 кг) бомб [Широкоград, 2006].

На основании оперативных сводок Юго-Восточного фронта РККА можно проследить дальнейшую боевую работу советских летчиков в районе «волжской цитадели» в первый месяц осени 1919 года (табл. 2).

В последующие дни налеты на город продолжались. Пять из них (на Царицын и Сарепта) было организовано в темное время суток [Хайрулин, Кондратьев, 2008].

12 сентября гидросамолеты ВКВФ совершили очередной ночной налет, подвергнув бомбоштурмовым ударам позиции белых войск [Широкоград, 2006]. В ответ бело-союзная авиация

¹За период 1918–1919 гг. в составе Волжского воздушного дивизиона имелись самолеты: 2 гидросамолета типа «М-5», около 10 летающих лодки типа «М-9», 3 учебных – «М-20», 2 армейских истребителя «Ньюпор-10» и 3 – «Ньюпор-23» // Гангут. 2007. № 42. С. 65.

Таблица 2

БОЕВЫЕ ВЫЛЕТЫ РУССКИХ ЛЕТЧИКОВ В РАЙОН Г. ЦАРИЦЫНА (4–9 СЕНТЯБРЯ 1919 г.)

Дата полета	Экипаж	Цель полета	Район	Результат
04.09	Кондаков – Черемушкин (ВКВФ)	Разведка, налет	г. Царицын	Сброшено 16 бомб и 1 пуд (16 кг) прокламаций, пулеметный обстрел [Зиновьев Н.Н., Конев В.Н., с. 125]
04.09	Андрюшин – Херсонский (7АО)	Разведка, налет	г. Царицын	Сброшено 27 кг бомб (РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 211, л. 25)
05.09	2 ЛА (7АО)	Разведка, налет	г. Царицын	Сброшено 320 кг бомб (РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 211, л. 29)
05.09	2 ЛА (ВКВФ)	Разведка, налет	г. Царицын	Сброшено 8 бомб [Ульянов, 1934, с. 41]
06.09	Якимычев – Черемушкин (ВКВФ)	Налет	Дубовка – г. Царицын – Дубовка	Сброшено 6 бомб, пулеметный обстрел [Зиновьев, Конев, 2017, с. 125]
	Кондаков – Никольский (ВКВФ)			Сброшено 8 бомб [там же]
07.09	2 ЛА (ВКВФ)	Ночной налет	г. Царицын – вокзал	Сброшено 17 бомб [там же]
08.09	2 ЛА (ВКВФ)	Ночной налет	г. Царицын – вокзал	Сброшено 27 бомб [там же]
09.09	3 ЛА (ВКВФ)	Ночной налет	г. Царицын – вокзал	Сброшено 20 бомб [там же]

периодически бомбила суда Волжско-Каспийской военной флотилии и боевые порядки красных частей в районе Царицына. В одном из налетов были сожжены аэростаты 23-го, а также пострадал личный состав 14-го воздухоплавательных отрядов. Позднее под удар попала красная гидроавиационная база [Ульянов, 1934].

Для отражения вражеского нападения советские истребители постоянно находились в постоянной боевой готовности. Так, до 10 сентября летчики ВКВФ С. Г. Козлов и Е. И. Петкевич (Петкевич) 14 раз совершали вылеты на перехват неприятельских самолетов, оказавшиеся безрезультатными [Хайрулин, Кондратьев, 2008]. В дальнейшем в ходе очередного перехвата красный летчик Петкевич вступил в воздушный бой с двумя самолетами противника, в ходе которого его ЛА получил значительные повреждения (32 пулевые пробоины). В 1920 года за личное мужество он был награжден орденом Красного Знамени (Приказ РВСР № 134).

По линии ВоздО воздушное прикрытие Царицына осуществлялось одним из звеньев (до 7 самолетов) 47-го дивизиона RAF, действовавшего севернее и южнее города против частей советских 10-й и 11-й армий и судов ВКВФ. Частично для решения задач воздушной обороны города задействовались русский авиаотряд (10 самолетов), приданный Стрелковому Кавказскому корпусу (РГВА, ф. 192, оп. 3, д. 2156, л. 472), а также отдельные артиллерийские части, расквартированные в Царицыне. Вследствие отсутствия соответствующих архивных документов в настоящее время достаточно сложно в полной мере оценить действенность наземных средств бело-союзной ВоздО в рассматриваемый период времени.

В конце осени 1919 года для завоевания превосходства в воздухе в районе «волжской цитадели» командование советского Юго-Восточного

фронта планировало привлечь дополнительные силы, включая: 5-й, 9-й истребительный и 14-й разведывательный авиаотряды (РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 211, л. 104, 106). Однако поспешное отступление белых войск после поражения под Москвой коренным образом изменило расстановку сил на Царицынском участке фронта.

2 января 1920 года Царицын был взят штурмом силами 50-й Таманской дивизии, оттеснив части белой Кавказской армии к р. Аксай. Смещение линии фронта на значительное расстояние от границ города практически сняло угрозу воздушного нападения со стороны бело-союзной авиации, что привело к ликвидации структуры ВоздО указанного пункта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воздушная оборона Царицына, как и ряда других крупных городов в России в годы Гражданской войны и военной интервенции, создавалась лишь в угрожаемый период времени. По завершению военных действий необходимость в ней в тыловых районах страны заметно снижалась или вообще исключалась.

Важность организации противовоздушной [официальный термин с 1928 года. – Прим. авт.] обороны стратегического важного административного и промышленного центра Поволжья (с 1925 года – Сталинград) вновь приобрела накануне Великой Отечественной войны. В ходе Сталинградской битвы (17.07.1942–02.02.1943) войска ПВО, в тесном взаимодействии с ВВС Красной армии, нанесли серьезное поражение люфтваффе, лишив его наиболее боеспособных частей бомбардировочной и транспортной авиации. При этом в полной мере был учтен опыт, полученный в годы Гражданской войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 2004. Т. 8
2. Хайрулин М., Кондратьев В. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М.: Эксмо : Яуза, 2008.
3. Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940.
4. Красный Воздушный Флот в гражданской войне в СССР (1918–1920) // Материалы военно-исторической конференции, проведенной в ЦДСА 8 декабря 1967 г. М.: Военно-научное общество при Центральном Доме Советской Армии, 1968.
5. Кондратьев В., Хайрулин М. Авиация Гражданской войны. М.: Техника молодежи, 2000.
6. Кушнерёв В. В. История 1-го Кубанского казачьего авиационного дивизиона (1918–1920) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 1 (48). С. 50–54.
7. Зиновьев Н. Н., Конев В. Н. Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны. 1918–1920. М.: Русские Витязи, 2017.
8. Широкоград А. Б. Великая речная война. 1918–1920 годы. М.: Вече, 2006.

9. Ульянов Н. И. Хроника действий Волжско-Каспийской военной флотилии и отрядов судов и десантных за 1918–1920 гг. Горький: тип. Наркомвода, 1934.

REFERENCES

1. Military Encyclopedia. (2004). In 8 vols. Vol. 8. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
2. Khairulin, M., Kondratiev, V. (2008). Voenlety pogibshej imperii. Aviacija v Grazhdanskoj vojne = Voenlets of the Dead Empire. Aviacija v Grazhdanskoj vojne. Moscow: Jeksmo : Jauza. (In Russ.)
3. Genkina, E. B. (1940). Borba za Tsaritsyn v 1918 godu = The Struggle for Tsaritsyn in 1918. Moscow: Politizdat pri TsK VKP(b). (In Russ.)
4. Red Air Fleet in the Civil War in the USSR of 1918–1920. Materials of the Military Historical Conference Held in the CDSA on December 8, 1967 Moscow: Military Scientific Society at the Central House of the Soviet Army, 1968. (In Russ.)
5. Kondratiev, V., Khairulin, M. (2000). Aviacija Grazhdanskoj vojny = Aviation of the Civil War. Moscow: Tekhnika molodezhi Publ. (In Russ.)
6. Kushnerev, V. V. (2013). Istorija 1-go Kubanskogo kazach'ego aviacionnogo diviziona (1918–1920) = History of the 1st Kuban Cossack Aviation Division (1918–1920). Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii, 1(48), 50–54. (In Russ.)
7. Zinoviev, N. N., Konev, V. N. (2017). Velikaja rechnaja vojna. 1918–1920 gody = Red Aviators on the Fronts of the Civil War. 1918–1920. Moscow: Russkie Vityazi Foundation (In Russ.)
8. Shirokorad, A. B. (2006). Velikaya rechnaya vojna = The Great River War. 1918–1920. Moscow: Veche. (In Russ.)
9. Ulyanov, N. I. (1934). Hronika dejstvij Volzhsko-Kaspijskoj voennoj flotilii i otrjadov sudov i desantnyh za 1918–1920 gg. = Chronicle of the Actions of the Volga-Caspian Military Flotilla and Detachments of Ships and Landing Ships for 1918–1920. Gor'kij: tip. Narkomvoda. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лашков Алексей Юрьевич

доктор исторических наук, доцент

старший научный сотрудник

научно-исследовательского института (военной истории)

Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lashkov Alexey Yurievich

Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor

Senior Researcher of the Scientific Research Institute (Military History)

Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	29.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.01.2025	
принята к публикации	14.03.2025	



Война как способ разрешения противоречий между системами государств: ретроспектива и перспективы

К. Н. Лобанов¹, Н. Вукчевич²

¹Институт межкультурной коммуникации и международных отношений
Белгородского государственного научно-исследовательского университета, Белгород, Россия

²Институт международной политики и экономики, Центр евразийских исследований, Белград, Республика Сербия

¹lobanov.politika@gmail.com

²nemanja.vukcevic@diplomacy.bg.ac.rs

Аннотация. Новейшая история мира отмечена противоречивым взаимодействием двух глобальных трендов – интеграции, выразившейся в консолидации государств в системы блоков, и дезинтеграции, сопровождавшейся распадом этих систем вследствие межблоковых конфронтаций. Способом разрешения противоречий между конфликтующими комплексами государств, как правило, выступала война. В настоящей статье авторы поставили перед собой цель выявить актуальность блокового подхода в современных международных отношениях и определить уровень спроса у акторов мировой политики на войну в рамках такой парадигмы. Для достижения поставленной цели авторы применили методы социо-исторической и политологической аксиоматики, аналогий и прогнозирования состояния систем. Целесообразность выбора методов социо-исторической и политологической аксиоматики была продиктована детерминированностью исходного утверждения (аксиомы) о войне как одном из инструментов разрешения противоречий между субъектами мировой политики. Логические рассуждения авторов направлены на верификацию данной аксиомы. Апелляция к методу прогнозирования состояния сложных социальных систем позволила оценить вероятность реализации ряда сценарных планов развития мировой ситуации в соответствии с текущей динамикой политических событий. При помощи суммы избранных методов научного исследования авторы осуществили попытку обосновать свой главный вывод о желательности и возможности редуцирования насильственно-вооруженного способа разрешения межгосударственных противоречий в рамках утверждения мультиполярной (надблоковой) модели мироустройства.

Ключевые слова: межгосударственные противоречия, блоковое мышление, блоковая политика, война, мировая война, глобальный миропорядок, многополярность

Для цитирования: Лобанов К. Н., Вукчевич Н. Война как способ разрешения противоречий между системами государств: ретроспектива и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 85–91.

Original article

War as a Way to Resolve Contradictions between State Systems: a Retrospective and Prospects

Konstantin N. Lobanov¹, Nemanja Vukčević²

¹Belgorod State Research University, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Department of International Relations, Foreign Regionalism and Political Science, Belgorod, Russia, lobanov.politika@gmail.com

²Institute of International Politics and Economics, Centre for Eurasian Studies, Belgrade, Republic of Serbia
nemanja.vukcevic@diplomacy.bg.ac.rs

Abstract. The recent history of the world has been marked by the contradictory interaction of two fundamental trends – integration, expressed in the consolidation of states into bloc systems, and disintegration, resulted in the collapse of these systems due to inter-bloc confrontations. In most cases, wars have

been used as a means of resolving conflicts between opposing groups of states. The authors of this paper aim to explore the relevance of the bloc approach in contemporary international relations and assess the demand for warfare within this framework among key actors on the global stage. To achieve this goal, they employ such methods as socio-historical analysis, political science axiomatic, analogies, and system forecasting. Simultaneously, the rationale for selecting methods of socio-historical and political science was predicated on the determinism inherent in the initial premise, or axiom, regarding war as a tool of resolving contradictions between parties in the global political landscape. Furthermore, it was necessary to validate the conclusions drawn by the authors through logical reasoning, aiming to verify the validity of this axiom. The authors deemed it pertinent to implement the method of analogy in order to identify novel aspects of such a multifaceted phenomenon as war, comparing both historical data and contemporary realities. Moreover, resorting to the technique of predicting the state of intricate social systems allowed for an assessment of the likelihood of utilizing various scenarios for the evolution of global circumstances in alignment with the ongoing dynamics of political developments. Employing a comprehensive array of scientific research methodologies, the authors endeavored to substantiate their focal thesis regarding the feasibility and desirability of mitigating the use of forceful means in resolving interstate conflicts through the implementation of a multi-polar (supra-bloc) model of global governance.

Keywords: Interstate contradictions, bloc thinking, bloc politics, war, world wars, global order, multipolarity

For citation: Lobanov K., Vukčević, N. (2024). War as a way to resolve contradictions between State systems: a retrospective and prospects. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 85–91. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развернувшиеся в последние годы военные конфликты и вооруженная конфронтация (Азербайджан – Армения, Россия – Украина, ХАМАС – Израиль) создали в мире сильный фоновый стресс, стимулирующий исследователей и просто внимательных наблюдателей, знакомых с социально-политической историей, искать аналогии в недавнем прошлом с существующими реалиями. Среди наиболее близких к нашему времени мировых катаклизмов нынешняя ситуация более всего напоминает период канунов двух мировых войн XX столетия, 110-летний и 85-летний юбилеи которых соответственно исполнились в этом году. Также возможна смысловая параллель с пиковыми значениями наиболее острых столкновений общественных конфронтаций эпохи холодной войны наподобие берлинско-карибского кризиса 1961–1962 годов. Глобальным, стратегическим контекстом приведенных выше событий, равно как и текущей политической повестки, были и остаются блоковое мышление и практика основных контрагентов, накопивших противоречия и стремящихся их разрешить при помощи инструментария военной силы. Цель представленной статьи – проведение диагностики актуальных изменений в блоковой парадигме международных отношений и осуществление аудита роли войны как следствия и результата такой системы мировоззрения и деятельности основных субъектов сегодняшнего глобального конфронтационного взаимодействия.

Задачи нашего исследования заключаются в следующем:

- выявление сути и содержания противоречий между главными антагонистами нынешней системы миропорядка;
- определение функционального потенциала войны как способа разрешения противоречий между субъектами блокового противоборства;
- оценка степени приемлемости и безальтернативности блоковой парадигмы и войны в качестве ее имманентного ингредиента.

ПРОТИВОРЕЧИЯ КАК СТИМУЛЯТОР ДВУБЛОКОВОГО РАЗДЕЛЕНИЯ И ПРОТИВОБОРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Аксиомой многих конфликтологических теорий новейшей эпохи стало утверждение о том, что противоречие или несовместимость интересов различных акторов социальной жизни выступает, пожалуй, одной из главных причин латентных или открытых столкновений между ними [Mills, 1959; Easton, 1965]. Вместе с тем следование этому постулату не отменяет поиска глубинных оснований происхождения этих противоречий, особенно когда речь заходит о конфликтном взаимодействии сложных институализированных систем. При всем многообразии теорий, объясняющих возникновение войн и вооруженных конфликтов в индустриальную

эпоху, по нашему убеждению, ближе всего к пониманию генезиса глобальных антагонизмов подошли теоретики марксистско-ленинской школы. В качестве триггера возникновения противоречий между государствами они указывали неравномерность хозяйственного развития, и об этом наиболее емко, в частности, высказался И. В. Сталин [Сталин, 1949]. Гетерогенный характер развития хозяйственных систем отдельных государств порождает у них различные уровни притязаний на мировые ресурсы, что, в свою очередь, стимулирует формирование военно-политических коалиций. При эскалации противоречий возникает непреодолимый антагонизм, выходом из которого остается межблочная мировая война. По такому сценарному плану развивались события в начале XX столетия, ознаменовавшиеся жесткой геоэкономической и геополитической конкуренцией двух соперничающих блоков Антанты и Тройственного союза, и завершившиеся Первой мировой войной. Стоит отметить, что экономические императивы, лежавшие в основе межблочных коллизий на заре столетия, оказались довольно устойчивыми и способными порождать рецидивы.

Ренессанс двублоковости случился в 1930–1940-х годах по причине неразрешенных противоречий предыдущего периода. С одной стороны, образовался пул государств со стремительно развивающимися экономиками, но так и не удовлетворивших свой ресурсный голод (к их числу относится Япония) и держав, испытывающих острую нужду в расширении своего *Lebensraum*, прежде всего, Германии. С другой – им оппонировал блок «старых демократий», отстаивавших миропорядок, основанный на Версальско-Вашингтонских условиях, и стремящихся к сохранению позиций *status quo ante bellum*. Итогом означенного противоборства ожидаемо явилась Вторая мировая война. В целом ряде противоречий, обусловивших новое глобальное столкновение, ряд авторитетных исследователей находит не только материальные, но и духовные измерения, что придает великой войне 1939–1945 годов своеобразие [Gouldner, 1970]. В этой войне право на победу отстаивали не только консолидированные по обе стороны военно-мобилизационные комплексы, но и мировоззренческие системы. Со вступлением в войну Советского Союза на стороне западных союзников на поля сражений вышел коммунизм, одолевший фашизм, и предопределивший в противоборстве с либеральной демократией содержание последующей эпохи [Лукиянов, 2007].

Конфликтное противоборство периода холодных войн по структуре субъектности оставалось двублоковым, и по содержанию – в значительной

степени протекало под идеологическими знаменами [Huntington, 1996]. По ряду причин коммунистический блок стран во главе со своим флагманом СССР не выдержал тестирования на разрыв и самоликвидировался. С другой стороны, цикл однополюсной доминанты западных либеральных демократий, фронтменом которых после Второй мировой войны традиционно выступали Соединенные Штаты, тоже оказался не долговечным в масштабах исторического времени, о чем неоднократно предупреждали сами американцы [Brzesinski, 1997; Kissinger, 2014].

К завершению первой четверти XXI столетия мир вновь созрел для материализации новой конфронтационной дихотомии. Нарождающиеся на наших глазах антагонисты условно персонализируются как Глобальный Север и Глобальный Юг во главе со своими лидерами США и Китаем соответственно [Reuveny, Thompson, 2007]. Конфликтной основой взаимоотношений между ними выступает известное противоречие, вытекающее из нелинейности мирового развития. Резкий спрут таких азиатских гигантов, как Китай и Индия, обеспечил им немислимые ранее позиции в мировом производстве и глобальной торговле¹. Значительно поднялись рейтинги этих стран в военной, военно-технической и военно-технологической сферах [Institute for Economics and Peace, 2024]. Данное обстоятельство не могло не сказаться на общемировой ситуации, которая ознаменовалась обострением геоэкономической и геополитической конкуренции. Вместе с тем сущность настоящих антиномий гораздо глубже тех, что наблюдались в не столь давнем прошлом. Данные коллизии зародились и развиваются не в гомогенной или относительно гомогенной среде, но, по сути, олицетворяют собой столкновение двух разных миров, двух разных цивилизационных массивов, выражающих готовность вести борьбу стратегий будущего². Сегодня оба оппонента переживают этап форсированной институционализации с целью формирования организационных основ и ресурсной базы будущих блоков. Глобальный Север укрепляет и наращивает потенциал существующих организаций ЕС и НАТО и дополняет их новыми структурами вроде AUKUS и QUAD. Глобальный Юг отвечает взаимностью – наполняет реальным содержанием

¹International Monetary Funds. World economic outlook database. 2023, April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April/groups-and-aggregates> (дата обращения: 24.02.2025).

²Rush D., Chen Weiss J., Steinberg J.B., Heer P., Pottinger M., Gallagher M. What does America wants from China? Discussion of Washington's strategy and the end of the competition// Foreign Affairs. 2024, May 30. URL: <https://www.foreignaffairs.com/responses/what-does-america-want-china-matt-pottinger-rush-doshi?> (дата обращения: 24.02.2025).

БРИКС, ШОС, ОДКБ, а также выстраивает ситуативные геополитические союзнические конструкции, например, по линии Китай – Россия – Иран¹. При этом каждая из сторон рассматривает внутриблочную консолидацию в качестве средства усиления собственных геополитических позиций, а межблочное противостояние – как способ разрешения комплекса противоречий с оппонентом.

РЕСУРС ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ МЕЖБЛОКОВОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Логика развития событий, характерная для предшествующего периода истории, сегодня указывает на растущую апелляцию обозначившихся соперников к новому глобальному *ultima ratio regis*. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые императивные признаки. К числу таковых можно отнести очевидную деградацию ситуации, означающую постоянное качественное ухудшение международных отношений. За четверть века с небольшим человечество претерпело две болезненные ломки системы глобального миропорядка, сегодня переживает очередной стресс, связанный с зарождением новой биполярности и сопровождающийся деструкцией и стохастичностью². Другим свидетельством начавшегося движения в сторону конфронтационной повестки становится возвращение военной силы в инструментарий политики. В текущем периоде распада однополярности и последующей хаотизации вооруженное насилие будет рассматриваться как средство упрочения геополитических позиций и решения задач национально-государственной безопасности [Kashin, Sushentsov, 2024]. Этим инструментом уже воспользовался ряд стран и влиятельных региональных негосударственных акторов. Наконец, сами войны стали расти в своем числе после эпохи относительной стабильности, последовавшей за распадом системы социализма и СССР, о чем в своих наблюдениях отмечают специалисты Международного института стратегических исследований [Mia et al., 2023]. Среди наиболее резонансных эпизодов последнего времени можно выделить армяно-азербайджанскую войну, военное вторжение Турции в Сирию и Ирак, российско-украинскую вооруженную конфронтацию, силовое противостояние Израиля и ХАМАС, растущую напряженность вокруг

попыток Китая реинтегрировать Тайвань. По своим масштабам эти войны и конфликты не выходят за рамки локальности, вместе с тем их опасная концентрация в сжатые сроки напоминает *alerte militaire*, предшествовавшие первому и второму глобальному конфликту в XX столетии.

Сущностным обстоятельством момента является обладание оружием массового уничтожения некоторыми участниками текущего конфликтинга. С одной стороны, ядерный фактор служит средством сдерживания для сторон, не позволяя ситуации выйти из-под контроля и подвести планету и социум к роковой черте. С другой – антагонистические субъекты вынуждены искать новые формы противоборства, не отказываясь при этом от самой идеи войны как способа разрешения коллизий. Речь может идти о войнах неклассического типа или войнах новой эпохи. Дж. МакКуэн описывает этот феномен в терминах гибридной борьбы, где сочетаются элементы экономического, торгового, финансового, политико-дипломатического, информационно-психологического давления на противника. Боевые действия и прямое вооруженное столкновение рассматриваются лишь как финальная и вовсе не обязательная фаза такой схватки [McCuen, 2008]. Стратегический контекст гибридной войны основывается на методах выматывания противника в процессе длительной конфронтации под воздействием всех перечисленных способов прессинга, в результате чего объект гибридной агрессии теряет способность управлять собственными системами жизнеобеспечения и безопасности, а население деморализуется. Финальной точкой гибридных стратагем считается либо демонтаж политической системы противника невоенными способами (чаще всего при помощи «цветных» технологий), либо вооруженное столкновение [Сивков, Соколов, 2023].

Аксиоматика политического анализа текущей ситуации указывает на то, что войны гибридного типа особенно с акцентом на экономические аспекты противоборства будут востребованы и начнут превалировать в ракурсе разворачивающейся блоковой динамики³. Вместе с тем не существует таких аналитических методик, которые позволили бы точно прогнозировать течение самой этой динамики. Так, например, не только гибридные операции, но даже локальные вооруженные конфликты на какой-либо стадии вполне могут перерасти в баталию глобального формата. Осознание частичной управляемости или возможности

¹Kuo M.A. The China-Iran-Russia triangle: alternative world order?// The Diplomat. 2022, July 7. URL: <https://thediplomat.com/2022/07/the-china-iran-russia-triangle-alternative-world-order/> (дата обращения: 24.02.2025).

²Brands H. "America First" World // Foreign Affairs. 2024, May 31. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/america-first-world?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign (дата обращения: 24.02.2025).

³Mattis J.N., Hoffman F. Future Warfare: The rise of hybrid wars// US Naval Institute proceedings magazine. 2005, November. Vol. 131/11/1,233. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november> (дата обращения: 24.02.2025).

полной инверсии военной динамики заставляют задумываться о способах избежать фатальности дихотомической расчлененности мира с высоким риском начала Третьей мировой войны.

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ВОЗМОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ МИРА И АНТИТЕЗА ГЛОБАЛЬНОМУ КОНФЛИКТУ

Нынешняя мировая политика представляет собой некое пространство открытых решений, принятие которых глобальными лидерами зависит от массы объективных и субъективных факторов. Безусловно, имеется имманентная человечеству тяга к использованию силы для решения проблем, обозначенная Протагором тысячелетия назад в формуле *naturalia non sunt turpia*. Иными словами, политические администрации, представляющие социум, всегда будет склоняться к вооруженному выяснению отношений между собой. С другой стороны, существует масса ограничений для развязывания глобальных войн. Помимо упомянутого выше риска тотального самоуничтожения в случае ядерной катастрофы имеются и другие ресурсные лимиты. Например, чтобы подготовить экономику страны к большой войне, необходимо осуществить масштабную милитаризацию всего национального хозяйственного комплекса, что не так просто реализовать. В частности, блок НАТО, вознамерившийся оказывать военную помощь Украине в ее конфронтации с Россией, с недоумением обнаружил, что ежедневный расход артиллерийских снарядов превышает производственные возможности стран-союзников, а наращивание их выпуска может занять годы¹. Еще сложнее обеспечить морально-психологическую готовность населения своей страны воевать, т. е. сформировать «нацию войны». Для этого потребуются изменить культурно-идеологический контекст в обществе и произвести подлинную революцию в массовом сознании. Пока же, как свидетельствуют статистические выкладки Института Гэллапа, к такому резкому изменению привычного образа жизни не готова подавляющая часть обитателей стран Глобального Севера².

Существующие ограничения, конечно же, сужают пространство войны, но не отменяют причин ее порождающих. В конце концов дефицит

производственных мощностей можно рано или поздно преодолеть, как и попытаться адаптировать массовые и социальные реакции к «новой нормальности». Однако признавая перманентность противоречий как неотъемлемой части человеческого бытия, едва ли возможно элиминировать вероятность постоянной ревитализации дихотомических практик и образов мышления в мировой политике, почти неизбежно ведущих к военной эскалации. Избегая спекулятивных аналитических оценок и футурологических конструктов, можно предположить наличие разрыва такого *circle of sansara*. Мультиполярная модель миропорядка как альтернатива биполярности представляется вполне осязаемой среднесрочной перспективой. Достижимость мироустройства по этому принципу поддерживается приверженностью ему довольно внушительного числа симпатизантов из числа стран G20. Большинство стран Глобального Юга плюс Россия вовсе не стремятся к императивной конфронтации с кем-либо, но и не приемлют одностороннего диктата извне³. Они скорее согласились бы с системой взаимоотношений, построенной на равноправии без чьего-либо примата. Им более бы импонировал, мир, основанный на справедливом распределении ресурсов и знаний, мир взаимовыгодного сотрудничества и развития, мир общей для всех безопасности⁴. Диверсификация силы и влияния в мире, помноженная на консенсусный принцип принятия судьбоносных решений, позволили бы в мультиполярной конструкции поддерживать некое равновесие и в дальнейшем возможно даже блокировать кумулятивный эффект, связанный с безграничной концентрацией власти и ведущий к бесконтрольности и произволу. Становление новой системы международных отношений пока еще выглядит умозрительно, и в модели будущего нет какой-либо предопределенности – потребуется много согласованных усилий и воли. Придется пройти период болезней роста, чреватый в том числе всплесками вооруженного насилия, поскольку потенциальные полюса только формируют свои периферийные зоны и по их кромкам могут возникать очаги конфликтов как это сегодня, например, происходит с Китаем и Индией в районе Тибета.

Между тем в глобальном контексте вероятность наступления третьего и скорее всего последнего мирового апокалипсиса в мультиполярном мире

¹Stoltenberg J. NATO chief: West must brace to support Ukraine in a long war// The Guardian. 2023, March 22.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/mar/22/jens-stoltenberg-nato-chief-west-support-ukraine-for-long-war> (дата обращения: 24.02.2025).

²Gallup International. Fewer people are willing to fight for their country compared to ten years ago. 2024, March 11. URL: <https://www.gallup-international.bg/en/48127/fewer-people-are-willing-to-fight-for-their-country-compared-to-ten-years-ago/> (дата обращения: 24.02.2025).

³Си Цзиньпин. Упорно двигаться вперед, к новым перспективам дружбы, сотрудничества и совместного развития Китая и России // Российская газета. 2023, 20 мая.

⁴Путин В.В. Интервью Такеру Карлсону// Официальное интернет-представительство Президента России. 2024, 9 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 24.02.2025).

будет гораздо ниже, чем при биполярном устройстве. Ведь равенство в правах и паритетность означает еще и равенство ответственности, причем солидарной. В случае осознания этой максимы ведущими глобальными и региональными лидерами война как инструмент политики и способ разрешения противоречий будет постепенно вымываться из практики межгосударственных отношений и возможно в долгосрочной перспективе вовсе уйдет с горизонта стратегического планирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение авторы сочли возможным кратко поделиться основными результатами своих суждений. Авторы выражают уверенность в том, что гетерогенность социального развития неизбежно порождает противоречия между государствами и их системами. На протяжении Новой и особенно Новейшей истории одним из способов разрешения таких коллизий была война, дважды переходившая в свою глобальную фазу. Ключевым конфликтотогенным фактором, стимулировавшим военную эскалацию, можно назвать блоковое размежевание государств и непримиримое соперничество между такими блоками. В нынешних условиях, которые можно диагностировать как период ревизии однополярности, вызревают условия для формирования новой двублоковости со всеми вытекающими для мира трагическими последствиями. Глобальные соперники условные Север и Юг накопили сумму противоречий, которую пытаются разрешить путем внутривблоковой консолидации и последующего взаимного военного столкновения. Неготовность сторон в моменте применять военную силу против антагониста не отменяет самой

идеи глобальной войны и стимулирует оппонентов к поиску инновационных, неклассических форм силового противоборства. Авторы акцентируют внимание на ненадежности такого подхода из-за риска инверсии событий под воздействием неограниченного числа факторов. Альтернативой блоковости и межблоковому противостоянию, чреватой войной, могла бы послужить мультиполярная модель миропорядка, последовательно отстаиваемая некоторыми глобальными акторами на международных площадках. По своей структуре эта модель может быть сколь угодно сложной: от трицентричной (США, Китай, Россия) и квадрупольной (США, Китай, Россия, Индия) до полицентричной в составе нынешних региональных центров силы и влияния с их периферией. Пока эта модель только начинает обретать собственные контурные линии и ее окончательный рисунок не вполне ясен. Вместе с тем, по убеждению авторов данного исследования, многополярность с заложенными в ее основание принципами многообразия, равноправия и децентрализации предоставляет ведущим субъектам мировой политики больше вариантов для выбора и сбалансированного использования способов конкуренции и соперничества между собой, нежели жестко ориентированная на силовое отстаивание лидерских прав блоковыми конструктами биполярность. Диверсификация силы, влияния, ресурсного потенциала и знаний среди множества субъектов полюсности позволит со временем выйти из плена двумерного мировосприятия и поможет если не войну как способ разрешения противоречий из публично-политического поля, то, по крайней мере, существенно усложнить использование этого *remedium certum habeo* в арсенале мировой практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mills C. W. The sociological imagination. Oxford: Oxford University Press, 1969.
2. Easton D. A systems analysis of political life. New York: Wiley, 1965.
3. Сталин И. В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 февраля 1937 г. и 9 февраля 1946 г. Москва: Госполитиздат, 1949.
4. Gouldner A. W. The coming crisis of Western sociology. New York: Basic Books, 1970.
5. Лукьянов В. Ю. Идеология как фактор формирования системы международных отношений в XX веке (основные этапы) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 132–138.
6. Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. New York: Simon and Shuster, 1996.
7. Brzezinski Z. K. The grand chessboard. New York: Basic Books, 1997.
8. Kissinger H. A. World order. New York: Penguin Press, 2014.
9. Reuveny R. X., Thompson W. The North-South divide and international studies: A Symposium 1 // International Studies Review. 2007. Vol. 9. № 4. P. 556–564.
10. Institute for Economics and Peace. Contemporary trends in militarisation: Exploring military capacity and capability. Sydney: Institute for Economics & Peace, 2024.

11. Kashin V. B., Sushentsov A. A. Warfare in a New Epoch: The return of Big Armies // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22 (1). P. 32–56.
12. Mia I. et al. *The Armed Conflict Survey 2023* / I. Mia, B. Petrini, E. Hokayem, N. Gould-Davis, A. Levesques, J. Raine. London: The International Institute for Strategic Studies, 2023.
13. McCuen J. Hybrid Wars // *Military review*. 2008. Vol. 88. № 2. P. 107–113.
14. Сивков К. В., Соколов К. Н. Гибридная война. М.: Наше завтра, 2023.

REFERENCES

1. Mills, C. W. (1969). *The sociological imagination*. Oxford: Oxford University Press.
2. Easton, D. (1965). *A systems analysis of political life*. New York: Wiley.
3. Stalin, I. V. (1949). Rechi na predvybornih sobraniyah izbirateley Stalinskogo izbiratel'nogo okruga goroda Moskvy 11 fevralja 1937 goda i 9 fevralja 1946 goda = Speeches at pre-election meetings of voters of the Stalin electoral district of Moscow on 11 February 1937 and 9 February 1946. 11 February 1937 and 9 February 1946.. Moscow: Gospolitizdat (In Russ.).
4. Gouldner, A. W. (1970). *The coming crisis of Western sociology*. New York: Basic Books.
5. Lukyanov, V. Yu. (2007). Ideologija kak faktor formirovanija sistemy mezhdunarodnih otnoshenij v XX veke (osnovnie etapy) = Ideology as a factor in shaping the system of international relations in the twentieth century (main stages). *Nauchno-tehnicheskij vestnik informacionnih tehnologiy, mehaniki i optiki*, 36, 132–138. (In Russ.)
6. Huntington, S. P. (1965). *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon and Shuster.
7. Brzezinski, Z. K. (1997). *The grand chessboard*. New York: Basic Books.
8. Kissinger, H. A. (2014). *World order*. New York: Penguin Press.
9. Reuveny, R. X., Thompson, W. (2007). The North-South divide and international studies: A Symposium 1. *International Studies Review*, 9(4), 556–564.
10. Institute for Economics and Peace (2024). *Contemporary trends in militarisation: Exploring military capacity and capability*. Sydney: Institute for Economics & Peace.
11. Kashin, V. B., Sushentsov, A. A. (2024). Warfare in a New Epoch: The return of Big Armies. *Russia in Global Affairs*, 22(1), 32–56.
12. Mia I. et al. (2023). *The Armed Conflict Survey 2023* / I. Mia, B. Petrini, E. Hokayem, N. Gould-Davis, A. Levesques, J. Raine. London: The International Institute for Strategic Studies.
13. McCuen J. (2008). Hybrid Wars. *Military review*, 88(2), 107–113.
14. Sivkov, K. V., Sokolov, K. N. (2023). *Gibridnaja vojna = Hybrid warfare*. Moscow: Nashe zavtra (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лобанов Константин Николаевич

доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры международных отношений, зарубежной регионалистики и политологии
Белгородского государственного научно-исследовательского университета. ORCID: 0009-0001-7653-8937

Вукчевич Неманя

кандидат социологических наук, научный сотрудник
Белградского Института международной политики и экономики. ORCID: 0000-0003-3682-3888

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin N. Lobanov

Doctor of Political Science (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor of the Department of International Relations
Foreign Regionalism and Political Science, Belgorod State Research University. ORCID: 0009-0001-7653-8937

Vukčević Nemanja

PhD (Sociology),
Researcher, Institute of International Politics and Economics
Centre for Eurasian Studies, Belgrade, Republic of Serbia. ORCID: 0000-0003-3682-3888

Статья поступила в редакцию	08.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	16.09.2024	
принята к публикации	14.03.2025	



Особенности формирования американо-мексиканской границы

С. В. Толоченко

*Московский государственный лингвистический университет
Российский университет транспорта, Москва, Россия
tolochenko.sofiya@yandex.ru*

Аннотация. Формирование американо-мексиканской границы можно охарактеризовать как противоречивый, сложный процесс и для Соединенных Штатов, и для Мексики. До обретения Мексикой независимости США граничили с Испанской империей, которая, в свою очередь, не была заинтересована в том, чтобы сделать своими северными территориями мексиканские земли. У Испании не было такой интенции ввиду ее климатических особенностей. Отсутствие должной вовлеченности со стороны Испании в развитии данной колонии повлекло за собой приток другого актора, более деятельного, а именно – США. В исследовании мы рассматриваем истоки американо-мексиканских отношений. Были изучены ключевые события с помощью исторического метода, метода контент-анализа и ивент-анализа и проведены работы с документами. Для понимания современного политического контекста во взаимоотношениях двух государств анализируется широкая юридическая база (на примере договора Гуадалупе-Идальго, а также Трансконтинентального договора); проанализированы ключевые особенности, такие как обретение Мексикой независимости; американо-мексиканская война (1846–1848); присоединение Флориды и Техаса, которые повлияли на формирование американо-мексиканской границы. Изначально частно-колониальный характер процесса заселения северных мексиканских территорий постепенно перерос в экспансию со стороны США. При этом в правительственных кругах находилось и немало противников данной политики, что впоследствии вылилось в военное столкновение внутри самих Соединенных Штатов. Исторические факты в контексте современных дискуссий, связанных с иммиграционной политикой и безопасностью, продолжают оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений.

Ключевые слова: международные отношения, граница, Мексика, США, экспансия, мигранты, Техас, приграничные территории

Для цитирования: Толоченко С. В. Особенности формирования американо-мексиканской границы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 92–97.

Original article

The Peculiarities of the formation of the U.S.-Mexican border

Sofia V. Tolochenko

*Moscow State Linguistic University
Moscow Russian University of Transport, Moscow, Russia
tolochenko.sofiya@yandex.ru*

Abstract. The formation of the US-Mexico border can be described as a controversial and complex process for both the United States and Mexico. Before Mexico gained independence, the United States bordered the Spanish Empire at that time, which, in turn, was not interested in its northern territories of Mexican lands due to climatic features. The lack of proper involvement on the part of Spain in the development of this colony led to the influx of another, more active actor, namely, the United States.

This study examines the origins of U.S.-Mexican relations. According to the article, key events were studied by using the historical method, the method of analysis, namely content analysis and event analysis, as well as working with documents. To understand the current political context in the relations between the two states, a broad legal framework is analysed (using the example of the Guadalupe Hidalgo Treaty, as well as the Transcontinental Treaty). Based on the results of the study, key features were analysed – such as Mexico's independence, the Mexican-American War of 1846–1848, the annexation of Florida and Texas – which influenced the formation of the US-Mexican border. Thus, the initially private colonization process of the settlement of the northern Mexican territories gradually developed into expansion by the United States. At the same time, there were many opponents of this policy in government circles, which subsequently resulted in a military clash within the United States itself. Historical facts in the context of modern discussions related to immigration policy and security continue to influence foreign policy decisions.

Keywords: international relations, border, Mexico, U.S., expansion, migrants, Texas, borderlands

For citation: Tolochenko, Sofia. (2025). The Peculiarities of the formation of the U.S.-Mexican border. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 92–97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современная граница США и Мексики насчитывает более 3 тыс. км: восточный участок границы – это длинная река Рио-Гранде, которая отделяет американский штат Техас от нескольких мексиканских штатов. Западный участок – это сухопутная граница, отделяющая Мексику от американских штатов Нью-Мексико, Аризона и Калифорния. Однако все эти территории не являются исконно американскими, что делает процесс формирования американо-мексиканской границы сложным и неоднозначным.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАНИЦЫ

Мексика, еще до обретения своей независимости, имела в своих владениях обширные территории западной части Северной Америки, которые на сегодняшний день принадлежат Соединенным Штатам. Однако так было далеко не всегда. Будучи испанской колонией, Мексика, а точнее ее северные территории (нынешние территории США – Калифорния, Аризона, Техас и т. д.) не были интересны испанским колонизаторам, так как были засушливыми и не густонаселенными. Тем не менее в 1749 году Хуниперо Серра – испанский священник, также известный как «отец Калифорнии» – вместе с другими священниками отправились в экспедицию в Новую Испанию (Мексику) с целью исполнения священных миссий [Carrera Augusto, 1991] и приобщения коренных народов к христианству. Священнику удалось применить навыки, которые помогли ему в дальнейшем распространить религиозные ценности в северных

землях Новой Испании (Мексики). Хуниперо Серра смог овладеть языком местных индейцев (памес) и таким образом, перевести нужные для населения знания: он передал семена местным жителям, научил женщин ткать и прясть; собрав индейцев в коллективные хозяйства, смог научить торговать их излишками выращенного урожая.

Позднее, в 1767 году более десяти членов Ордена францисканцев также отправились в экспедицию в Калифорнию [Carrera Augusto, 1991], со схожими целями и мотивами, во многом опасаясь распространения влияния России, которая имела на тот момент успех в своих поселениях на Аляске [Гринев, 2012]. При этом отметим, что США до обретения своей независимости имели протяженную границу, прежде всего, со странами колонизаторами, в этот список входила не только Испания, но и Франция, и Великобритания [Миньяр-Белоручев, 2013].

В 1819 году между Испанией и США был подписан Трансконтинентальный договор, известный как Договор Адамса–Ониса: он стал важным документом, определяющим границы между двумя государствами. По договору граница проходила от Мексиканского залива до Тихого океана. В состав США вошла Флорида. При упоминании Договора Адамса – Ониса часто упоминается также и о «покупке Флориды», однако формально такой покупки в договоре зафиксировано не было. Испанское королевство добровольно отдало территорию Флориды в обмен на выплату компенсации – около 5 млн долл. США, при этом компенсация была выплачена США своим же гражданам за ущерб, нанесенный Испанией [Болховитинов, 1985]. Трансконтинентальный договор был успешным с точки зрения американской дипломатии. Как сам впоследствии писал американский дипломат Дж. К. Адамс, «признание определенной

пограничной линии вплоть до Южного моря составляет великую эпоху в нашей истории. Первое предложение этой линии в переговорах было сделано мною» [Vemic, 1969, с. 340].

Позднее предпринимались активные попытки колонизировать и Техас. Так, например, американскому предпринимателю Мозесу Остину в 1821 году выдали разрешение на въезд около 300 семей американских переселенцев¹. Вместе с тем местные власти также приняли ряд законов, которые способствовали развитию благоприятных условий для притока колонистов из других стран, например, прибывающие могли приобрести землю по более низким ценам, чем в США. Планировалось, что такой подход обеспечит бы увеличение потока переселенцев из Европы. Однако именно американские жители составили большинство переселенцев на новые территории.

После обретения в 1821 году Мексикой независимости власти «забили тревогу» в связи с возможной потерей Техаса. Предпринятые меры местного правительства, такие как декрет об отмене рабства на территории Мексики от 15 сентября 1829 года [Olveda Legaspi, 2013] и издание закона годом позднее, запрещавшего колонистам из США поселяться в Техасе и, соответственно ввозить рабов², активно игнорировались. Национальный конвент Техаса 2 марта 1836 года провозгласил свою независимость, что было зафиксировано в декларации. В соответствии с этим фактом граница между Техасом и Мексикой также должна была быть закреплена отдельным документом.

Благодаря такому сценарию США расширили свои экспансионистские взгляды на проблему границы с Мексикой, хоть и действовали они с осторожностью. В 1837 году США провозгласили независимость Техаса [Weber, 1982], тогда президент США Эндрю Джексон назначил Алке Ла Бранша министром в Техасе. Весной 1837 года Техас подал обращение о вхождении в состав Штатов, но в результате получил отказ. Правительство Соединенных Штатов опасалось, что вхождение Техаса в состав государства повлекло бы за собой полномасштабные военные действия между США и Мексикой, что впоследствии и произошло. Мексика всё еще не признавала независимость Техаса, тем самым подвергнув сомнению тогдашнюю мексикано-американскую границу. Граница простиралась вдоль реки Рио-Гранде до истока и затем

двигалась на север до 42° с.ш.³. Такое расширение мексиканскими властями не признавалось.

Вопрос границей оставался неопределенным: в 1838 году была принята конвенция о демаркации государственной границы, которая опиралась на договор с Мексикой от 1828 года, но ясности это не внесло, так как не было обозначено, какие территории входили в состав Техасской республики.

В 1940-е годы активизировалось направление в отношении Калифорнии. Было зафиксировано около тысячи новых переселенцев на калифорнийской территории, что говорило о «частно-колонизационном характере» этого процесса [Миньяр-Белоручев, 2013].

Позднее, в 1844 году, когда отношения между Мексикой и США достигли своей крайней точки, американское правительство во главе с Джоном Тайлером несколько раз предложило Мексике сделку о покупке Техаса. Однако все попытки совершить означенную сделку провалились. Тогда мексиканский посланник Альмонте объявил, что мексиканское правительство расценит договор об аннексии Техаса как акт агрессии. Это будет равносильно эскалации в двусторонних отношениях, а значит, объявление войны [Callahan, 1932].

Уже в 1845 году американская сторона была настроена на переговоры в более острой фазе, при этом влиятельные группы Мексики, такие как армия и Церковь, предприняли попытку отстоять территории. В сентябре того же года произошел государственный переворот: позиция была однозначной – отстаивание территориальной целостности Мексики.

Позднее началась американо-мексиканская война, которая продлилась два года (1846–1848). Победу одержали американские войска, которые смогли оккупировать мексиканскую столицу. 2 февраля 1848 года был заключен мирный договор Гуадалупе – Идальго. Соединенным Штатам удалось приобрести около 1,2 млн км² мексиканской территории за 15 млн долл. Мексиканские территории, которые получили США, включали в себя земли современной Калифорнии, Аризоны и Нью-Мексико⁴. Этот договор стал триумфом американской экспансии, увенчавшийся приобретением богатств и утверждением статуса континентальной державы. Вашингтон не только получил плодородные и богатые ресурсами территории, но также получил возможность стимулировать экономический рост, что послужило мощным импульсом

¹Wallace E., Vigness D. M., Ward G. B. (Eds.). (2002). Documents of Texas History. Austin: Texas State Historical Association.

²Winders, Bruce The Law of April 6, 1830. 2017. = Уиндерс, Брюс Закон от 6 апреля 1830 г. 2017.

³Wallace E., Vigness D. M., Ward G. B. (Eds.). (2002). Documents of Texas History. Austin: Texas State Historical Association.

⁴The National Archives <https://www.archives.gov/education/lessons/guadalupe-hidalgo#documents> (дата обращения: 07.03.2025).

развития западных штатов и укрепило геополитическое положение Америки на континенте.

Для Мексики Гвадалупский договор стал национальной трагедией. Потеря почти половины своей территории сильно отразилось на самосознании мексиканского народа. Утрата обширных земель лишила Мексику важных ресурсов и заметно осложнила и без того проблемную экономическую ситуацию. Страна вновь погрузилась в период политической нестабильности и экономического кризиса, который воспрепятствовал формированию национального проекта.

Однако, несмотря на заключение договора, граница между Мексикой и США была сформирована не сразу. Это было связано во многом с неточностью предоставляемых Мексикой карт. Кроме того, споры возникали и вокруг особой территории – долины Месилья, которая являлась наиболее удобной локацией для строительства трансконтинентальной железной дороги [Rebert, 2001].

После переговоров мексиканская сторона пошла на уступки, которые позволили американской стороне осуществить строительство железной дороги, при этом американская сторона обязалась заплатить 15 млн. долл. С геополитической точки зрения сделка оказалась выгодной для США, так как удалось получить территорию в два раза больше заявленной. Позднее споры в самом Сенате в США (напомним, что многие были против экспансии США в отношении мексиканского региона) позволили Мексике вернуть одну пятую территории и сократить выплату до 10 млн. долл. Так, договор закрепил изменение между Рио-Гранде и Колорадо. Договор, подписанный в 1853 году, определил границу между двумя государствами уже более точно и не подразумевал привязку к конкретной географической карте.

Таким образом, граница между США и Мексикой была закреплена юридически, что обозначало завершение этапа формирования американо-мексиканской границы. США получили около 55 % мексиканской территории, что стало трактоваться как успех американской дипломатии, а для некоторых «доказательством того, что Бог избрал Соединенные Штаты для роста и процветания» [Пантюхина, 2018, с. 120].

НОВАЯ ГРАНИЦА – НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Присоединение новых территорий к США подразумевало решение демографического хаоса, возникшего на исконно мексиканских землях спустя десятилетия. На бывших мексиканских территориях проживало около 100 тыс. мексиканцев

[Пантюхина, 2018]. Им был предоставлен выбор: вернуться в Мексику или остаться в США, сохраняя при этом мексиканское гражданство; остаться в США и в итоге получить американское гражданство. Учитывая экономическую ситуацию, сложившуюся в Мексике, большинство мексиканцев остались в Соединенных Штатах [Keller, 2016].

Договор Гуадалупе – Идальго предоставлял мексиканцам гарантии, иммунитеты и привилегии гражданства, но на деле они столкнулись с дискриминационной политикой на всех уровнях. По мнению Т. В. Пантюхиной, «они стали этническим меньшинством и не пользовались конституционными гарантиями как доминирующее население» [Пантюхина, 2018, с. 120].

Важно отметить, что мексиканцы, оставшиеся на новоприсоединенных территориях США, смогли «оказать большую услугу» Штатам: территории стали густонаселенными и предоставляли Америке новую рабочую силу, в которой она нуждалась. Бывшим гражданам Мексики также удалось передать знания о таких сферах, как фермерство, горнодобывающий сектор, ранчо, строительство каналов, железных дорог. Мексиканцы добывали полезные ископаемые, золото, медь; занимались строительством стратегически важных и инфраструктурных проектов для государства.

Мексиканские власти стремились добиться возвращения своих граждан обратно на родину. Для этого они создавали, например, различные программы репатриации. Подразумевалось, что мексиканские граждане, получившие негативный опыт пребывания в США, стали бы более лояльны к местному правительству и соответственно негативно настроены к американским властям.

После американо-мексиканской войны около 25 % мексиканцев, происходивших из территорий, присоединенных к США, вернулись на родину, что говорило об успехе национальной политики Мексики [Hernández, 2012]. Для северных территорий Мексики эти граждане стали важнейшим источником необходимых знаний в сфере строительства железных дорог и шахт.

Но если мексиканские власти еще пытались создать достойные условия для прибывающих мексиканцев, то ситуация вокруг коренных народов Америки сложилась крайне противоречивая. Конфликты и войны происходили на приграничных территориях еще около 30 лет, причем как со стороны США, так и со стороны Мексики. Такие североамериканские коренные народы, как команчи и апачи, были сломлены во второй половине XIX века.

Этому способствовало несколько причин: 1) техническая оснащенность и доступ к вооружению как США, так и мексиканского правительства;

2) отсутствие единства между команчи и апачами. Часто эти племена воевали между собой, а также с другими коренными народами; 3) несмотря на подписанные договоры между США и Мексикой и коренными народами, условия не соблюдались. Индейцы подвергались преследованиям и насильственным действиям, что снижало их численность.

Таким образом, приграничные территории, исходно населенные преимущественно коренными индейцами, перешли во владение США. Более того, они стремительно испытали на себе перемены этнического и социального ландшафта.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Южные территории для неиспанских европейцев представляли собой дешевую землю с хорошей плодородной почвой, а значит, экономическую перспективу для дальнейшего роста. Это послужило одним из ключевых факторов переселения американцев на Юг.

Власти Мексики не обладали политическим стержнем и необходимыми ресурсами для эффективного управления обширными приграничными территориями и обеспечения безопасности населения. Слабая административная система и экономические проблемы усугубляли ситуацию, создавая благоприятную почву для американской экспансии. Кроме того, внутренние конфликты и политическая нестабильность в самой Мексике еще более ослабляли ее позиции.

Однако приход американских частных колонизаторов сопровождался не просто покупкой земли и дальнейшей ее эксплуатацией, но и внедрением американской культуры, а далее – ее

распространением на новых территориях. Главенствующую позицию занимал английский язык, американские законы и институты заменили мексиканские, а экономика региона ориентировалась на потребности американского рынка. Этот культурный сдвиг привел к значительным потерям мексиканской культуры и традиций в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демографическая трансформация приграничных территорий в XIX веке была не просто случайным процессом, а результатом сложного взаимодействия миграции, военных конфликтов, политической нестабильности и экономического развития.

Таким образом, формирование американо-мексиканской границы сопровождалось рядом особенностей: первоначально ее формирование носило частно-колонизационный характер. Позднее частнопредпринимательские мотивы приобрели более радикальный характер, что говорит о проведении полноценной экспансионистской политики США. Вместе с тем такой стремительный внешнеполитический курс США в отношении новой границы был одобрен не всеми: северные штаты во многом были против экспансии на Юг, в частности, из-за рабства как социального зла, что привело к дальнейшей внутривнутриполитической эскалации, которая впоследствии выльется в самое кровопролитное событие для США – Гражданскую войну. Что касается мексиканской стороны, то как государство она потерпела политическое фиаско: наблюдался массовый отток населения в США, Мексика испытывала экономические трудности, а последствия из-за потерь территорий отражаются на международном имидже государства до сих пор.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Carrera Augusto, F. Beato Junípero Serra. Apóstol y paladín de California // P. R. Ballan. Misioneros de la primera hora. Grandes evangelizadores del Nuevo Mundo. Lima, 1991. P. 229–236.
2. Гринев А. В. Внешняя угроза Русской Америке: миф или реальность // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 108–124.
3. Миньяр-Белоручев К. В. Экспансия США и формирование американо-мексиканской границы. 1821–1854 гг. // Via in tempore. История. Политология. 2013. №15 (158). С. 65–73.
4. Болховитинов Н. Н. Оккупация Флориды Э.Джексоном и договор 1819 года // Американский экспансионизм: Новое время. М.: Наука, 1985. С. 29–49.
5. Bemis S. F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N. Y., 1969. P. 300–340.
6. Olveda Legaspi, Jaime. La abolición de la esclavitud en México, 1810–1917 Signos Históricos, núm. 29, enero-junio, 2013, pp. 8-34. Universidad Autónoma Metropolitana Unidad Iztapalapa Distrito Federal, México.
7. Weber D. J. The Mexican frontier, 1821–1846: the American Southwest under Mexico, University of New Mexico Press. 1982.
8. Callahan J. M. American Foreign Policy in Mexican Relations. N. Y., 1932. P. 130–131.
9. Rebert P. La Gran Línea: Mapping the United States-Mexico Boundary, 1849–1857. Austin (Tex.), 2001. P. 5–9.

10. Пантюхина Т. В. Американско-мексиканская граница: история формирования в контексте континентальной экспансии США XIX века. Гуманитарные и юридические исследования. 2018. # 3. P. 116–121.
11. Keller R. U.S. – Mexican Relations from Independence to the Present // Oxford Research Encyclopedia of American History. 2016. DOI <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199329175.013.269>.
12. Hernández J. A. Mexican American Colonization during the Nineteenth Century: A History of the U.S.-Mexico Borderlands. New York: Cambridge University Press, 2012.

REFERENCES

1. Ballan, P. R. (Ed.) (1991). Apóstol y paladín de California / Carrera Augusto, F. Beato Junípero Serra. In Misioneros de la primera hora. Grandes evangelizadores del Nuevo Mundo (pp. 229–236). (In Spanish)
2. Grinev, A. B. (2013). External threat to Russian America: myth or reality. *New and Modern History*, 3, 108–124. (In Russ.)
3. Minyar-Beloruhev, K. V. (2013). U.S. expansion and the formation of the U.S.-Mexican border. 1821–1854. In *Via in tempore. History. Political Science*, 15(158), 65–73. (In Russ.)
4. Bolkhovitinov, N. N. (1985). Okkupacija Floridy Je. Dzheksonom i dogovor 1819 goda = Occupation of Florida by E. Jackson and the Treaty of 1819. *American Expansionism: New Times* (pp. 29–49). Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Bemis, S. F. (1969). John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy (pp. 300–340). N. Y.
6. Olveda Legaspi, J. (2013). The Abolition of Slavery in Mexico, 1810–1917. *Historical Signs*, 29, 8–34. The Metropolitan University of Iztapalapa, Federal District, Mexico.
7. Weber, David J., *The Mexican frontier, 1821-1846: the American Southwest under Mexico*, University of New Mexico Press. 1982.
8. Callahan J. M. (1932). *American Foreign Policy in Mexican Relations*. N. Y.
9. Rebert, P. (2001). *La Gran Línea: Mapping the United States-Mexico Boundary, 1849–1857* (pp. 5–9). Austin (Texas.)
10. Pantyukhina, T. V. (2018). American-Mexican border: the history of formation in the context of the continental expansion of the USA of the XIX century. *Humanities and Law research*, 3, 116–121. (In Russ.)
11. Keller, R. U.S. – Mexican Relations from Independence to the Present. *Oxford Research Encyclopedia of American History*. 2016. DOI <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199329175.013.269>.
12. Hernández, J. A. (2012). *Mexican American Colonization during the Nineteenth Century: A History of the U.S.-Mexico Borderlands*. New York: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Толоченко Софья Вадимовна

аспирант

кафедры международных отношений и внешней политики России

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

ассистент и преподаватель

кафедры международных отношений и геополитики транспорта

Российского университета транспорта

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tolochenko Sofia Vadimovna

Postgraduate Student

Department of International Relations and Foreign Policy of Russia

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Assistant and Lecturer

Department of International Relations and Geopolitics of Transport

Moscow Russian University of Transport

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.12.2024
24.01.2025
14.03.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 316.347



Проявление национальных особенностей украинцев в условиях моно- и полиэтничности: социологический анализ

Д. Г. Передня

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
d.g.perednia@linguanet.ru

Аннотация. В современном конфликте на Украине национальные и этнические особенности играли и продолжают играть значительную роль в формировании политической и социальной ситуации. С учетом исторического контекста и современных событий в статье ставится проблема изменений в национальном самосознании украинцев, обусловленная попыткой построить моноэтническое общество. Исследование проводится на основе социологического анализа. Среди использованных методов исследования можно отметить и сравнительный анализ при помощи которого определены различия между украинцами, проживающими на территории Украины, и теми, кто после распада Советского Союза остался в России. Эмпирической основой исследования стал вторичный анализ данных, полученных методом опроса, и традиционный анализ документов. В статье автор приходит к выводу, что в разнородной этнической среде, неоднозначные национальные особенности украинцев сглаживаются, смягчаются, встраиваются в общий полиэтничный состав, в том числе, посредством межкультурной диффузии. В то время как моноэтническая социальная среда, формируемая всей мощью государственной националистической идеологии, трансформирует национальные особенности, свойственные украинскому народу, гиперболизирует их, ухудшает, превращая в итоге в деструктивную силу, угрожающую мирному развитию украинского социума. Всё перечисленное препятствует развитию украинского субэтнуса. В итоговом тезисе работы подчеркивается важность устранения негативных последствий украинской националистической политики путем восстановления полиэтничности. Полиэтнические условия проживания апробированы временем, показали свою долгосрочную эффективность. Они в максимальной степени дают возможность конструктивно существовать и развиваться украинскому народу.

Ключевые слова: моноэтничность, полиэтничность, денацификация, национальное самосознание, национальные особенности, украинцы

Для цитирования: Передня Д. Г. Проявление национальных особенностей украинцев в условиях моно- и полиэтничности: социологический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 98–105.

Original article

Manifestation of National Characteristics of Ukrainians in the Conditions of Mono and Multi-ethnicity: Sociological Analysis

Dmitriy G. Perednya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
d.g.perednia@linguanet.ru

Abstract.

In the current conflict in Ukraine, national and ethnic characteristics have played and continue to play a significant role in shaping the political and social situation. The article, considering the historical context and current events, describes the problem of changes in the national identity of Ukrainians, caused by an attempt to build a mono-ethnic society. The purpose of this article is to consider, based on a sociological analysis, the manifestations of national characteristics of Ukrainians in the context of mono- and polyethnicity. Among the research methods used, one can note a comparative analysis. By means of a comparative analysis, the differences between Ukrainians living in Ukraine and those who remained in Russia after the collapse of the Soviet Union were considered. The empirical basis of the study was a secondary analysis of data obtained by the survey method and traditional document analysis. In the article, the author concludes that in a heterogeneous ethnic environment, the ambiguous national characteristics of Ukrainians are smoothed out, softened, integrated into the general polyethnic composition, including through intercultural diffusion. While the mono-ethnic social environment, formed by the full force of the state nationalist ideology, transforms the national characteristics inherent in the Ukrainian people, exaggerates them, worsens them, ultimately turning them into a destructive force threatening the peaceful development of Ukrainian society. All this hinders the development of the Ukrainian sub-ethnos. The final thesis of the work emphasizes the importance of eliminating the negative consequences of Ukrainian nationalist policy by restoring polyethnicity. Polyethnic living conditions have been tested by time, have shown their long-term effectiveness and to the maximum extent provide an opportunity for the Ukrainian people to constructively exist and develop.

Keywords:

monoethnicity, polyethnicity, denazification, national identity, national characteristics, Ukrainians

For citation:

Perednya, D. G. (2025). Manifestation of national characteristics of Ukrainians in the conditions of mono and multi-ethnicity: sociological analysis. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 98–105. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Начавшаяся 24 февраля 2022 года Специальная военная операция приоритетом поставила две задачи: демилитаризацию и денацификацию государственного устройства на Украине [Иванов, 2022]. И если технологии и тактики демилитаризации более-менее понятны, и они сейчас достигаются, то со второй целью – денацификацией – немного сложнее.

Понятие «денацификация» появилось в середине XX века после победы союзных сил во Второй мировой войне как задача избавления от коллективно-государственного помешательства Германии и создание условий для недопущения возвращения этой идеологии в будущем [Гудков, 2004]. Был проведен комплекс относительно успешных мероприятий, затронувших преимущественно политическую культуру, минимизирующих, в частности, возможность в будущем возрождения на уровне немецкого государства идей национал-социализма и в общем – фашизма [Штомпка, 2005].

В рамках обозначенных целей, используя социологический анализ, мы предлагаем разобраться почему национальные качества, самосознание украинцев, в условиях Российской империи или Советского Союза, т. е. полиэтничности, функционировали преимущественно конструктивно, созидательно, приемлемо как для самих украинцев,

так и для общего многонационального целого. Дokaзательством этому служит большое количество героев, выдающихся деятелей политики, экономики, науки, которые принадлежали к украинскому народу и получали от многонационального общества заслуженное вознаграждение и признание. Другими словами, весь украинский народ на протяжении десятилетий, в частности, советского периода функционировал в едином созидательном русле и был одним из основных, ведущих этносов. И наоборот, в условиях моноэтничности в период распада СССР за 33 года произошли деструктивные, патологические изменения, катастрофически сказавшиеся как на отдельных индивидах, так и на всей общности украинцев, проживающих в границах Украинской ССР конца 1991 года, что в итоге привело к необходимости проведения денацификации с использованием военных средств. Отметим, что в данном контексте термин «полиэтничность» используется в масштабе страны. СССР был намного более полиэтничным чем Украина в статусе самостоятельной страны [Манаков, Теренина, 2022].

Наблюдая за сложившейся тенденцией в осуществлении национальной политики, учитывая миграцию и тренд этнической ассимиляции к 2030 году об Украине можно было бы говорить как об абсолютно моноэтничной стране с подавляющим доминированием украинцев как титульной нации [Белозёров, Звошик, 2016].

ДВЕ КАТЕГОРИИ УКРАИНЦЕВ КАК ОСНОВА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА И ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ВЫДВИЖЕНИЯ ГИПОТЕЗЫ

По нашему мнению, важной причиной всех дисфункций самостийного периода Украины являются особенности национального самосознания украинцев, в основе которых лежат их национальные качества. По ходу изложения общего замысла исследования далее конкретизируем что мы понимаем под национальным самосознанием. Нам важно не оно само по себе, а его изменения в условиях моно и полиэтничности. Термин «полиэтничность» нам видится более уместным, чем «многонациональность» ввиду его акцентуации на социокультурных особенностях различных этносов. При этом признается их близость и даже синонимичность.

Прежде всего, отметим, что с момента распада Советского Союза на территории России остались проживать порядка 4,5 млн украинцев [Болдырев, 1990], другая часть этой же национальности после 1991 года стала гражданами Украины. По сути, мы имеем две социальные категории, каждая из которых состоит из множества индивидуальных личностей, усредненное восприятие которых рождает прототип – основу различий двух совокупностей индивидов. Сознательно абстрагируемся от множества факторов, обуславливающих реалии социокультурной, политической и демографической ситуации как в России, так и на Украине, чтобы заострить внимание читателей на полиэтничности как обоснованном условии успешного развития украинского субэтноса.

С нашей точки зрения, обе социальные категории включают представителей одного народа. Возникает вопрос, почему украинцы из первой категории – оставшейся в России – оказались эффективно встроенными в социальную систему российского общества, так же как были до этого встроены в советскую общность, проживают бесконфликтно, успешно реализуя себя во всех сферах общественной жизни, в то время как часть другой категории – оставшейся на Украине – постепенно, явно или латентно перешла на позиции нацизма, что и вынудило Российскую Федерацию в 2022 году прибегнуть к денацификации.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УКРАИНЦЕВ

Обратимся к описанию обобщенных характеристик национально-психологических особенностей украинцев, причем станем опираться на те из них, которые на сегодняшний день изучены

экспериментально. Данные характеристики лучше всего познаются в сравнении и сопоставлении, поэтому желающие могут самостоятельно ознакомиться с национально-психологическими качествами представителей различных народов, которые описаны в книге В. Г. Крысько «Социальная психология», вышедшей в свет в 2003 году.

«Украинцам свойственны: напористость; деловая активность, настойчивость и старательность во всех видах деятельности; умение показать себя и свою работу; аккуратность и исполнительность; самостоятельность; стремление обязательно добиться желаемого результата; повышенная потребность в самовыражении и самопрезентации. Планируя свои действия, они стараются четко представить конечную цель, конкретный успех, многогранно осмысливая при этом все нюансы и способы достижения поставленной задачи. В процессе самой деятельности украинцы старательно контролируют и реально оценивают промежуточные результаты, находят, если это требуется, ресурсы для усиления своей активности. Всё это осуществляется заинтересованно, с большой степенью жизнерадостности, с высокой эффективностью индивидуальной отдачи» [Крысько, 2003, с. 229].

Данная совокупность качеств заметным образом отличается от характеристик других этносов, населяющих постсоветское пространство. Сделаем определенную выборку из перечисленных характеристик, свойственных украинцам: напористость, настойчивость, деловая активность, умение показать себя и свою работу, стремление обязательно добиться желаемого результата, повышенная потребность в самовыражении и самопрезентации. Оценить эти особенности как положительные или отрицательные едва ли возможно, так же как дать ответ на вопрос: такое изделие как нож – это благо или вред? Все эти качества могут быть маркированы как достоинства или как недостатки в зависимости от социально-политических условий.

В полиэтнической среде Советского Союза отдельно взятый украинец, исходя из своих индивидуальных национальных особенностей, мог сколько угодно проявлять настойчивость, заниматься самопрезентацией, быть в числе передовых или быстрее всех достичь успеха. Например, во время военной службы по призыву стремление многих солдат из УССР закончить службу непременно в сержантском звании противопоставлялось нежеланию других этносов занимать сержантские должности, предполагающие ответственность и дополнительные обязанности. Нежелание повышения по службе, например, белорусами обуславливалось

их представлениями о скромности и повышенной требовательности к себе в новом статусе. В разнородной этнической среде неоднозначные качества украинцев сглаживались, смягчались, подстраивались под общий контекст, частично подвергались межкультурной диффузии. Более того, в мультикультурном коллективе типичные особенности украинского субэтноса играли для представителей других национальностей позитивную, стимулирующую роль. В. Г. Крысько, в частности, указывает, что потенциальная конфликтность национальных качеств украинцев нивелируется их способностью адаптироваться и быстро находить взаимопонимание с представителями других народов. Но всё это было возможно и на деле проявлялось в условиях полиэтничной среды. В ситуации идеологически подогреваемой «украинскости» индивиды вынуждены приспосабливаться, адаптироваться к условному, по сути, вымышленному идеалу, вступая в противоборство с такими же, как они. Происходит деструктивная социальная индукция схожих национальных черт и качеств, возгонка и раздувание этнических особенностей, которые постепенно из потенциально нейтральных или положительных превращаются в конфликтогенные, асоциальные, опасные для множества индивидов других наций и народностей, – русских, евреев, армян, греков, русинов, венгров, молдаван, гагаузов и др. – живущих как на Украине, так и за ее пределами.

В социуме, заявленном на государственном уровне как моноэтнический, качества, свойственные украинскому народу, приобретают гиперболизированные формы, натываются на повышенную конкурентность, поляризуются и, не найдя просоциального выхода, превращаются в деструктивную силу – благодатную почву для национализма и шовинизма. Всё это усиливается работой акторов информационно-психологических операций.

Вышесказанное позволяет сформулировать гипотезу исследования: разнородная этническая среда, неоднозначные национальные особенности украинцев сглаживает, смягчает, встраивает в общий полиэтничный состав в том числе за счет межкультурной диффузии. И наоборот – моноэтнический социум, особенно если он опирается на мощь государственной националистической идеологии, трансформирует качества, свойственные украинскому народу, гиперболизирует и индуцирует их, в конечном итоге, превращая в деструктивную силу, создающую угрозу мирному развитию украинского общества. В таких условиях этническое – оно же национальное – самосознание с подачи государственной идеологии Украины начинает искать образ внешнего врага, через которого можно было бы канализировать

неистраченную энергию, сгенерированную совокупностью мононациональных черт и качеств.

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ УКРАИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ МОНОЭТНИЧНОСТИ

В научном обороте используется два понятия: «этническое самосознание» и «этническая идентичность». Под ними понимают осознание принадлежности к этнической общности на основе разделяемых представлений об общей территории, языке, культуре, истории и государственности. Первое понятие имело большее хождение в советский период, второе стало набирать популярность к началу текущего столетия. Применительно к нашим задачам мы станем их рассматривать как синонимы. Пропаганда моноэтнического общественного строя идеологически воздействует на массовое сознание украинцев, формирует его в русле геополитического изоляционизма, превращая национальные особенности украинцев через патриотизм в этноцентризм, затем – в национализм и нацизм, что делает невозможным преодоление последнего мирными средствами.

Обращаясь к исследованию В. Г. Крысько, отметим, что, например, тюркские этносы, которые в силу исторических причин по своим этнокультурным характеристикам не резко отличаются друг от друга и имеют много схожих черт, например, чуваша, башкиры, тувинцы и др. обнаруживают более радикальные национальные особенности, нежели те, кто представляет украинский народ. Вот некоторые национально обусловленные свойства тюркских народов, влияющие на межнациональные взаимодействия: острое национальное самолюбие, особое чувство осознания своей национальной принадлежности; неприхотливость и непритязательность в быту и при выполнении профессиональных и повседневных обязанностей; высокое чувство ответственности перед коллективом, руководителем; дисциплинированность и др. Обратим внимание, что применительно к украинцам острое национальное самолюбие и особое чувство осознания своей национальной принадлежности в условиях полиэтничности никак не проявлялись. Они стали возможны только лишь в условиях построения моноэтнической государственности.

Переплетение национального самосознания и государственно-гражданских чувств на основе постулирования идеалов настоящей «украинскости» породило высокую социальную напряженность, конфликтогенность, шовинистичность. Шовинизм Украины последних двух десятилетий

строился преимущественно на основе самоидентификации «от противного», на противопоставлении с другими исторически и этнически близкими народами, прежде всего – русским.

Государственная политика построения моноэтнического общества воздействует и проявляется не только в официальной идеологии и повседневном контексте жизни и деятельности. В таком случае отдельно взятому индивиду на житейском уровне проще подстроится под декларируемый эталон и избежать риска социального отторжения и обвинений в нелояльности, а по сути, в «предательстве» своего народа. Помимо этого, государственная политика приобретает системный характер, когда встраивается в науку, а через нее – в образование. Начинается всё с отхода от главного научного принципа нейтральности и тенденциозного рассмотрения в процессе научного осмысления социально-гуманитарных вопросов, касающихся национального самосознания, национальных качеств, национального менталитета.

Рассмотрим, как конструировалось национальное самосознание украинцев в их научной среде и на какие национальные особенности опиралось. Для примера возьмем коллективную монографию «Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях», изданную в Киеве в 2013 году. Слова «Кого» и «Как» в названии написаны с прописных букв, по-видимому мотивированы желанием инициаторов издания подчеркнуть важность и значимость воспитания «правильных» представителей украинского общества будущего. Один из авторов Е. В. Вдовыченко, в частности, в своей главе рассматривает проблему самоидентификации наций и особенностей украинского менталитета и приходит к следующим выводам: «...олицетворяет характер украинской «души», следующие компоненты: 1. Индивидуализм. 2. Эмоциональность. 3. Духовность» [Вдовыченко, 2013, с. 179].

Далее они последовательно раскрываются, порой, представляясь в максимально этноцентричной форме, в том числе, с помощью противопоставления. Например, подчеркивается, что индивидуализм присущ также западноевропейцам. Но особо оговаривается, что украинский индивидуализм принципиально иной, он самостоятельный, открытый и не равнодушный к проблемам других.

При рассмотрении эмоциональности говорится, что она свойственна всем славянским народам, но у русских она выражается посредством бунта, разбоя и произвола. В то время как украинская эмоциональность выражается через лиризм, гуманизм, сентиментальность, чувственность. В качестве промежуточного вывода говорится, что всё это является признаком «национального высочества» украинцев, а окружающий мир вырождается

и в нем царит все мертвое и безжизненное [Онацкий, 1992]. Автор монографии активно пользуется цитатами из работ Е. Д. Онацкого, создателя Украинской энциклопедии, изданной в 1959 году в Буэнос-Айресе, который в начале 1920-х годов иммигрировал в Италию и практически сразу стал ярким приверженцем итальянского фашизма [Онацкий, 1959]. В постсоветский период именем этого деятеля названы улицы в нескольких городах Украины, что также характеризует манеру расставлять идеологические акценты и выделять национальные приоритеты.

Описывая украинскую духовность, Е. В. Вдовыченко выводит ее из до христианской эпохи, подчеркивая этим ее принципиальную инаковость от других народов. После появления христианства духовность украинцев выражается через глубину веры и внутреннее общение с Богом. В то время как другие народы погрязли в набожности, философствовании и обрядности. Всё это закономерно привело украинский народ к идеалу возвышенности, избранности и заслуженному счастью. Все изъяны в духовности некоторых украинцев автор объясняет советским прошлым. В целом, по его мнению, ментальный стержень и национальные характеристики украинцев выстояли в неблагоприятных условиях прошлых столетий и должны приобрести законченный образ идеального, единого, правильного представителя украинского народа.

Нивелирование, «уравнение» всех граждан Украины и в культурном, и в национальном отношении, попытка их «откалибровать» по стандартам «истинного украинства» привело, и по сей день приводит, к максимально вредным последствиям. Представим себе, что такая страна, как например, Германия, попыталась бы погасить, стереть, задушить все черты и особенности немецких племен и добиться однообразного, скажем, «пруссачества». С одной стороны, это означало бы существенное социокультурное обеднение, а с другой – неизбежно породило кризисные явления внутри немецкого общества.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА УКРАИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ

Построение украинской государственности с помощью противопоставления России особенно противостоит ввиду особой близости двух этносов. Обратимся к результатам исследования влияния национальных стереотипов на сплочение личного состава подразделений Вооруженных Сил, которое осуществил В. А. Кораблин. Полученные данные были опубликованы в 1993 году, следовательно, собирались заранее, т. е. по факту, исследование

проводилось в подразделениях Советской армии, где проходили службу представители всех национальностей. Напомним, что комплектовались Вооруженные Силы СССР на основе экстерриториального принципа, который еще более усиливал полиэтничность.

Исследование показало, что военнослужащие-украинцы, в ходе опросов, давали более благоприятную характеристику сослуживцам-русским, нежели последние им. Подавляющая часть украинцев отмечают открытость, склонность к коммуникабельности военнослужащих-русских. Расхожие суждения воинов-русских о том, что солдаты-украинцы – «служаки» основано на том, что сослуживцы-русские, по оценкам украинцев, «недостаточно добросовестны в службе». В подразделениях украинцы, по сравнению с другими национальностями, более высоко оценивали свой статус, воспринимая русских как гармоничных партнеров по общению.

По мнению военнослужащих-русских, сослуживцев-украинцев отличает внешняя обаятельность, независимость в общении. Они выделяются энергичностью, деловитостью, самостоятельностью суждений и поступков. Хотя их высокая коммуникативность и лабильность ассоциируются у воинов-русских с суетливостью. По их мнению, украинцы – открытый народ, люди отзывчивые и сильные, честные и решительные. В целом, военнослужащие славянских субэтносов относятся к друг другу с симпатией и низкой дистантностью в построении отношений [Кораблин, 1993]. Сравнивая национальные стереотипы военнослужащих украинцев и русских, автор в оценке субэтноса славянских народов констатирует низкую степень различия суждений и высокую комплементарность суждений.

Приведенные результаты исследования, по сути, показывают результат исторически сложившейся полиэтничности на территории России. «Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, дружеском, служебном уровне» [Дробужева, 2013, с. 226]. Совместное проживание полиэтничных сообществ предполагает взаимоуважение представителей разных народов, лучшее понимание ими специфики иных культур, их взаимного проникновения. Проявление этого можно наблюдать во многих сферах жизни и деятельности, включая события повседневной жизни. В исследованиях, как правило, это измеряется через показатель степени удовлетворенности межнациональными отношениями.

Политическим акторам, располагающим такой базой социально-этнических отношений, хватило

бы пары десятилетий неогейббельсовской пропаганды, тотальной лжи и фейков, чтобы взрастить украинский национал-шовинизм, о котором сегодня в России говорят много и часто. Однако немногие стараются предметно объяснить основы этого явления. В массовом сознании на уровне аксиомы укоренилось представление, что политическое мировоззрение современных украинских ультра-националистов-шовинистов – необандеровцев – является копией нацистской идеологии времен третьего рейха. Это мнение во многом сложилось потому, что в доступных массам источниках информации периодически акцентируется внимание на наличии у военнослужащих вооруженных сил Украины, других воинских организациях и парамилитарных структурах символики вермахта и подразделений SS периода 1933–1945 годов. На всех отбитых у украинской армии позициях или казармах – похожая картина: свастики, руны, немецкие плакаты, нацистские знамена времен Великой Отечественной войны.

Украинские национал-шовинисты строят свою идентичность на одном постулате – заявляют, что они не русские. Запрет русского языка, преследование русских и русскоязычных и их принудительная украинизация лишь верхушка айсберга. Единственная внятная идея украинского национал-шовинизма – ничем не обоснованное чувство собственной исключительности и ненависть ко всем соседним народам – полякам, молдаванам, болгарам, белорусам, цыганам, грекам, доходящая до звериного бешенства в случае с русскими. Исходной причиной этих следствий и результатов, на наш взгляд, является извращение украинской идентичности, деформация национальных качеств, причиной которой стало культивирование моноэтнического социального контекста в рамках государственной политики и идеологии Украины.

В культурных кодах, по-видимому, всех народов мира выработано представление о том, что полиэтничность страны – это, прежде всего, преимущество. Количество моноэтнических государств не превышает 10 % [Сопног, 1994], национальное многообразие является нормой. Представление о России как об «общем доме, где все народы обладают равными правами» на российском пространстве разделяют 47 %. Но в республиках оно поддерживается значительно более широким кругом респондентов – от 90 % и более среди татар, башкир, якутов и до 80 % среди русских. Полиэтничность страны в республиках осознают, скорее, как преимущество [Дробужева, 2013]. По-видимому, такие же параметры мы зафиксировали на территории Украины, если бы там не произошло искусственное насаждение моноэтничности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, государственный нацизм как и бытовой национал-шовинизм на территории современной Украины действительно имеет место в самых крайних и агрессивных формах и представляет реальную угрозу миру и безопасности.

На основе анализа вторичных данных можно констатировать, что разнородная этническая среда, неоднозначные национальные особенности украинцев сглаживают, смягчают, встраивают в общий полиэтнический состав, в том числе, посредством межкультурной диффузии. В то время как культивирование моноэтнического социума, с использованием мощи государственной идеологии, пронизанной национализмом радикального меньшинства, трансформирует национальные особенности, свойственные украинскому народу, гиперболизирует их, в итоге, превращая в деструктивную силу, угрожающую мирному развитию украинского социума.

Купировать негативные последствия украинской националистической политики представляется возможным путем воссоздания полиэтничных условий проживания, которые апробированы временем, показали свою долгосрочную эффективность и в максимальной степени дают возможность конструктивно существовать и развиваться украинскому народу. В дальнейшем, по достижении целей Специальной военной операции в практическом плане, на индивидуальном уровне, по-видимому, придется использовать метод советской администрации, примененный на территории Германии, суть которого сводился к тому чтобы разделять бывших членов национал-социалистической немецкой рабочей партии на «бывших активных фашистов» и неактивных фашистов [Фатеев, 1999]. Специальная военная операция, по сути, представляет собой борьбу со следствиями моноэтнического существования одного из славянских субэтносов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов О. Б. Практическая часть реализации задачи по денацификации Украины // Конфликтология / Nota Bene. 2022. № 3. С. 1–15.
2. Гудков Л. Г. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение ; ВЦИОМ-А, 2004.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
4. Манаков А. Г., Теренина Н. К. Динамика этнических и языковых групп Украины с 1959 г. и оценка на 2021 г. // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 4. С. 129–145.
5. Белозёров В. К., Звощик Е. В. О сходстве и различии русских и украинцев с точки зрения нациогенеза и этногенеза // Власть. 2016. № 1. С. 173–176.
6. Болдырев В. А. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990.
7. Крысько В. Г. Социальная психология. М.: ВЛАДОС–ПРЕСС, 2003.
8. Вдовыченко Е. В. Проблема самоидентификации наций: особенности украинского менталитета // Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография / под ред. О. А. Базалука. Киев: Філософсько-космологічне об'єднання, 2013. С. 177–184.
9. Онацкий Е. Д. Украинская эмоциональность. Киев, 1992.
10. Онацкий Е. Д. Украинская малая энциклопедия: в 8 т. Буэнос-Айрес: Администрация УАПЦ в Аргентине. Т. 5. 1959.
11. Кораблин В. А. Влияние национальных стереотипов на сплочение личного состава подразделения: дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.
12. Дробижева Л. М. [и др.]. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
13. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton University Press, 1994.
14. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М.: Изд-во РАН, 1999.

REFERENCES

1. Ivanov, O. B. (2022). The practical part of denazification of ukraine. Conflictology. Nota Bene, 3, 1–15. (In Russ.)
2. Gudkov, L. G. (2004). Negativnaja identichnost'. Stat'i 1997–2002 gg. = Negative identity. Articles 1997–2002. Moscow: New Literary Review, RPORC. (In Russ.)

3. Shtompka, P. (2005). Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva = Sociology. Analysis of modern society. Moscow: Logos. (In Russ.)
4. Manakov, A. G., Terenina, N. K. (2022). Dynamics of ethnic and linguistic groups of Ukraine since 1959 and assessment for 2021. Pskov Journal of Regional Studies, 18(4), 129–145. (In Russ.)
5. Belozerov, V. K., Zvoshchik, E. V. (2016). O shodstve i razlichii russkih i ukraincev s toчки zrenija naciogeneza i jetnogeneza = The similarities and differences of the Russian and Ukrainian nations in terms of national genesis and ethnogenesis. Vlast', 1, 173–177. (In Russ.)
6. Boldyrev, V. A. (1990). Naselenie SSSR: po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 g. = Population of the USSR: according to the All-Union Population Census of 1989. Moscow: Finance and Statistics. (In Russ.)
7. Krysko, V. G. (2003). Social'naja psihologija = Social psychology. Moscow: VLADOS – PRESS. (In Russ.)
8. Vdovychenko, E. V. (2013). Problema samoidentifikacii nacij: osobennosti ukrainskogo mentaliteta // Obraz cheloveka budushhego: Kogo i Kak vospityvat' v podrastajushhij pokolenijah = The problem of self-identification of nations: features of the Ukrainian mentality. The image of a person of the future: Who and How to educate in the younger generations: collective monograph. Ed. by O. A. Bazaluka (vol. 3, pp. 177–184). Kyiv: Philosophical-Cosmological Society. (In Russ.)
9. Onatsky, E. D. (1992). Ukrainskaja jemocional'nost' = Ukrainian emotionality. Kyiv. (In Russ.)
10. Onatsky, E. D. (1959). Ukrainskaja malaja jenciklopedija = Ukrainian small encyclopedia: in 8 vols. Buenos Aires: Administration of the UAOC in Argentina. (In Russ.)
11. Korablin, V. A. (1993). Vlijanie nacional'nyh stereotipov na splochenie lichnogo sostava podrazdelenija = The influence of national stereotypes on the cohesion of unit personnel: PhD in Psychology Moscow. (In Russ.)
12. Drobizheva, L. M. et al. (2013). Grazhdanskaja, jetnicheskaja i regional'naja identichnost': vchera, segodnja, zavtra = Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow / hand. project and resp. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija. (In Russ.)
13. Connor, W. (1994). Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton University Press.
14. Fateev, A. V. (1999). Obraz vraga v sovetskoj propagande. 1945–1954 = The image of the enemy in Soviet propaganda. 1945–1954. Moscow: RAN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Передня Дмитрий Григорьевич

доктор социологических наук, доцент
заведующий кафедрой социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perednya Dmitriy Grigorievich

Doctor of Sociological Sciences (Dr. habil.), Associate Professor
Head of the Department of Sociology
Institute for International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.01.2025
05.02.2025
14.03.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Качество результатов социологического исследования в системе основных научных понятий и категорий

В. Л. Примаков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vprim2007@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи заключается в определении и систематизации основных понятий и категорий, характеризующих качество результатов социологического исследования. В последние годы в научном дискурсе заметно снизилось внимание к заявленной проблеме, в то время как современная наука и практика ищет пути обоснованной оценки результатов социологических исследований. Заимствованные с Запада профессиональные стандарты качества проведения некоторых разновидностей социологических исследований не только порою противоречат отечественным требованиям и ГОСТам, но переносят оценку качества на процедурно-методический этап реализации исследовательских методик. В то время как ясные и однозначно трактуемые критерии оценки качества результатов окончательно не сформированы. Они подчеркнуто вариативны, четко не определены и противоречиво систематизированы. Методика определения основных понятий, характеризующих качество результатов социологического исследования, основывалась на теоретическом анализе сущности и содержания уже имеющихся в отечественном научном тезаурусе понятий и категорий. В дальнейшем отобранные понятия и категории систематизировались, определялись в логическую систему их взаимосвязи, детерминации и описания. Сущность и содержание используемых понятий и категорий уточнялись и формулировались автором в зависимости от структурного наполнения составленной системы, подбирались новые понятия с учетом их содержания, релевантности, обоснованности системного описания качества результатов исследовательских социологических проектов. В результате была уточнена и дополнена система понятий и категорий, определяющих качество результатов социологического исследования, разработана схема, описывающая взаимосвязанные понятия, структуру их взаимной детерминации и содержательной характеристики. Такая схема, с одной стороны, позволяет как опытным, так и начинающим исследователям системно и объективно осмысливать результаты проделанной работы. А с другой – создает понятный теоретический и методологический базис системной оценки качества исследовательских проектов.

Ключевые слова: качество результатов исследования, важность, достоверность результатов, надежность информации, качество методики

Для цитирования: Примаков В. Л. Качество результатов социологического исследования в системе основных научных понятий и категорий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 106–113.

Original article

Quality of Sociological Research Results in the System of Basic Scientific Concepts and Categories

Viacheslav L. Primakov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vprim2007@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to analyze, define and systematize the basic concepts and categories that characterize the quality of the results of sociological research. In recent years, attention to

the stated problem has noticeably decreased in scientific discourse, while modern science and practice are looking for ways to reasonably evaluate the results of sociological research. Borrowed from the West, professional quality standards for conducting certain types of sociological research not only sometimes contradict domestic requirements and state standards, but also transfer the quality assessment to the procedural and methodological stage of research methods implementation. While clear and unambiguously interpreted criteria for evaluating the results quality are not fully formed, they are very variably interpreted, not clearly defined, and inconsistently systematized. The methodology for determining the main concepts that characterize the quality of the results of sociological research was based on a theoretical analysis of the essence and content of the concepts and categories that were already available in the Russian scientific thesaurus. Subsequently the selected concepts and categories were systematized, defined in a logical system of their interrelation, determination and description. The essence and content of the concepts and categories used were clarified and formulated by the author depending on the structural substance of the compiled system, new concepts were selected taking into account their content, relevance, and validity of the system description of the results quality of research sociological projects. As a result, the system of concepts and categories that determine the quality of sociological research results was clarified and supplemented, and a scheme that describes interrelated concepts, the structure of their mutual determination and content characteristics was developed. Such a scheme, on the one hand, allows both experienced and novice researchers to systematically and objectively reflect on the results of their work. On the other hand, it creates a clear theoretical and methodological basis for systematic assessment of the quality of research projects.

Keywords: quality of research results, importance, reliability of results, reliability of information, quality of methodology

For citation: Primakov V. L. (2025). Quality of sociological research results in the system of basic scientific concepts and categories. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 106–113. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема научного анализа качества результатов социологических исследований не является надуманной или малосущественной. Чем в большей мере социальная практика основывается на выводах и рекомендациях социологических исследований, тем более высокие научные требования предъявляются к их выводам и рекомендациям. Впрочем, подобный вывод можно обоснованно применить ко всем научным исследованиям. Почему?

Прежде всего потому, что научные выводы социологических исследований непосредственно обогащают социологическую науку, теоретический уровень научных обобщений. С другой стороны, получаемые в результате социологических исследований прикладные рекомендации являются основой для принятия управленческих решений в социальных системах любого уровня от простейших групп и организаций до общества в целом. Это, *во-первых*. *Во-вторых*, качество социологического исследования как обобщающая характеристика определяется множеством параметров, которые можно объединить в три последовательные составляющих: качество подготовки, качество процесса, качество результата. В конечном итоге всех (общество, заказчика, автора) интересует качество полученных результатов. Более того, не имея четкого и однозначного определения основных

критериев результативности социологического исследования, теряются ориентиры для оценки качества предыдущих этапов и процедур. Даже качественно подготовив исследование, можно получить не совсем качественные его результаты.

В-третьих, общеизвестно, что основной результат любого исследования непосредственно связан с достижением цели, с решением поставленных задач. Является ли факт достижения цели исчерпывающей характеристикой полученного результата? Очевидно, нет. Важным критерием становится качество этого *целедостижения*. При этом понятие «качество результатов исследования» не имеет строгого сущностного и содержательного определения особенно в социальных и гуманитарных науках, очень вариативно интерпретируется исследователями и заказчиками. Попытка подменить оценку качества результатов социологического исследования как сложной, многогранной, интегральной характеристики отдельными его составляющими, например, оценкой надежности измерения или репрезентативности выборки, приводит к фрагментарности и субъективизму в такой оценке.

Как следствие этого, зачастую основное внимание исследователи сосредоточивают на методических и процессуальных сторонах достижения соответствующего качества результатов социологического исследования. И это, *в-четвертых*.

Отсюда и столь усердные попытки стандартизировать средства и процедуры достижения результата. Однако очевидно, что стандартизировать результаты исследования, а тем более качество реализации цели и задач практически невозможно, скорее, крайне затруднительно. Стандартизировать можно методики, процедуры, техники, действия, процесс, но не степень и качество целедостижения. Поэтому проблема оценки качества результатов как бы «переносится» на оценку качества процесса исследования.

Все вышесказанное актуализирует проблему сущностного определения качества результатов социологического исследования», осмысления его структуры и содержания в системе основных понятий и категорий.

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Следует признать, что проблема обоснования, оценки и обеспечения качества социологического исследования и, соответственно, качества результатов, относительно неравномерно осмысливалась и разрабатывалась за последние несколько десятилетий развития отечественного социологического знания. После снятия всех запретов и ограничений с социологии и социологических исследований в стране в 1980-е годы проблема научного обоснования и систематизации качества социологических исследований стала одной из самых обсуждаемых. Социологи 70–90-х годов прошлого столетия, как и нынешнего, надеюсь, помнят работы В. И. Волович, Г. И. Саганенко, В. И. Паниотто, В. А. Ядова [Волович, 1974; Саганенко, 1983; Паниотто, 1986] и некоторых других. (А если забыли, то нет причин не напомнить.) Хочется отметить, что в них шла речь о качестве социологических исследований не просто среди прочих, а непосредственно и системно. Например, монография В. И. Паниотто так и называлась: «Качество социологической информации» [Паниотто 1986]. Показательно, что в книге исследовалась не только сама проблема качества, но и осуществлялся ее структурный и содержательный анализ, систематизация, обосновывались способы оценки и процедуры обеспечения.

Вынуждены отметить, что в последующем интерес к проблеме определения и оценки качества результатов социологических исследований несколько снизился. По нашему мнению, это связано не столько с тем, что проблема решена в социологии. Различные методические аспекты оценки качества активно исследовались

и исследуются сегодня многими учеными. Формат статьи позволяет назвать только некоторых из них: Г. С. Батыгин, М. К. Горшков, И. Ф. Девятко, Г. С. Осипов, Г. Г. Татарова, Ю. Н. Толстова и многие другие. Однако (акцентируем внимание на этом особенно) большинство работ посвящено методологическим, процессуальным оценкам качества используемых социологических методов и методик, а не оценке качества результатов социологических исследований. Что очень взаимосвязано, но не одно и то же.

Нередко в профессиональной среде раздаются призывы к поиску кодекса, который, помимо прочего, включал бы основания оценки качества социологических исследований. В итоге такие призывы сводятся к необходимости стандартизации определенных процедур исследовательской деятельности [Епархина, 2022].

Следует отметить, что сегодня существует целый ряд документов, определяющих различные параметры качества социологических исследований. Среди них отечественные: Профессиональный кодекс социолога, Кодекс социолога РОС, Стандарты ОИРОМ, а также западные: Стандарты AAPOR, Кодекс ESOMAR¹ и некоторые другие. Остается добавить, что наиболее продвинутой в оценке качества социологических исследований является подборка определений и диспозиционные коды, составленные в соответствии со стандартом AAPOR [Standard Definitions, 2011]. Стоит ли говорить, что это нередко ведет к пересечениям, противоречиям и несоответствиям отечественным требованиям и ГОСТам. Однако в контексте рассматриваемой проблемы основное противоречие видится не в этом. При всей обоснованности и очевидной практической полезности этих кодексов и стандартов, они касаются, главным образом, проблем оценки качества процедур отбора, сбора, отчасти анализа социологической информации и практически не затрагивают оценку качества результатов социологического исследования.

Понятно, что результаты социологического исследования напрямую зависят от его подготовки и особенно реализации. Смеем предположить, что именно поэтому процедурно-методические вопросы обеспечения качества социологических исследований получили такое широкое распространение. Однако некоторые характеристики оценки, например надежности измерения [Ядов, 2001], или ошибок и репрезентативности выборки [Чуриков,

¹Аббревиатуры организаций, используемые в перечислении: РОС – Российское общество социологов, ОИРОМ – Объединение исследователей рынка и общественного мнения; AAPOR – Американская ассоциация исследователей общественного мнения; ESOMAR – Европейское общество по опросам общественного мнения и маркетинговым исследованиям.

2020], а особенно использования математико-статистического аппарата для анализа социологической информации достаточно хорошо описаны в отечественной науке. Особое внимание в отечественном научном дискурсе в предыдущие годы уделялось проблеме оценки качества реализации различных методик сбора данных, особенно опросных, причем с использованием западных стандартов. «Белых пятен» в оценке качества результатов социологического исследования остается немало. К сказанному остается добавить, что новые методики получения первичных эмпирических данных, например, с использованием технологий CATI, CAPI, в online-исследованиях либо в digital-research и других, только добавляют неопределенности уже в сам понятийно-категориальный аппарат, не говоря уже о какой-либо его оценке.

СИСТЕМА ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ, ОПИСЫВАЮЩИХ КАЧЕСТВО РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ставя перед собой задачу не только дать сущностные определения, описывающие качество результатов социологического исследования, но и показать их систему, а значит, и взаимосвязь, мы сознательно отступили от общепринятого методологического подхода – начать с анализа различных ошибок, которые искажают результаты и влияют на их качество.

Мы предлагаем путь структурно-содержательного определения, т. е. исходить из логики того, чем определяется сущность того или иного понятия, какие составные элементы описывают и определяют его структуру и содержание. Это, *во-первых*. *Во-вторых*, формат научной статьи не дает возможности исчерпывающе проанализировать существующие подходы к определению сущности и содержания каждого понятия и обосновать его авторское понимание. Используемые в системе понятия опираются на принятый в современном отечественном научном тезаурусе понятийно-категориальный аппарат, изложенный в отечественных социологических словарях, справочниках, монографиях, и развиваются в авторской интерпретации и дополнениях. В-третьих, для системного их представления предлагаем опираться на схему (см. рис. 1).

Начнем с понятия «качество», под которым понимают существенную определенность предмета. В прикладной интерпретации качество есть оценка достоинства, ценности. Следовательно, *качество социологического исследования* целесообразно рассматривать как обобщающую интегральную

характеристику, определяемую достоинствами реализации всех этапов исследовательского процесса, действий, методов, процедур, а также ценностью получаемых выводов и результатов. В самом общем представлении социологическое исследование можно разделить на процедуры, связанные с подготовкой, с реализацией, а также с получением результата. Все они влияют на качество социологического исследования. Поэтому *качество подготовки социологического исследования* выступает характеристикой всесторонней обоснованности и обеспеченности исследования, от которой зависит качество реализуемого процесса. *Качество процесса социологического исследования* можно описать характеристиками результативности и эффективности используемых методов и средств. Именно эти характеристики выводят исследование на оценку качества его результатов.

Качество результатов социологического исследования нами понимается как характеристика степени достижения цели и ценности полученных результатов, опосредованные важностью и достоверностью полученных выводов.

Степень достижения цели социологического исследования как базовая характеристика качества достигнутых результатов может быть описана в категориях «соответствия» результата поставленной цели. Это соответствие имеет степенную оценку, зачастую критериально неопределенную. Но даже при ее наличии степень целедостижения не является непосредственной характеристикой качества. Важно отметить, что в базовой характеристике качества результатов исследования выделяют «внутреннюю» и «внешнюю» составляющие. Это понимание тонко подметил В. И. Паниотто, определяя степень целедостижения в качестве «внутренней», а ценность результатов в качестве «внешней» характеристики. *Ценность результатов* в представлении автора можно понимать как важность (для общества, заказчика, автора) полученных результатов [Паниотто, 1986].

Характеристикой, опосредующей итоговое качество и, прежде всего, ценность результатов, выступает *важность (теоретическая и прикладная) результатов социологического исследования*, под которой понимают значимость полученных выводов для науки и практики. *Теоретическая значимость результатов социологического исследования* определяется вкладом в социологическую науку, возможностью использовать полученные в результате исследования знания для ее дальнейшего развития. *Прикладная значимость результатов социологического исследования* определяется возможностью использования полученных выводов



Рис. 1. Система основных понятий, описывающих качество результатов социологического исследования

и рекомендаций на практике. Их критериальной основой является актуальность и первоочередность.

Теоретическая значимость и практическая отдача, ценность, эффект от реализации полученных результатов могут быть убедительно определены при условии *достоверности результатов социологического исследования*, под которой понимается соответствие сделанных выводов действительности, по сути, адекватность полученного знания изучаемому объекту. Традиционно, если не общепринято, достоверность интерпретируется посредством характеристик надежности, обоснованности, истинности. Так, понятие «надежности» относятся к характеристике качества

эмпирической социологической информации. С другой стороны, используя понятие «истинности», мы имеем в виду корректность и обоснованность социологической теории вывода или качество теории вывода. Таким образом, «для наиболее общей характеристики качества методов перехода от эмпирических данных к теоретическим выводам используется понятие “истинности теории”, а для наиболее общей характеристики качества эмпирических данных – надежность социологической информации» [Социология: Словарь-справочник, 1991, с. 114].

Под *качеством теории вывода* мы понимаем обоснованность теоретических конструктов,

используемых для описания, анализа и интерпретации социологической информации, получаемой в ходе исследования. Обобщающей характеристикой качества социологической теории вывода является ее истинность, научные критерии которой можно коротко выразить следующими категориями: объективность, обоснованность, непротиворечивость, типичность (повторяемость, неуникальность), верифицированность и др. Эта истинность опосредована качеством интерпретации результатов анализа.

Для оценки качества эмпирической социологической информации можно использовать характеристику ее надежности как свойства данных быть точными, полными, непротиворечивыми, т. е. не содержать ошибок. Такой подход к оценке достоверности результатов исследования со времен цитируемых изданий считается классическим. За всё время своего существования он практически не подвергался ревизии. Однако дальнейшая научная экспликация выделяемых понятий остается очень вариативной, появляются новые понятия и описывающие их категории.

Обобщая различные научные подходы, можно сделать вывод, что базовой характеристикой, определяющей качество эмпирической социологической информации, является *качество методики*, под которой понимается организационно-процедурная правильность, корректность применения соответствующих приемов и способов. Именно качество методики обеспечивает, прежде всего, получение надежной информации без относительных ошибок. Нередко качество методики интерпретируется как надежность, по аналогии с качеством информации. Однако надежность есть оценка качества информации, а не качества методики. Качество методики имеет другую содержательную плоскость осмысления – правильность, корректность осуществления организационно-процедурных действий. В свою очередь, качество методики исследования и, соответственно, надежность социологической информации в целом определяются важными детерминантами, именуемыми «валидность» и «релевантность» методики.

Валидность методики (от *valeo* – быть в состоянии сделать что-то) есть «мера пригодности методики для решения определенных исследовательских задач, для того, чему она предназначена» [Социологическая энциклопедия, 2003, с. 129]. Нередко между понятиями «валидность» и «обоснованность» ставят знак равенства, связывая их в оценке соответствия между целью, для которой предназначен методический инструмент, и исследуемым материалом. Поэтому валидность (обоснованность) – скорее проблема методологическая. В научном тезаурусе закрепилось понимание трех видов валидности, характеризующих способы валидации,

определения валидности методик: по критерию, по содержанию, по конструкту.

В последнее время в научный оборот, и не только социологический, активно вошло понятие «релевантности» и, соответственно, «релевантности методики», определяющей качество социологической информации. *Релевантность методики* (англ. *relevant* – существенный, уместный) – это степень смысловой адекватности, содержательного соответствия получаемых с помощью методики данных исследовательской задаче. Например, получить с помощью корреляционного анализа ответ о причинно-следственных связях нерелевантно, как, впрочем, и по субъективным оценкам и мнениям определять поведенческие особенности респондентов. Некоторые между «релевантностью» и «валидностью» ставят знак равенства, что, на наш взгляд, не очень корректно.

Структурно-содержательно качество методики социологического исследования описывается целым набором характеристик, которые, в свою очередь, раскрываются через соответствующие параметры качества. Ключевой характеристикой здесь традиционно выступает *качество реализации выборочной методики* (если исследование выборочное), а базовый параметр связан с понятием «репрезентативность». Под *репрезентативностью* понимается способность выборочной совокупности воспроизводить (представлять) параметры генеральной совокупности с определенной и контролируемой погрешностью. В социологических исследованиях при использовании случайных методов отбора ошибка выборки, а значит, и репрезентативность, может быть проконтролирована и оценена с определенной точностью и доверительной вероятностью. При построении неслучайной выборки речь, как правило, идет о *целенаправленности*, т. е. о качестве воспроизведения в выборочной совокупности значимых элементов структуры и возможности наиболее полно представить необходимые целевые группы.

Еще одной важной характеристикой качества методики исследования выступает *качество измерения*, для оценки которого общепринято используется понятие «надежности». *Надежность измерения* социальных характеристик определяет способность измерительных шкал и процедур обоснованно и устойчиво фиксировать точную и правильную информацию о социальных объектах и явлениях без соответствующих ошибок. Среди ее параметров: *обоснованность* как характеристика того, что с ее помощью целенаправленно измеряют вполне определенное свойство или признак, не смешивая его с другими; *устойчивость* как характеристика однозначности информации, которая извлекается с помощью данной процедуры; *точность*

и правильность измерения как достаточная чувствительность шкалы, дающая точное устойчивое измерение без систематических погрешностей [Саганенко, 1983; Ядов, 2001].

Не менее важной характеристикой качества методики является адекватность *методов анализа данных*, под которой следует понимать степень соответствия аналитической модели, предполагаемой методом, характеру изучаемого с его помощью социального явления, процесса. Эта характеристика относится как к формализованным моделям анализа (особенно), так и к неформализованным, содержательным.

Очень редко рассматривают в качестве характеристики качества реализуемой методики приемы и способы интерпретации результатов анализа данных социологического исследования, а правильное, качество реализуемых интерпретационных процедур. Под *качеством интерпретации результатов анализа эмпирических данных социологического исследования* мы понимаем глубину и истинность процесса содержательного истолкования результатов анализа, описания и объяснения различных данных, полученных в ходе сбора и анализа эмпирической информации. Это качество напрямую определяет истинность теории вывода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная система основных понятий качества результатов социологического исследования позволяет увидеть анализируемую характеристику в логической взаимосвязи всех базовых ее понятий и элементов, описать и понять ее содержательно и структурно целостно. Что само по себе важно в научно-теоретическом плане. Надеемся, что это только основные понятия, которые будут далее структурироваться и углубляться в осмыслении. Это, во-первых.

Во-вторых, наибольший эффект мы видим в научно-практическом использовании этой системы и отдельных сущностных определений в оценке качества конкретных научных социологических проектов, реализуемых не только начинающими исследователями, но опытными практикующими учеными. В-третьих, мы убеждены, что разговор о таких важных понятиях, непосредственно связанных с оценкой качества результатов социологического исследования, не закончен.

Эта статья может стать дополнительным триггером профессиональной дискуссии вокруг оценки качества результатов исследовательской работы не только для социологов, но и для ученых и практиков других научных направлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волович В. И. Надежность информации в социологическом исследовании: Проблемы методологии и методики / АН УССР. Ин-т философии. Киев: Наукова думка, 1974.
2. Саганенко Г. И. Надежность результатов социологического исследования. Ленинград: Наука, 1983.
3. Паниотто В. И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры обеспечения). Киев: Наукова думка, 1986.
4. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001.
5. Епархина О. В. Стандарты качества социологического исследования в условиях цифровизации: анализ международного и отечественного опыта // Управление в современных системах. 2022. № 2. С. 55–60.
6. Standard Definitions: Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys // The American Association for Public Opinion Research. 7th ed. 2011.
7. Чуриков А. В. Основы построения выборки для социологических исследований. М.: Общественное мнение, 2020.
8. Социология: Словарь-справочник. Социологическое исследование: методы, методика, математика и статистика / отв. ред. Г. В. Осипов. М.: Наука, 1991.
9. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-политический фонд / рук. научного проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003.

REFERENCES

1. Volovich, V. I. (1974). Nadezhnost informacii v sociologicheskom issledovanii: Problemy metodologii i metodiki = Reliability of information in sociological research: Problems of methodology / NASU. Institute of Philosophy. Kyiv: Naukova Dumka. (In Russ.)

Социологические науки

2. Saganenko, G. I. (1983). Nadezhnost rezultatov sociologicheskogo issledovaniya = Reliability of sociological research results. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
3. Paniotto, V. I. (1986). Kachestvo sociologicheskoy informacii (metody ocenki i procedury obespecheniya) = Quality of sociological information (assessment methods and assurance procedures). Kyiv: Naukova Dumka. (In Russ.)
4. Yadov, V. A. (2001). Strategija sociologicheskogo issledovaniya. Opisanie, objasnenie, ponimanie socialnoj realnosti = Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
5. Eparkhina, O. V. (2022). Quality standard of social research in digitalization: Russian and international practices. Management in modern system, 2, 55–60. (In Russ.)
6. The American Association for Public Opinion Research. (2011). Standard Definitions: Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys. AAPOR, 7th edition.
7. Churikov, A. V. (2020). Osnovy postroeniya vyborki dlya sociologicheskikh issledovanij = Fundamentals of sampling in sociological research. Moscow: Institute of Public Opinion Foundation. (In Russ.)
8. Osipov, G. V. (Ed.). (1991). Sociologija: Slovar-spravochnik. T. 4. Sociologicheskoe issledovanie: metody, metodika, matematika i statistika = Sociology: Reference dictionary (Vol. 4). Sociological research: methods, methodology, mathematics and statistics. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Ivanov, V. M. (Ed.). (2003). Sociologicheskaja jenciklopedija: V 2 t. T.2 = The Sociological Encyclopedia: in 2 vols (Vol. 2). Moscow: Mysl. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Примаков Вячеслав Леонидович

доктор социологических наук, профессор

профессор кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Primakov Vyacheslav Leonidovich

Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of Sociology

Institute for International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.12.2024
20.01.2025
14.03.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 316.614.032



Отношение подростков к проявлениям преждевременной социализации

Г. С. Салистая

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
galinasol@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования подростков, проведенного автором по базе данных, предоставленной общероссийскими детскими организациями. Использован метод онлайн-опроса (Google Forms). Выборка фокусированная стихийная. Объем выборки 183 респондента. Возраст респондентов от 12 до 18 лет. Результаты представлены с использованием методов описательной статистики и многомерного анализа данных. В качестве методологической базы исследования применена концепция социализационной нормы. Преждевременная социализация рассматривается как раннее обретение детьми и подростками социальных функций взрослого человека и представляет социализационное отклонение, которое не всегда трактуется как девиация. Обсуждена специфика социологических исследований подростков, выявлен ряд ограничений применения анкетного опроса в качестве инструментария при исследовании этой возрастной группы. Показано мнение подростков о доступности формулировок анкеты при проведении опроса старшеклассников методом фокус-группового интервью, по итогам которого ряд вопросов были переформулированы, а некоторые и вовсе исключены из анкеты. Представлен анализ отношения подростков к различным проявлениям преждевременной социализации: беременности девочек-подростков, ранним сексуальным связям, вступлению в брак до окончания школы, курению, употреблению алкогольной продукции, зарабатыванию собственных денег, пирсингу и татуировкам и др. Выявлено мнение респондентов о причинах мелких правонарушений подростков, употребления табака и алкогольной продукции подростками, беременности девочек-подростков. Автор делает следующие выводы: отношение подростков к негативным проявлениям преждевременной социализации характеризуется преобладанием нейтрально-негативных оценок. В выборе отношения подростков к некоторым социально неодобряемым проявлениям преждевременной социализации, которые не подвергаются выраженной стигматизации в обществе, – преобладают нейтральные и даже позитивные оценки. Среди основных причин проявлений преждевременной социализации подростки выделяют: личностные особенности, желание испытать острые ощущения и проблемную ситуацию в семье.

Ключевые слова: социализация, социализационная норма, преждевременная социализация, российские подростки

Для цитирования: Салистая Г. С. Отношение подростков к проявлениям преждевременной социализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1(858). С. 114–121.

Original article

Adolescents' Attitudes Towards Manifestations of Premature Socialization

Galina S. Salistaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
galinasol@inbox.ru

Abstract.

The article discusses the results of an empirical study of adolescents conducted by the author using a database provided by all-Russian children's organizations. The method of online survey (Google Forms) was used. The sample is focused spontaneous. The sample size is 183 respondents. The age of respondents is from 12 to 18 years old. The results are presented using the methods of descriptive statistics and multivariate data analysis. The concept of socialization norm was applied as a methodological basis of the study. Premature socialization is considered as early acquisition of social functions of an adult by children and adolescents and is qualified as a socialization deviation, which is not always interpreted as a deviation. The specifics of sociological studies of adolescents are discussed, and a number of limitations of using the questionnaire survey as a tool in the study of this age group are revealed. The opinion of adolescents about the accessibility of the questionnaire wording during the survey of high school students by the method of focus-group interview is shown, according to the results of which a number of questions were reformulated and some were excluded from the questionnaire. The analysis of teenagers' attitudes to various manifestations of premature socialization is presented: teenage girls' pregnancy, early sexual relations, marriage before school graduation, smoking, alcohol consumption, earning their own money, piercing and tattoos, etc. The analysis of teenagers' attitudes to various manifestations of premature socialization is presented. The respondents' opinion on the causes of minor offenses of adolescents, use of tobacco and alcohol products by adolescents, pregnancy of adolescent girls was revealed. The author draws the following conclusions: the attitude of adolescents to negative manifestations of premature socialization is characterized by the prevalence of neutral-negative assessments. In the choice of adolescents' attitudes towards some socially disapproved manifestations of premature socialization, which are not subject to pronounced stigmatization in society, neutral and even positive assessments prevail. Among the main reasons for the manifestations of premature socialization, adolescents highlight: personal characteristics, the desire to experience thrills and the situation in the family.

Keywords:

socialization, socialization norm, premature socialization, Russian teenagers

For citation:

Salistaya, G. S. (2025). The attitude of adolescents to the manifestations of premature socialization. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(858), 114–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проблем социализации личности в условиях социокультурных изменений не теряет своей актуальности. Технологические инновации современности определили появление новых социальных практик и способов социального взаимодействия, которые оказывают влияние и на социализацию детей и подростков. При усилении разнообразия способов передачи социального опыта новым поколениям, может возрасти вероятность отклонений в социализации, в том числе и проявлений различных форм преждевременного освоения социальных норм и культурных ценностей.

Преждевременная социализация связана с ранним обретением детьми и подростками социальных функций взрослого человека. Освоение знаний и навыков, не характерных для этой возрастной группы, может представлять проблему как для индивида, так и для общества [Ковалева, 1996]. К основным проявлениям преждевременной социализации относятся – раннее материнство и родительство, ранние браки, ранние сексуальные связи, противоправная деятельность подростков, бродяжничество и беспризорность, потребление алкоголя, наркотических и психотропных веществ,

детский труд и др. Преждевременная социализация отражает характер социализационного отклонения, которое не всегда трактуется как девиация. Причина тому – неоднозначность идентификации отклонений, прежде всего, тех, которые не относятся ни к антисоциальным, ни к асоциальным явлениям подростковой психики. Проявления преждевременной социализации в восприятии общества обретают множественный спектр значений: от нейтральных и нейтрально-положительных к условно-отрицательным и крайне негативным.

Методологической основой изучения преждевременной социализации является концепция социализационной нормы [Ковалева, 1996]. Социализационная норма как многомерный эталон предьявляется конкретным обществом индивиду. Он является мерой усвоения личностью в процессе социализации общепринятых норм, ценностей и образцов поведения. Общеобязательная норма фактически выступает в качестве границы социализации. Эту границу задает конкретное общество. Общепринятая норма, в свою очередь, осуществляется как самим индивидом, так и институтами социализации. В условиях социальных изменений социализационная норма претерпевает трансформации. Она связана с изменением идеалов

и размытием идеального типа социализационной нормы, пересмотром норм жизни и деятельности, изменением реального поведения людей.

Расширение возможностей получения знаний и навыков взрослого мира подростками связано, в первую очередь, с развитием современных коммуникационных технологий. Согласно исследованиям, Интернет является основным источником информации для подростков [Солдатова и др., 2011; Социологический анализ этнокультурного развития и профилактики экстремизма в молодежной среде, 2016]. При этом дети не всегда потребляют информацию, которая предназначена только для них. Преждевременное освоение знаний и навыков подростком, как правило, находится в определенном диссонансе с уровнем его социальной, психической, и физиологической зрелости. Проявления преждевременной социализации могут являться причиной ряда проблем как для индивида, так и для общества.

С учетом особенностей метода анкетного опроса подростков при изучении преждевременной социализации задачи исследования были сформулированы следующим образом: 1) выяснение отношения подростков к некоторым проявлениям преждевременной социализации; 2) определение причин социально-неодобряемых действий подростков. Эти причины выявляются, в том числе, путем анкетирования самих подростков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Специфика социологических исследований поведения подростков определяется их особым промежуточным статусом. Согласно действующему законодательству, они обладают статусом несовершеннолетних граждан, подразумевающим ряд ограничений в правах. Применение анкетного опроса подростков также имеет ряд ограничений.

Во-первых, исследуется социально-неодобряемое поведение, при этом крайне затруднительно избежать «социальной желательности», которая выражается в особенности подростка давать ответы, с его точки зрения, правильные и одобряемые взрослым миром¹.

Во-вторых, необходимо учитывать этический фактор при исследованиях этой социальной группы в российских реалиях. При опросах подростков, по мнению ряда исследователей, требуется получение согласия законных представителей или по достижению определенного возраста получения

согласия от самого подростка и обеспечение приватности полученных данных, защита подростков от возможных рисков и принудительного участия в исследовании [Русакова, 2014].

С учетом этических составляющих опроса подростков на электронную почту потенциального респондента направлялось сопроводительное письмо, в котором содержалась информация об использовании полученных данных в обобщенном виде с научными целями, подчеркивалась анонимность анкетного опроса. Также в «шапку» анкеты были включены фразы:

...Ты можешь отказаться от заполнения анкеты в любой момент, если так захочется.

...В анкете нет правильных и неправильных ответов!

...Мы просим тебя заполнить анкету до конца, потому что твое мнение нам очень важно.

Таким образом, по мнению С. Н. Майоровой-Щегловой, при достижении подростком 14-летнего возраста возможно самостоятельное принятие им решений об участии в исследовании. В этом случае необходимо заключение согласия между исследователем и подростком. Оно осуществляется в устной или письменной форме для ознакомления с целями исследования и способом употребления полученных данных [Майорова-Щеглова, 2017].

Для проверки доступности формулировок и определения времени заполнения анкеты подростками, перед проведением анкетирования состоялся опрос старшеклассников методом фокус-группового интервью, по итогам которого ряд вопросов были переформулированы, а некоторые и вовсе исключены из анкеты. Таким образом, например, были исключены вопросы, связанные с отношением подростков к участию в политических митингах, протестном движении. Для иллюстрации приведем выдержки из транскрипта фокус-группового интервью «Обсуждение анкеты для подростков»:

Подростки: И также вам не ответят про митинги.

Подростки: Анкету никто не напишет.

Подростки: Вам не ответят на эти вопросы. Очень много сейчас идет угроз в школах, насчет того, что если ты участвуешь в митинге, то ты вылетаешь из школы и это сразу же.

Интервьюер: Даже про своих друзей, ровесников, знакомых?

Подростки: Да. Просто никто не верит в анонимность этих анкет, нас постоянно тестируют, и всякие неприятности потом бывают. Просто если напишут про митинги, в школе могут узнать и вызывать на различные разговоры, чтобы узнать имена.

¹Майорова-Щеглова С. Н. Социологические исследования детей: границы и возможности применения неопросных методов // Социология детства. URL: http://childsoc.ru/doc/metod_1.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

Социологические науки

Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса подростков в возрасте 12–18 лет, проведенного автором посредством Google-форм. Использовалась база данных, представленная общероссийскими общероссийскими детскими организациями. Выборка фокусированная стихийная. N = 183. Регионы: Москва, Московская область, Архангельск, Башкирия, Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Йошкар-Ола, Казань, Калуга, Краснодарский край, Ленинградская область, Находка, Новосибирск, Санкт-Петербург, Томская область, Тула, Уфа, Челябинская область.

Статистическая обработка результатов была выполнена в программе SPSS Statistics 29. Результаты представлены с использованием методов описательной статистики и двумерного анализа данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В опросе приняли участие 183 респондента: 56 % девушек и 44 % юношей. Возраст подростков, принимающих участие в опросе: 17 лет – 39,3 %, 16 лет – 21,9 %, 15 лет – 16,4 %, 14 лет – 10,4 %, 13 лет – 7,1 %, 12 лет – 4,9 %. В исследуемой совокупности, представлены в основном подростки в возрасте 14–17 лет – 83,1 % от всего состава выборочной совокупности, проживающие в семьях с хорошим и средним доходом – 94,5 %, с достаточно высокими показателями успеваемости в образовательных учреждениях. Такой результат можно объяснить учитывая сфокусированность выборки на подростках, которые занимаются в учреждениях дополнительного образования и увлечены получением знаний и навыков в какой-либо из сфер творческой деятельности. Образовательные интенции подростков связаны с предложением ссылки на заполнение анкеты в Google-форм подросткам, включенным в базы данных общероссийских детских организаций.

Отношение подростков к проявлениям преждевременной социализации было представлено путем ответа на вопрос: «Мое отношение...», – далее респонденту предлагалось осуществить выбор к проявлениям преждевременности в социализации по ранговой шкале, предусматривающей положительные оценки отношения к явлению выбором «4» и «5», отрицательные оценки – «1» и «2», нейтральную оценку – «3». Вопрос сопровождался пояснением, где 5 – максимально позитивное отношение, 1 – крайне негативное. Также при проведении фокус-группового интервью со старшеклассниками обсуждался вопрос смыслового восприятия оценок для уточнения понимания выбора пункта «3» на шкале как нейтральной оценки.

Респондентам задавались вопросы об отношении к беременности девочек-подростков; вступлению в брак до окончания школы; к ранним сексуальным связям; к бродяжничеству и беспризорности; курению; употреблению алкогольной продукции и др.

В целом, определяя свое отношение к таким проявлениям преждевременной социализации, подростки выбирали негативно-нейтральные оценки, что является вполне ожидаемым результатом. Например, при ответе на вопрос: «Мое отношение к беременности девочек подростков», – негативные оценки «1» выбрали 41,5 % и «2» – 31 % подростков. Свое отношение к этому явлению как нейтральное определили 19,7 % респондентов (см. табл. 1).

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС: МОЕ ОТНОШЕНИЕ К БЕРЕМЕННОСТИ ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ

Значение переменной	Частота	Проценты
1 – максимально негативная оценка	76	41,5
2	55	30,1
3	36	19,7
4	12	6,6
5 – максимально позитивная оценка	4	2,2
Всего:	183	100,0

Отношение подростков к ранним сексуальным связям можно охарактеризовать как крайне негативное. Оценку «1» выбрали 45,9 % респондентов, оценку «2» – 27,9 %. Нейтрально относятся к этому явлению 19,7 % подростков (см. табл. 2).

При определении отношения подростков к вступлению в брак до окончания школы 47 % подростков выбрали оценку «1», 16,4 % – оценку «2». Нейтрально относятся к этой проблеме 23 % (см. рис. 1)

При ответе на вопрос: «Мое отношение к трудовой деятельности в ущерб занятиям в школе / колледже», – негативные оценки «1» и «2» выбрали 9,8 % и 3,3 % подростков. Свое отношение как нейтральное определили – 31,1 %. Положительное отношение к трудовой деятельности вместо школы в подростковом возрасте определили на «4» – 32,2 % подростков и на «5» – 23,5 %. При этом, выбор оценок, выражающих отношение к этому явлению, отличаются в разных возрастных группах. Среди подростков в возрасте 12–15 лет выбора негативных оценок «1» и «2» не было

(0 %), нейтральную оценку «3» выбрало 21,1 %, «4» – 31 % и «5» – 47,9 %. Старшие подростки 16–17 лет иначе оценивают свое отношение к этому явлению. Положительное отношение «5» выбрало 8 % в этой группе, «4» – 33 %, нейтральную «3» – 37,5 %, «2» – 5,4 %, «1» – 16,1 %.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС: МОЕ ОТНОШЕНИЕ К РАННИМ СЕКСУАЛЬНЫМ СВЯЗЯМ

Значение переменной	Частота	Проценты
1 – максимально негативная оценка	84	45,9
2	51	27,9
3	36	19,7
4	6	3,3
5 – максимально позитивная оценка	6	3,32
Всего:	183	100,0

Отношение подростков к курению и употреблению алкогольной продукции негативно-нейтральное. Отношение к курению: «1» – 36,1 %, «2» – 14,8 %, нейтрально – 37,2 %, хорошо «4» – 8,7 % и отлично – 1,6 %. К употреблению алкогольной продукции крайне негативно «1» – 21,3 %, «2» – 24,6 %, нейтральное отношение продемонстрировали 47,5 %, «4» – 6,6 %.

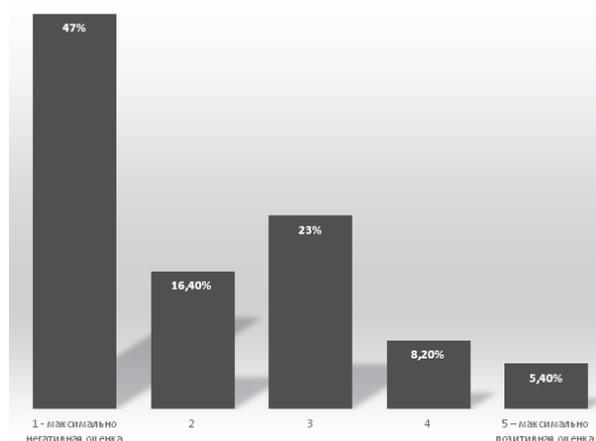


Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: Мое отношение к вступлению в брак до окончания школы

При ответе на вопрос: «Мое отношение к зарабатыванию денег путем ведения собственного

блога», который является, по сути, другой интерпретацией вопроса о трудовой деятельности, – негативную оценку «1» подростки не выбрали (0 %), «2» выбрали 3,3 %, «3», – 9,8 %, «4» – 21,3 % и «5» – 65,6 %. Причем, разнородности мнений по отношению к этому вопросу в разных возрастных категориях (12–15 лет и 16–17 лет) практически не было обнаружено (табл. 3).

Примечательно отношение подростков к пирсингу и татуировкам. Согласно действующему законодательству, нанесение татуировки является процедурой, связанной с вмешательством в организм и решение о ее проведении может быть принято гражданином самостоятельно при достижении возраста дееспособности – 18 лет. Далеко не все салоны готовы нанести татуировку несовершеннолетнему, даже заручившись согласием законных представителей и личным присутствием родителей на процедуре. Повышенная чувствительность подростка к боли и другие особенности физиологии человека в этом возрасте, необходимость снимать одежду для доступа к месту локализации татуировки, – определяет негативное отношение большинства тату-мастеров к такой процедуре в подростковом возрасте.

При ответе на вопрос: «Мое отношение к пирсингу и татуировкам», – выбор «1» сделали 9,8 % подростков, «2» – 12 %, «3» – 33,3 %. «4» – 27,9 % подростка и «5» – 16,9 %. (табл. 4).

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС: МОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПИРСИНГУ И ТАТУИРОВКАМ

Значение переменной	Частота	Проценты
1 – максимально негативная оценка	18	9,8
2	22	12,0
3	61	33,3
4	51	27,9
5 – максимально позитивная оценка	31	16,9
Всего:	183	100,0

Диеты для улучшения внешности также относятся к проявлениям преждевременной социализации. Возможные последствия диет, обусловленные психологическими, физиологическими и социальными особенностями подростков, позволяют маркировать это явление как преждевременность в социализации. При ответе на вопрос: «Мое

Социологические науки

отношение к диетам для улучшения внешности», выбрали «1» – 12 %, «2» – 21,9 %, нейтрально относятся к этой теме «3» – 24,6 %, положительно – 15,3 % и отлично – 26,2 %.

К просмотру сайтов «с взрослым контентом» (подростки интерпретируют взрослый контент как несущий сексуальную смысловую нагрузку), негативно относятся: «1» – 13,2 %, «2» – 23 %, оценку нейтрально «3» – 36 %, хорошо и отлично к просмотру такого контента относятся 27,6 %.

По мнению подростков, основными причинами беременности девочек-подростков, являются: «личностные особенности» – 65 %; «сложившиеся обстоятельства, случай» – 55,7 %; «неправильное воспитание в семье» – 51,4 %; «неблагополучные отношения в семье» – 17,5 %; «влияние компании ровесников» – 14,8 %; «низкий уровень знаний (сексуальное невежество)» – 13,7 %.

Употребление табака и алкоголя до 18 лет, связано, по мнению подростков: «с желанием испытать острые ощущения» – 48,6 %; «непониманием последствий» – 30,6 %; «с влиянием компании, чтобы быть как все» – 22,4 %; «с родителями, семьей» – 10,4 %; среди ответов «другое» – были варианты «с азартом», «люди такие», «хочется».

Основными причинами мелких правонарушений подростков, были названы: «азарт» – 33,9 %; «личностные особенности» – 33,3 %; «влияние романтического ореола такого поведения в СМИ, Интернете» – 29,5 %; «ситуация в семье» – 22,4 %.

Определяя свое отношение к беременности девочек-подростков, к вступлению в брак до окончания школы, ранним сексуальным связям,

к бродяжничеству и беспризорности, курению, употреблению алкогольной продукции и др., подростки выбирали негативно-нейтральные оценки, что является вполне ожидаемым результатом. Анализируя отношение подростков к различным проявлениям преждевременности в социализации можно заметить, что стигматизируемые обществом, негативные проявления преждевременности достаточно точно распознаются подростком, что выражается в преобладании нейтрально-негативных оценок. Относительно проявлений преждевременности в социализации, последствия которых обладают негативным потенциалом воздействия на социализационную траекторию подростка в более скрытой, завуалированной форме, – в выборе отношения подростков преобладают нейтральные и даже позитивные оценки. Среди основных причин проявления преждевременной социализации подростки выделяют личностные особенности, желание испытать острые ощущения, азарт и ситуацию в семье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преждевременное освоение подростками знаний и навыков «взрослого мира» может представлять проблему, которая связана с информационно-образовательными рисками и рисками для жизни и здоровья детей. Обретение подростками социальных функций взрослого человека рассматривается в контексте отклонения от социализационной нормы и относится к преждевременной социализации. С учетом специфики проведения

Таблица 3

ОТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКОВ К ЗАРАБАТЫВАНИЮ ДЕНЕГ ПУТЕМ ВЕДЕНИЯ СОБСТВЕННОГО БЛОГА ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ 12–15 И 16–17 ЛЕТ

		Сколько тебе лет?							16–17 лет	%	Всего	
		12	13	14	15	12–15 лет	%	16				17
Отношение к зарабатыванию денег путем ведения собственного блога:	2	0	0	3	0	3	4,2	0	3	3	2,7	6
	3	0	0	0	6	6	8,5	9	3	12	10,7	18
	4	0	9	0	6	15	21,1	18	6	24	21,4	39
	5	9	4	16	18	47	66,2	13	60	73	65,2	120
Всего:	9	13	19	30	71	100,0	40	72	112	100,0	183	

анкетного опроса подростков и ограниченности выбранного инструментария возрастными особенностями опрашиваемых задачами исследования являлось выявление отношения подростков к некоторым проявлениям преждевременной социализации и причины социально-неодобряемых действий подростков.

Определяя свое отношение к беременности девочек-подростков, к вступлению в брак до окончания школы, ранним сексуальным связям, к бродяжничеству и беспризорности, курению, употреблению алкогольной продукции и др., подростки выбирали негативно-нейтральные оценки, что является

вполне ожидаемым результатом. Анализируя отношение подростков к различным проявлениям преждевременной социализации можно заметить, что стигматизируемые обществом, негативные проявления преждевременности достаточно точно распознаются подростком, что выражается в преобладании нейтрально-негативных оценок. Относительно проявлений преждевременности в социализации, последствия которых обладают негативным потенциалом воздействия на социализационную траекторию подростка в более скрытой, завуалированной форме, – в выборе отношения подростков преобладают нейтральные и даже позитивные оценки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалева А. И. Социализация личности: норма и отклонение. М.: Институт молодежи, 1996.
2. Солдатова Г. В. [и др.]. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об интернете / Г. В. Солдатова, Е. Ю. Зотова, А. И. Чекалина, О. С. Гостимская / под ред. Г. В. Солдатовой. М.: МСкомпринт, 2011.
3. Социологический анализ этнокультурного развития и профилактики экстремизма в молодежной среде: коллективная монография / И. В. Образцов, А. Я. Касюк, Г. В. Маткаримова, А. В. Половнёв, В. Л. Примаков, С. С. Соловьев, О. Н. Шаева ; под. общ. ред. И. В. Образцова. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016.
4. Русакова М. М. Обзор законодательства и литературы по этическим аспектам исследований благополучия и нарушений прав детей // Теория и практика общественного развития. 2014. №16. С. 53–58.
5. Майорова-Щеглова С. Н. Этико-правовые и научные требования к социологическим исследованиям детей // Многомерные статистические модели и их применение в социологических исследованиях детства. СПб.: Астерион, 2017. С. 24–28.

REFERENCES

1. Kovaleva, A. I. (1996). Socializaciya lichnosti: norma i otklonenie = Socialization of personality: norm and deviation. Moscow: Institute of Youth. (In Russ.)
2. Soldatova, G. V. (2011). Pojmannye odnoj set'yu: social'no-psihologicheskoe issledovanie predstavlenij detej i vzroslyh ob internete = Caught in one net: a socio-psychological study of the ideas of children and adults about internships / G. V. Soldatova, E. Yu. Zotova, A. I. Chekalina, O. S. Gostimskaya. Moscow: MSkomprint. (In Russ.)
3. Obrastsov, I. V. (Ed.) (2016). Sociologicheskij analiz etnokul'turnogo razvitiya i profilaktiki ekstremizma v molodezhnoj srede = Sociological analysis of ethnocultural development and prevention of extremism among youth: a collective monograph / I. V. Obrastsov, A. Ya. Kasyuk, G. V. Matkarimova, A. V. Polovnev, V. L. Primakov, S. S. Solovyov, O. N. Shaeva. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
4. Rusakova, M. M. (2014). Obzor zakonodatel'stva i literatury po eticheskim aspektam issledovanij blagopoluchiya i narushenij prav detej = Review of legislation and literature on ethical aspects of research on the well-being and violations of children's rights. Theory and practice of social development, 16, 53–58. (In Russ.)
5. Mayorova-Shcheglova, S. N. (2017). Etiko-pravovye i nauchnye trebovaniya k sociologicheskim issledovaniyam detej = Ethical, legal and scientific requirements for sociological research of children. In the collection: Multidimensional statistical models and their application in sociological research of childhood (pp. 24–28). St. Petersburg: Asterion. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салистая Галина Станиславовна

соискатель кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Salistaya Galina Stanislavovna

Postgraduate Student

Department of Sociology

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	07.02.2025	
принята к публикации	14.03.2025	



Эволюция подходов к анализу пространственной дифференциации смертности

С. Р. Хазипова

Уфимский университет науки и технологий
KHazipovaSR@uust.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается эволюция научного понимания пространственных различий в показателях смертности, начиная с первоначальных картографических представлений и заканчивая современными методами геопро пространственного моделирования. Произведен всесторонний анализ подходов, используемых на каждом этапе анализа пространственных тенденций смертности. Для достижения этой цели в исследовании использовался комбинированный подход, сочетающий два метода: индуктивный метод Томаса и методику анализа данных Уиттмора и Кнафла. Данный подход был применен для выявления закономерностей в исследуемой литературе. Для этого была собрана и проанализирована информация о научных исследованиях территориальной дифференциации смертности. Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные из базы данных Google Академия, SocINDEX, опубликованные в период с 1865 по 2022 год. Исследование показывает, что изучение пространственных различий в уровне смертности прошло несколько важных этапов: с середины XIX века и до современности, когда стали применяться многоуровневые статистические методы. На начальном этапе основное внимание уделялось описательной статистике и качественным методам. Позже акцент сместился на корреляционный анализ. На третьем этапе широко использовался уже регрессионный анализ. Четвертый этап был сосредоточен на математическом моделировании и геопро пространственных информационных системах с использованием передовых методов, таких как пространственный анализ, географические информационные системы (ГИС) и визуализация данных. Пятый этап предполагает использование комплексных и междисциплинарных научных методов для понимания различий в показателях смертности. В исследовании отмечается, что изучение причин смертности требует применения современных методов и междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: территориальная дифференциация смертности, здоровье населения, «социальная смерть», образ жизни, продолжительность жизни

Для цитирования: Хазипова С. Р. Эволюция подходов к анализу пространственной дифференциации смертности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 1 (858). С. 122–129.

Original article

The Evolution of Approaches to the Analysis of Spatial Differentiation of Mortality

Syuembika R. Khazipova

Ufa University of Science and Technology
KHazipovaSR@uust.ru

Abstract. The article examines the evolution of scientific understanding of spatial differences in mortality rates, from the first cartographic observations to modern geospatial modeling methods. A comprehensive analysis of the approaches used at each stage of the analysis of spatial mortality trends is presented.

To achieve this goal, the study used a combined approach combining two methods: the Thomas inductive method and the data analysis methodology of Whittemore and Knafl. This approach was applied to identify patterns in the literature under study. For this purpose, information on scientific studies of territorial differentiation of mortality was collected and analyzed. Information on scientific studies of territorial differentiation of mortality was collected and analyzed. The empirical basis of the study was data obtained from the Google Scholar, SocINDEX database, published between 1865 and 2022. The study shows that the research of spatial differences in mortality rates has gone through several important stages: from the mid-19th century to the present day, when multilevel statistical methods began to be used. At the initial stage, the focus was on descriptive statistics. Later, the focus shifted to correlation analysis. At the third stage, regression analysis was already widely used. The fourth stage focused on mathematical modeling and geospatial information systems using advanced techniques such as spatial analysis, geographic information systems (GIS), and data visualization. The fifth stage involves the use of more comprehensive and interdisciplinary scientific methods to understand differences in mortality rates. The study notes that the study of the causes of mortality requires the use of modern methods and an interdisciplinary approach.

Keywords: territorial differentiation of mortality, population health, "social death", lifestyle, life expectancy

For citation: Khazipova, S. R. (2025). The evolution of approaches to the analysis of spatial differentiation of mortality. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(858), 122–129. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование историко-территориальной дифференциации смертности является ключевым элементом для понимания текущих и будущих вызовов в области снижения смертности. Оно формирует комплексное представление о взаимодействии социально-экономических факторов и здоровьем населения, способствует разработке эффективных мер по улучшению здоровья и уменьшению неравенства в обществе. *Цель исследования* – проанализировать эволюцию научного понимания пространственных различий в показателях смертности населения от первых картографических наблюдений до современных методов геопро пространственного моделирования (с середины XIX века по настоящее время). *Объектом исследования* выступают процессы территориальной дифференциации смертности на общемировом уровне. *Предметом исследования* являются концептуальные, методологические и инструментальные подходы к рассмотрению территориальной дифференциации смертности в ретроспективе научного познания. *Практическая значимость* работы заключается в потенциальном применении полученных знаний в эмпирических исследованиях, направленных на выявление различий в показателях смертности в разных географических регионах.

МЕТОДЫ

В контексте исследования был использован комбинированный подход: индуктивный подход Томаса и метод анализа данных Уиттмора и Кнафла [Thomas, 2006; Whittemore, Knafl, 2005]. Сначала

исходные данные были организованы по группам, затем темы были проанализированы внутри групп и между ними с использованием метода постоянного сравнения для выявления закономерностей, вариаций и взаимосвязей в рассмотренной литературе.

ВЫБОРКА

В статье проанализирована литература в библиографической базе данных SocINDEX и поисковой системе для научных работ Google Академия. Анализировались работы как зарубежных, так и отечественных авторов. Поиск не был ограничен определенными хронологическими рамками, чтобы получить представление об эволюции темы «территориальная дифференциация смертности» с течением времени. Однако поиск ограничивался научными, рецензируемыми журнальными статьями и монографиями. Исключались статьи, в которых не обсуждалась «территориальная дифференциация смертности» с точки зрения пространственных различий.

В результате поиска были найдены более 250 статей. После сканирования тезисов и / или прочтения полного текста статьи были отобраны восемь монографий и 30 статей для включения в обзор литературы. Еще две статьи были использованы для анализа литературы (индуктивный подход Томаса и метод анализа данных Уиттмора и Кнафла [Thomas, 2006; Whittemore, Knafl, 2005]). Анализ исследований показал, что отобранные статьи были опубликованы в период с 1865 по 2022 год. Большую часть публикаций составляют количественные исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучение различий в показателях смертности, характерных для разных географических регионов мира, является одной из ключевых областей социологии. Данная тема приобрела особое значение в период демографического перехода с середины XIX – начала XX века, который характеризовался значительными изменениями в показателях смертности. Тогдашняя методология, служившая для анализа различий смертности, отличалась от современной и в основном носила описательный характер. Однако фундаментальные принципы, которые лежат в основе этого анализа, остаются актуальными, так как социально-экономические факторы по-прежнему являются значительными и определяют уровень смертности.

Современные исследования в области социологии смертности опираются на результаты научных работ и в других дисциплинах: в демографии, социальной эпидемиологии и др. Данные междисциплинарные подходы способствуют более углубленному пониманию механизмов и факторов, определяющих уровень смертности населения.

Исследования дифференциации смертности условно разделены на пять этапов.

1 этап. В середине XIX века и на протяжении всего XX столетия социологи уделяли значительное внимание анализу территориальных различий в показателях смертности [Farr, 1885; Буняковский, 1865]. В начальных работах выявлены существенные различия в уровнях смертности между регионами, обусловленные такими факторами, как климатические условия, санитарные нормы, медицинское обслуживание.

В начале XX века в области социальной эпидемиологии и демографии было введено понятие «социальная смерть». Эта концепция наглядно демонстрирует, что показатели смертности могут существенно различаться в социально-экономических группах населения под влиянием таких факторов как доход, уровень образования, род занятий, раса и др. [Adams, 1910; Bolt, 1921; Woods, 1927; Woodbury, 1918; Brown, Lal, 1914]. Концепция способствовала формированию теоретической базы для понимания социально-экономических факторов как важнейших показателей здоровья человека и ожидаемой продолжительности жизни.

В 1920-х годах исследование социальных различий в смертности начали переходить от описательного подхода к более аналитическим и эмпирическим методам. Ученые того периода выявили, что определенные группы людей с разными профессиональными путями, социальными статусами

и образом жизни имели разный уровень смертности [Bertillion, 1892].

На первом этапе ученые были сосредоточены на проведении описательного статистического анализа и качественных методах (например, анализ документов, наблюдение, интервью). Кроме того, были впервые задействованы аналитические и эмпирические методы для изучения сложных взаимосвязей между такими переменными, как климат, санитария и медицинское обслуживание.

2 этап. До 1930-х годов ученые делали акцент преимущественно на биологических и медицинских детерминантах, которые влияют на продолжительность жизни¹ [Crew, 1928]. Лишь в дальнейшем усилилось исследование социально-экономических факторов, которые влияют на показатели здоровья.

Так, в 1950-х годах социальная эпидемиология выделилась в самостоятельную дисциплину. В результате акцент сместился с чисто биологических факторов на социально-экономические детерминанты здоровья и смертности [Krieger, 2001].

На втором этапе научные подходы исследований были значительно расширены. Впервые был проведен всесторонний корреляционный анализ, в котором учитывались социально-экономические переменные, такие как доход, уровень образования и др. С использованием описательных, качественных и сравнительных методов была предпринята попытка выявить отличия в показателях смертности в демографических группах.

3 этап. С 1960-х годов в исследованиях стали отмечать важную роль социального неравенства и урбанизации в формировании уровня смертности. Исследование, проведенное А. Антоновским в 1967 году, выявило прямую корреляцию между социально-экономическим статусом и смертностью; более уязвимые социально-экономические группы имели более высокие показатели смертности [Antonovsky, 1967]. Последующие исследования подтвердили эти выводы и расширили их, продемонстрировав влияние социально-экономического неравенства на тенденции смертности [Marmot, Shipley, Rose, 1984; Wilkinson, 1986].

Идея о том, что социальные факторы являются фундаментальными детерминантами заболеваемости, была выдвинута Б. Линком и Д. Феланом в 1990-х годах [Link, Phelan, 1995]. Она предполагает, что социально-экономический статус, профессия и образование играют фундаментальную роль в определении доступа к ресурсам, влияющим на состояние здоровья.

¹London I. Deaths from influenza and related causes in large English towns November 28, 1 V 26, to January 8, 1927.

М. Гринберг и другие исследователи пришли к выводу о влиянии урбанизации на показатели смертности, что способствовало лучшему пониманию этой сложной проблемы. Их работа продемонстрировала, что быстрый рост городов сопровождается быстрым ростом заболеваний, что требует всестороннего понимания социальных факторов, влияющих на здоровье [Greenberg, 1983].

В научных работах выдающихся российских демографов и социологов значительное внимание уделялось исследованию различий в показателях смертности, зависящих от социально-экономического развития, образа жизни населения и других социальных факторов. Они применили комплексный подход, исследовав сложное взаимодействие между детерминантами, которые влияют на различия в смертности среди территориальных и социальных групп. Например, работы Д. Валентея были сосредоточены на рассмотрении сложной взаимосвязи между социально-экономическим статусом, культурным происхождением, моделями поведения и их влиянием на показатели смертности среди населения [Валентей, 1984; Валентей, 1985; Валентей, 1987].

В. Борисов, с другой стороны, исследовал региональные различия в смертности, учитывая такие факторы, как урбанизация, демографический состав и образ жизни [Борисов, 1988; Борисов, 1991].

А. Вишневецкий определил влияние изменений в социальной структуре и в образе жизни на показатели смертности [Вишневецкий, 1982; Вишневецкий, 1989].

Предыдущий второй этап исследования был ограничен лишь изучением взаимосвязи между социально-экономическими факторами и смертностью. Однако на третьем этапе уже была выявлена и доказана корреляция между социально-экономическими факторами и смертностью. Для оценки этой корреляции были использованы количественные методы эмпирического исследования. В научных подходах в дополнение к корреляционному анализу широко используется регрессионный анализ для оценки влияния различных факторов на показатели смертности.

4 этап. С 1970-х годов в научных исследованиях произошли значительные методологические изменения, сопровождавшиеся широким внедрением количественных методов, математического моделирования и геоинформатики. Инновационные методы пространственного моделирования способствовали развитию эпидемиологии благодаря созданию карт и визуализации географических закономерностей заболеваемости [Pickle,

1999; Bernardinelli, Montomoli, 1992]. Системы геопространственной информации (*далее* ГИС) сыграли важную роль в этих разработках. ГИС стала важным инструментом для разработки эпидемиологических методов [Andes, Davis, 1995]. Инновационные методы способствовали выявлению ранее неизвестных пространственных закономерностей и связей.

В 1980–90-х годах концепция «здоровых городов» стала центральным направлением демографических, эпидемиологических и социальных исследований. Была доказана роль социального капитала и коллективной эффективности в формировании территориальных различий показателей смертности. Исследования показали, что такие факторы, как транспортная доступность, зеленые насаждения и социальная инфраструктура, существенно влияют на уровень заболеваемости и смертности в разных географических районах города [Ellaway, Macintyre, Kearns, 2001; Macintyre, 1986].

На четвертом этапе исследования добились значительного прогресса в методологических подходах, уделив особое внимание количественным методам, математическому моделированию и геопространственным информационным системам. Были использованы различные научные методы, включая пространственный анализ, географические информационные системы (ГИС), математическое моделирование и визуализацию данных, чтобы выявить закономерности в распределении заболеваемости по географическим районам.

5 этап. В середине XIX и в течение XX веков произошло смещение акцента с опоры в первую очередь на эмпирические наблюдения на применение более комплексного и междисциплинарного подхода к пониманию различий в показателях смертности в разных регионах. Этот переход включал использование современных методов (пространственный анализ и моделирование) для лучшего понимания этого сложного явления [Харькова, Кваша, Ревич, 2018; Харькова, Никитина, Андреев, 2017; Кваша, Харькова, 2010; Кваша, Харькова, 2009]. Передовые методы пространственного анализа и статистического моделирования широко используются в современное время [Школьников, 1987; Щур, 2018; Щур, 2022; Щур, Тимонин, 2020].

На пятом этапе изучения территориальной дифференциации смертности применялся уже междисциплинарный научный подход. В исследованиях используются передовые методы пространственного анализа и статистического моделирования, подкрепленные передовыми технологиями и междисциплинарными методиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование социальной и территориальной дифференциации смертности имеет несколько этапов изменения научной парадигмы. Переход от одной научной парадигмы к другой обусловлен, *во-первых*, необходимостью использования более сложных методов для изучения пространственного измерения смертности. *Во-вторых*, растущему пониманию многочисленных причин, влияющих на уровень смертности. Перечислим основные этапы:

1. Середина XIX и начало XX века – появление новых источников данных о смертности на региональном и местном уровнях. Применяя качественный анализ, системный подход к сбору и анализу данных, исследователи смогли выявить более сложные корреляции между географическими и климатическими факторами смертности населения.

2. 1930-е и 1950-е годы – основное внимание уделялось социальным детерминантам здоровья и смертности. В эти годы эволюция научного подхода произошла под влиянием социальных изменений, вызванных экономическими кризисами и конфликтами (к примеру, великая депрессия).

Был применен в научном подходе корреляционный анализ, в котором учитывались социально-экономические факторы.

3. 1960–1970-е годы – развитие эпидемиологических методов. Изменение научной парадигмы произошло благодаря развитию исследовательских подходов, включая географические информационные системы (ГИС) и количественные методы.

4. 1980–1990-е годы изменился фокус научных исследований: особое внимание были сосредоточены на математическом моделировании и пространственном анализе.

5. В 2000-х годах произошел переход к многоуровневому моделированию для изучения роли разнообразных факторов в показателях смертности.

В целом, в XX веке произошел переход от преимущественно описательных исследований к комплексным, междисциплинарным подходам, к пониманию отличий в показателях смертности на территориях. В современный период научные исследования пространственного измерения смертности стали более целостными и междисциплинарными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Thomas D. R. A general inductive approach for analyzing qualitative evaluation data // American Journal of Evaluation. 2006. № 27. P. 237–246.
2. Whitemore R., Knafl K. The integrative review: Updated methodology // Journal of Advanced Nursing. 2005. № 52 (5). P. 546–553.
3. Farr W. Vital Statistics: A Memorial Volume of selections from the reports and writings of William Farr, GRO. London, 1885.
4. Буныковский В. Я. Опыт о законах смертности в России и о распределении православного населения по возрастам (с тремя листами чертежей). СПб.: Имп. акад. наук, 1865.
5. Adams C. R. Socio-economic Aspects of Tuberculosis in the City of Minneapolis. Minneapolis: The University of Minnesota, 1910.
6. Bolt R. A. Fundamental factors in infant mortality // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1921. Т. 98. № 1. P. 9–16.
7. Woods H. M. The influence of external factors on the mortality from pneumonia in childhood and later adult life // Epidemiology & Infection. 1927. Т. 26. № 1. P. 36–43.
8. Woodbury R. M. Infant mortality studies of the Children's Bureau // Quarterly publications of the American Statistical Association. 1918. Т. 16. № 122. P. 30–53.
9. Brown J. W., Lal M. An inquiry into the relation between social status and cancer mortality // Epidemiology & Infection. 1914. Т. 14. № 2. P. 186–200.
10. Bertillion J. Morbidity and mortality according to occupation // Journal of the Royal Statistical Society. 1892. Т. 55. № 4. P. 559–600.
11. Crew F. A. E. The Biological Aspect // The British Medical Journal. 1928. P. 477–479.
12. Krieger N. Theories for social epidemiology in the 21st century: an ecosocial perspective // Int J Epidemiol. 2001. № 30 (4). P. 668–77.
13. Antonovsky A. Social Class, Life Expectancy and Overall Mortality // Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. № 45 (2). P. 31–73.
14. Marmot M. G., Shipley M. J., Rose G. Inequalities in Death – Specific Explanations of a General Pattern // The Lancet. 1984. № 323 (8384). P. 1003–1006.

15. Wilkinson R. G. Class Mortality Differentials, Income Distribution and Trends in Poverty 1921–1981 // *Journal of Social Policy*. 1986. № 15 (4). P. 439–467.
16. Link B. G., Phelan J. Social Conditions as Fundamental Causes of Disease // *Journal of Health and Social Behavior*. 1995. № 35. P. 80–94.
17. Greenberg M. R. Urbanization and cancer: changing mortality patterns? // *International regional science review*. 1983. Т. 8. № 2. P. 127–145.
18. Валентей Д. И. Социально-демографические проблемы народонаселения. М.: Статистика, 1984.
19. Валентей Д. И. Дифференциация смертности и средней продолжительности предстоящей жизни в регионах СССР // *Вестник статистики*. 1985. Вып. 10. С. 3–9.
20. Валентей Д. И., Зверева Н. В. Изучение народонаселения: вопросы методологии. М.: МГУ, 1987.
21. Борисов В. А. Перспективы демографического развития СССР. М.: Статистика, 1988.
22. Борисов В. А. Демографические процессы и возрастная структура населения. М.: Финансы и статистика, 1991.
23. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. М.: Финансы и статистика, 1982.
24. Вишневский А. Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1989.
25. Pickle L. W. et al. Exploring spatial patterns of mortality: the new atlas of United States mortality // *Statistics in Medicine*. 1999. Т. 18. № 23. P. 3211–3220.
26. Bernardinelli L., Montomoli C. Empirical Bayes versus fully Bayesian analysis of geographical variation in disease risk // *Statistics in medicine*. 1992. Т. 11. № 8. P. 983–1007.
27. Andes N., Davis J. E. Linking public health data using geographic information system techniques: Alaskan community characteristics and infant mortality // *Statistics in medicine*. 1995. Т. 14. № 5–7. P. 481–490.
28. Ellaway A., Macintyre S., Kearns A. Perceptions of place and health in socially contrasting neighborhoods // *Urban Studies*. 2001. № 38 (12). P. 2299–2316.
29. Macintyre S. The patterning of health by social position in contemporary Britain: directions for sociological research // *Social Science & Medicine*. 1986. № 23 (4). P. 393–415.
30. Харьковская Т. Л., Кваша Е. А., Ревич Б. А. Сравнительная оценка смертности населения в российских и зарубежных мегаполисах // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 6. С. 150–159.
31. Харьковская Т. Л., Никитина С. Ю., Андреев Е. М. Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // *Вопросы статистики*. 2017. № 8. С. 61–68.
32. Кваша Е. А., Харьковская Т. Л. Региональные особенности смертности в России в начале XXI века с позиций незавершенности эпидемиологического перехода // *Вопросы статистики*. 2010. № 7. С. 29–41.
33. Кваша Е. А., Харьковская Т. Л. Россияне и москвичи не равны перед лицом смерти // *Демоскоп Weekly*. 2009. № 369–370. Электронная версия бюллетеня *Население и общество*.
34. Школьников В. М. Географические факторы продолжительности жизни // *Известия АН СССР. Серия Географическая*. № 3 (12). С. 35.
35. Щур А. Е. Города-миллионники на карте смертности России // *Демографическое обозрение*. 2018. № 4. С. 66–91.
36. Щур А. Е. Различия в ожидаемой продолжительности жизни по типам поселений России // *Население и общество*. 2022. № 1(106).
37. Щур А. Е., Тимонин С. А. Центр-периферийные различия продолжительности жизни в России: региональный анализ // *Демографическое обозрение*. 2020. № 3. С. 108–133.

REFERENCES

1. Thomas, D. R. (2006). A general inductive approach for analyzing qualitative evaluation data. *American Journal of Evaluation*, 27, 237–246.
2. Whittemore, R., Knafel, K. (2005). The integrative review: Updated methodology. *Journal of Advanced Nursing*, 52(5), 546–553.
3. Farr, W. (1885). *Vital Statistics: A Memorial Volume of selections from the reports and writings of William Farr*, GRO, London.
4. Bunyakovsky, V. Ya. (1865). *Опыт о законах смертности в России и о распределении православного населения по возрастам (с тремя листами чертежей) = An experiment on the laws of mortality in Russia and on the distribution of the Orthodox population by age: (with three sheets of drawings)*. St. Petersburg: Imp. acad. Sciences. (In Russ.)
5. Adams, C. R. (1910). *Socio-economic Aspects of Tuberculosis in the City of Minneapolis*. Minneapolis, The University of Minnesota.

6. Bolt, R. A. (1921). Fundamental factors in infant mortality. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 98(1), 9–16.
7. Woods, H. M. (1927). The influence of external factors on the mortality from pneumonia in childhood and later adult life. *Epidemiology & Infection*, 26(1), 36–43.
8. Woodbury, R. M. (1918). Infant mortality studies of the Children's Bureau. *Quarterly publications of the American Statistical Association*, 16(122), 30–53.
9. Brown, J. W., & Lal, M. (1914). An inquiry into the relation between social status and cancer mortality. *Epidemiology & Infection*, 14(2), 186–200.
10. Bertillon, J. (1892). Morbidity and mortality according to occupation. *Journal of the Royal Statistical Society*, 55(4), 559–600.
11. Crew, F. A. E. (1928). The Biological Aspect. *The British Medical Journal* (pp. 477–479).
12. Krieger, N. (2001). Theories for social epidemiology in the 21st century: an ecosocial perspective. *Int J Epidemiol*, 30(4), 668–677.
13. Antonovsky, A. (1967). Social Class, Life Expectancy and Overall Mortality. *Milbank Memorial Fund Quarterly*, 45(2), 31–73.
14. Marmot, M. G., Shipley, M. J., & Rose, G. (1984). Inequalities in Death - Specific Explanations of a General Pattern. *The Lancet*, 323(8384), 1003–1006.
15. Wilkinson, R. G. (1986). Class Mortality Differentials, Income Distribution and Trends in Poverty 1921–1981. *Journal of Social Policy*, 15(4), 439–467.
16. Link, B. G., Phelan, J. (1995). Social Conditions as Fundamental Causes of Disease. *Journal of Health and Social Behavior*, 35, 80–94.
17. Greenberg, M. R. (1983). Urbanization and cancer: changing mortality patterns? *International regional science review*, 8(2), 127–145.
18. Valentey, D. I. (1984). Social'no-demograficheskie problemy narodonaselenija = Social and Demographic Problems of Population. Moscow: Statistics. (In Russ.)
19. Valentey, D. I. (1985). Differenciacija smertnosti i srednej prodolzhitel'nosti predstojashhej zhizni v regionah SSSR = Differentiation of Mortality and Average Life Expectancy in the Regions of the USSR. *Bulletin of Statistics*, 10, 3–9. (In Russ.)
20. Valentey, D. I., Zvereva, N. V. (1987). *Izuchenie narodonaselenija: voprosy metodologii = Population Studies: Methodological Issues*. Moscow: Moscow State University Press. (In Russ.)
21. Borisov, V. A. (1988). *Perspektivy demograficheskogo razvitiya SSSR = Prospects for the Demographic Development of the USSR*. Moscow: Statistics. (In Russ.)
22. Borisov, V. A. (1991). *Demograficheskie processy i vozrastnaja struktura naselenija = Demographic processes and age structure of the population*. Moscow: Finance and statistics. (In Russ.)
23. Vishnevsky, A. G. (1982). *Vosproizvodstvo naselenija i obshchestvo = Population reproduction and society*. Moscow: Finance and statistics. (In Russ.)
24. Vishnevsky, A. G. (1989). *Demograficheskaja revoljucija = Demographic revolution*. Moscow: Statistics. (In Russ.)
25. Pickle, L. W., Mungiole, M., Jones, G. K., & White, A. A. (1999). Exploring spatial patterns of mortality: the new atlas of United States mortality. *Statistics in Medicine*, 18(23), 3211–3220.
26. Bernardinelli, L., & Montomoli, C. (1992). Empirical Bayes versus fully Bayesian analysis of geographical variation in disease risk. *Statistics in medicine*, 11(8), 983–1007.
27. Andes, N., & Davis, J. E. (1995). Linking public health data using geographic information system techniques: Alaskan community characteristics and infant mortality. *Statistics in medicine*, 14(5–7), 481–490.
28. Ellaway, A., Macintyre, S., Kearns, A. (2001). Perceptions of place and health in socially contrasting neighborhoods. *Urban Studies*, 38(12), 2299–316.
29. Macintyre, S. (1986). The patterning of health by social position in contemporary Britain: directions for sociological research. *Social Science & Medicine*, 23(4), 393–415.
30. Kharkova, T. L., Kvasha, E. A., Revich, B. A. (2018). Comparative assessment of mortality in Russian and foreign megacities. *Problems of forecasting*, 6, 150–159. (In Russ.)
31. Kharkova, T. L., Nikitina, S. Yu., Andreev, E. M. (2017). Dependence of life expectancy on the level of education in Russia. *Questions of statistics*, 8, 61–68. (In Russ.)
32. Kvasha, E. A., Kharkova, T. L. (2010). Regional features of mortality in Russia at the beginning of the 21st century from the standpoint of the incompleteness of the epidemiological transition. *Questions of statistics*, 7, 29–41. (In Russ.)

33. Kvasha, E. A., Kharkova, T. L. (2009). Rossijane i moskvichi ne ravny pered licom smerti = Russians and Muscovites are not equal in the face of death. Demoscope Weekly, 369–370. (In Russ.)
34. Shkolnikov, V. M. (1987). Geograficheskie faktory prodolzhitel'nosti zhizni = Geographical factors of life expectancy. Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Geographical Series, 3(12), 35–44. (In Russ.)
35. Shchur A. E. (2018). Million-plus cities on the mortality map of Russia. Demographic Review, 4. (In Russ.)
36. Shchur, A. E. (2022). Differences in Life Expectancy by Types of Settlements in Russia. Population and Society, 1(107). (In Russ.)
37. Shchur, A. E., Timonin, S. A. (2020) Center-periphery differences in life expectancy in Russia: a regional analysis. Demographic Review, 3. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хазипова Сюембика Рашидовна

Аспирант

ассистент кафедры социологии и работы с молодежью

ведущий специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований

Уфимского университета науки технологий

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khazipova Syuembika Rashidovna

PhD Student

Assistant of the Department of Sociology and Youth Work

Leading Specialist of the Scientific Laboratory of Social and Demographic Research

Ufa University of Science and Technology

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.01.2025
07.02.2025
14.03.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Общественные науки Выпуск 1 (858)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Social Sciences Issue 1(858)
--	--

Ответственный редактор выпуска
кандидат политических наук М. В. Пупышева

Редактор *В. А. Геронимус*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 06.05.2025
Усл. печ. л. 16,25. Формат 60x90/8
Заказ № 26/25

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.